

Античные критики христианства А. Б. Ранович filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Античные критики христианства А. Б. Ранович.

К НОВОМУ ИЗДАНИЮ КНИГИ А. Б. РАНОВИЧА "АНТИЧНЫЕ КРИТИКИ ХРИСТИАНСТВА".
Ценность работы А. Б. Рановича "Античные критики христианства" для современного читателя в том, что в ней отражено восприятие христианства деятелями античной культуры в первые века существования новой религии, от практики ранних христианских общин до образования сильной церковной организации, показаны методы и направления религиозно-философской полемики на протяжении II-IV вв.

...Сначала образованные жители крупных центров империи обращали мало внимания на христиан, полемика с которыми велась в среде иудеев, рассматривавших христианское учение как ересь и препятствовавших его проповеди в синагогах. Вероятно, именно споры между правоверными иудеями и христианами привлекли к последним внимание жителей городов восточных провинций. Большинство увидело в христианах чужаков, враждебных античным традициям, греко-римскому образу жизни. В Деяниях апостолов рассказывается о том, как Павла и его спутника Силу привели к властям в македонском городе Филиппы с заявлением: "Сии люди, будучи иудеями, возмущают наш город и проповедуют обычаи, которых нам, Римлянам, не следует ни принимать, ни исполнять" (16:20-21). Именно в восприятии враждебной чужакам толпы христианство было зловерием, а сами христиане - врагами рода людского (они ведь не поклонялись статуям богов-покровителей города и императоров, не приносили жертв).

Представители более образованной части общества на первых порах не принимали христианства всерьез: в Деяниях апостолов сообщается, например, что в Афинах члены Ареопага насмеялись над словами Павла о воскресении из мертвых (17:32). Ареопаг - совет, один из древнейших судебных органов Афин. Отрицательное отношение Тацита к христианам основывалось, по всей вероятности, на досужих слухах об их страшных тайных обрядах. Плиний Младший, сам проводивший дознание о христианах как наместник в Вифинии, отмечал, что не обнаружил ничего (по-видимому, ничего опасного), кроме "безмерно уродливого суеверия", о сути которого он даже и не считал нужным подробно рассказать императору.

Но время шло, и о христианах стали писать больше. Правда, еще во II в. оно для своих критиков оставалось лишь одним из многих ложных и нелепых верований, которых рационально мыслящие античные писатели не могли принять. При этом, например, знаменитый сатирик Лукиан даже более зло высмеивал рассказы о древнегреческих богах и современных ему лжепророков и прорицателей. К христианам же, как это видно из его произведения "О кончине Перегринуса", он проявлял некоторую снисходительность: с его точки зрения, они просто невежественны и доверчивы (дают обмануть себя проходивцу Перегрину). Христианское учение Лукиана не интересует, и его подробным разбором он не занимается, говоря только о вере христиан в "распятого мудреца", который внушил им, что они братья. Отношение Лукиана к приверженцам этой религии отличалось от расхожих рассказов об их "злодействах" - вероятно, он сам наблюдал христиан в Сирии и Палестине.

Но неприятие новой веры продолжало существовать: распространялись различные небылицы, домыслы, тем более злобные, чем заметнее становились приверженцы христианства, не признававшие древних богов, избегавшие занятия выборных должностей, участия в общественных празднествах. Ходячее представление о христианах нашло свое отражение в знаменитом романе Апулея "Метаморфозы". Апулей пишет об одном из персонажей, жене мельника: "Презирая и попирая священные законы небожителей, исполняя вместо этого пустые и нелепые обряды какой-то ложной и святотатственной религии и утверждая, что чтит единого бога, всех людей и несчастного мужа своего вводила она в обман, сама с утра предаваясь пьянству и постоянным блудом оскверняя свое тело" (IX, 14). А. Б. Ранович не включил это место в свое собрание, так как там нет прямого упоминания христиан; речь могла идти о любой монотеистической религии. Но скорее всего Апулей имел в виду именно христиан: многие, смутно слышав что-то о таинстве причащения вином и хлебом, обвиняли христиан в пьянстве.

Аналогичное обвинение содержится в речи Цецилия, одного из действующих лиц трактата "Октавий" христианского апологета Минуция Феликса. В "Октавии" как бы собраны воедино все обвинения языческой толпы против христиан, пронизанные ненавистью к новому учению (возможно, Минуций Феликс сделал это, чтобы нагляднее показать их абсурдность). Здесь мы встречаем и пьянство, и разврат, и даже ритуальное убийство ребенка. Тут же фигурирует весьма распространенное обвинение христиан в почитании головы осла (о нем

Античные критики христианства А. Б. Ранович filosoff.org писал в "Апологии" Тертуллиан, осел встречается и в карикатурах на христиан). У Тацита в "Истории" читаем: "В своих святилищах они (иудеи) поклоняются изображению животного, которое вывело их из пустыни" (V, 4). Это утверждение Тацита противоречит другому, высказанному им в следующем параграфе, о том, что иудеи не ставят никаких кумиров и статуи. Отношение к ослу было различным в разных религиях: в одних он считался животным нечистым, в других - священным. В библейском пророчестве Захарии о грядущем царе сказано, что он явится "сидящий на ослице и на молодом осле" (9:9). Согласно легенде, Иисус въехал в Иерусалим на молодом осле (Лк., 19:35). Вероятно, на этих преданиях и основаны слухи о поклонении ослу. Враждебная христианству пропаганда подхватила эти слухи, так как осел для римлян был символом низости, похоти, глупости (недаром легкомысленный и развращенный юноша Люций в "Метаморфозах" Апулея превращен именно в осла). Но все эти обвинения не могли остановить распространение христианства и уж во всяком случае не могли воздействовать на самих верующих.

В конце II в. развернутую критику христианства дал философ Цельс, который ставил своей целью образумить самих христиан, показав им абсурдность их верования. Критика Цельса показала христианским апологетам настолько серьезной, что Ориген посвятил ему специальное сочинение.

Цельс использовал уже к его времени достаточно разработанную критику христианства иудеями, главным направлением которой было стремление доказать, что Иисус не мог быть ни сыном божьим, ни мессией, предсказанным пророками. В этой связи Цельс приводит иудейский (антиевангельский) вариант биографии Иисуса, основанный главным образом на перетолковывании христианских рассказов: непорочное зачатие превращается в прелюбодеяние, пребывание в Египте после бегства от преследований царя Ирода толкуется как приобщение к магии и колдовству и т. п.

Собственные аргументы Цельса - это сведение христианских догматов к абсурду, установление связи важнейших этических положений христиан с учениями древних философов, таких, как Платон, притом плохо понятыми сторонниками новых верований, утверждение о необходимости соблюдения традиционных обрядов. Цельс отнюдь не был атеистом, но для него во всех рассуждениях характерен рационалистический подход. Споря с христианским откровением, он заявляет, что божество нельзя познать чувством, и призывает "воззреть умом". Иисус, с точки зрения Цельса, человек, каким его рисует разум (отметим, что в реальном существовании Иисуса Цельс не сомневается). Хотя в древности существовали культы правителей (в греко-римском мире Александра Македонского, его полководцев, римских императоров), в восприятии большинства они оставались людьми, но при этом, как показывают надписи, за здоровье этих же обожествленных правителей приносились жертвы древним богам. Подчеркивая разницу между античным и христианским представлением об обожествлении человека, Цельс в качестве примера приводит культ Антиноя, рано погибшего любимца императора Адриана. Антиноя почитали, но даже египтяне, чьи верования казались Цельсу наименее приемлемыми, не стали бы равнять его с Аполлоном и Зевсом. Из всего этого ясно видно, что христианство, при всем влиянии на него древних верований, отнюдь не было только суммой заимствований из них, как считали некоторые представители мифологической школы.

Цельсу был чужд христианский антропоцентризм; человек для него лишь часть космоса, в котором все живые твари существуют на равных основаниях ("все видимое - не для человека, но ради блага целого все возникает и погибает" - фраза, типичная для античного мыслителя, который не может представить себе существование вне какой-то общности, будь то полис или космос).

Рассказы первых христиан об Иисусе противоречили и эстетическим идеалам Цельса. Он пишет о том, что, если бы божество захотело воплотиться в человека, то выбрало бы для этой цели прекрасного и сильного, Иисус же, по христианским преданиям, был мал ростом и некрасив. Цельс не мог также понять обращения христианской проповеди к социальным низам, возмущался тем, что, с точки зрения христиан, нужно спасать грешников, а не праведников, презирал необразованность последователей новой религии. Христианству Цельс противопоставляет почитание древних богов, но для него это вопрос не веры, а традиции, поскольку городские культы олицетворяли собой единство гражданского коллектива. Ко времени Цельса подобного единства уже не существовало, однако многим людям была необходима хотя бы видимость его, чтобы в сложном мире огромной державы не чувствовать себя изолированными. Языческие культы, мифы и легенды связывали ныне живущих с прошлыми

Античные критики христианства А. Б. Ранович filosoff.org
поколениями, с жизнью предков.

Обязательным условием нормального существования Цельс считал включенность гражданина не только в освященную веками традиционную религиозную практику, но и в общественную жизнь: участвовать в государственных делах необходимо "ради пользы законов и благочестия".

Произведение Цельса представляет интерес для историков христианства не только тем, что демонстрирует разницу в мировосприятии человека античной культуры и христианина, но и тем, что дает ряд фактических сведений о социальном составе христианских общин, а также о существовании внутри христианства различных течений, прежде всего гностических. Подробнее о гностиках см.: Трофимова М. К. Историко-философские вопросы гностицизма. Значительная часть полемических аргументов Цельса направлена именно против них. Интересно, что в это же самое время с гностиками полемизировали христианские писатели ортодоксального направления (например, епископ лионский Ириней в книге "Против ересей").

При чтении произведений античных критиков христианства не следует думать, что христиане пассивно относились к нападкам. Многочисленные защитники новой веры не только опровергали фантастические слухи и рационалистические аргументы, но и сами выступали с резким осуждением античной культуры. Критику христианами античной культуры разбирает В. В. Бычков. См. его книгу "Эстетика поздней античности". Апологеты христианства издевались над греко-римскими мифами, часто используя при этом их критику античными мыслителями. Так, живший на рубеже III и IV вв. Арнобий осуждал безнравственность "языческих" богов, высмеивал поклонение их статуям. Еще раньше Афиногор утверждал, что статуи не боги, а всего лишь совокупность "земли, камня и тонкого искусства". Не менее резко критиковали христиане поведение самих "язычников", обличали их развращенность, страсти к грубым и кровавым зрелищам (гладиаторским боям, травле зверей). Епископ карфагенский Киприан (III в.) с негодованием писал, что люди, приходя на бесчеловечные и ужасные представления, не смущаются тем, что их жажда развлечений является главной причиной кровопролитий и убийств (Ad Donat., VII). Он же говорил и о том, что из-за несправедливости судопроизводства невинные погибают, ибо "свидетели боятся, а судьи подкупаются" (Ad Demetr., XI). Этим нравам христиане противопоставляли требования своей этики максималистские, трудноисполнимые в реальной жизни, но привлекательные именно своей непримиримостью к господствовавшим в обществе аморальности и цинизму.

Активные выступления христиан против язычества, все более широкое распространение их учения, в том числе и среди привилегированных слоев, требовали со стороны противников христианства более детального его анализа. Можно считать, что наиболее крупным и эрудированным критиком христиан был философ-неоплатоник Порфирий, ученик и биограф основателя неоплатонизма Плотина. Проблема соотношения неоплатонизма и христианства достаточно сложна и требует специального рассмотрения. О неоплатонизме см.: Лосев А. Ф. История античной эстетики. Поздний эллинизм. Штаерман Е. М. Кризис античной культуры. Оргиш В. П. Античная философия и происхождение христианства. Неоплатонизм был своего рода философским ответом в рамках античного мировоззрения на духовные запросы образованной части римского общества. Он возник в условиях кризиса, который охватил все стороны жизни от хозяйства до идеологии. Нападения варваров, восстания в провинциях, выступления социальных низов, борьба военачальников за власть, частая смена императоров – все это создавало у людей ощущение неустойчивости миропорядка и трагической безысходности. Вопрос о сущности зла и его причинах вставал тогда перед каждым мыслящим человеком.

Неоплатоники пытались восстановить ощущение единства человека и космоса, их учение было своеобразным сплавом мистики и логики. В основе его лежала триада: Единое (совершенный абсолют) и истекавшие из него Ум и Душа. Материя-аморфная субстанция (или прямо-зло), которая гасит импульсы духовности, исходящие через Ум и Душу от Единого. Душа, присутствующая в человеке, должна взойти к Единому через состояние экстаза и воссоединиться с ним (подготовкой для этого служит аскетическая жизнь). Неоплатоники, и в частности Порфирий, большое внимание уделяли мантике и магии, ибо рационалистические средства для достижения соединения с божеством казались уже недостаточными. Неоплатоники не отрицали существования низших богов и демонов (см. у Порфирия: "Бог не мог бы быть на законном основании назван монархом, если бы он не правил (другими) богами: это подобает божьему

Античные критики христианства А. Б. Ранович filosoff.org величие и высокому небесному достоинству"). Но концепции бога-личности у неоплатоников, в отличие от христиан, не было.

Критикуя христиан, Порфирий прежде всего анализирует писания: он неоднократно цитирует четыре новозаветных евангелия и послания Павла; в одном месте он ссылается на не признанный церковью Апокалипсис Петра; сопоставляя друг с другом евангелия, обнаруживает их внутренние противоречия. Отрывок из Апокалипсиса Петра опубликован в книге А. Б. Рановича "Первоисточники по истории раннего христианства". Использование его Порфирием говорит о том, что апокриф был достаточно популярен на рубеже III-IV вв. Отметим, что многие наблюдения Порфирия были использованы библейской критикой Нового времени. Но Порфирий продолжает быть связанным этическими представлениями античного мира: он считал одной из несообразностей евангелий призыв отказаться от богатства, ибо добродетель и имущественное положение не могут зависеть друг от друга. Для него слова о том, что легче верблюду войти в игольное ушко, чем богатому в царство небесное, исходят от бедняков, "желающих путем такой болтовни отнять имущество богатых". Христианская символика ему чужда; он буквально трактует фразу из Евангелия от Иоанна (цитируемую не очень точно): "Если не будете есть плоти моей и пить крови моей...", которая ужасает его. Он считает, что Лука и Матфей не решились написать ее именно потому, что она ужасна...

Порфирий постоянно подчеркивает логическую невозможность того, о чем говорится в евангелиях и посланиях. Так, о вознесении он пишет: "Если бы это было возможно, это было бы чудом и противоречило бы порядку вещей". Но для христиан важнейшим компонентом их веры была именно возможность чуда вопреки установленному "порядку вещей". Вот почему логические доводы Порфирия при всей его блестящей эрудиции не могли воздействовать на верующих, для которых эмоциональность и иррациональность христианского учения были одной из основных притягательных сил.

Следует обратить внимание на то, что Порфирий не только критикует евангельские рассказы, но и защищается от обвинений христианских апологетов. В частности, интерес представляет его защита статуй богов, жертвоприношений и тому подобных языческих обрядов. Статуи богов воздвигаются, по его словам, "для памяти", большинство людей вовсе не считает, что в этих статуях заключается божество, а жертвы им приносят не столько из почтения, сколько в знак благодарности... Эти слова Порфирия, с одной стороны, косвенно свидетельствуют об изживании древних языческих верований, а с другой - показывают его приверженность традиции. По существу, Порфирию нечего было противопоставить христианской религии: весьма отвлеченные, далекие от запросов простых людей понятия "упорядоченного космоса", "неизреченного Единого" не могли соперничать с верой во всемогущее милосердное божество, пославшее собственного сына пострадать ради человечества и открыть каждому грешнику путь к спасению.

Невозможность выиграть борьбу с христианством, сохраняя внешние формы и традиционную обрядность древних культов, определила судьбу и такой трагической фигуры Поздней империи, как император Юлиан, прозванный христианами Отступником. Он вырос уже после победы новой религии, столкнулся с проявлениями жестокости, нетерпимости христианских епископов ко всем инакомыслящим, будь то почитатель Юпитера или христианин, в чем-то отклоняющийся от догм вероучения. Юлиан попытался возродить языческие верования, придав им мистический оттенок, взятый из неоплатонизма. Он был глубоко религиозным человеком, но при этом проповедовал веротерпимость; одним из его аргументов против христиан был тот, что они преследуют принадлежащих к их же заблуждению еретиков, хотя ни Иисус, ни Павел к этому не призывали. Основатель этого учения Арий отрицал единственность бога-отца и бога-сына. Юлиан также обвиняет христиан в несоблюдении апостольских постановлений, из чего ясно видно, что христианство его времени уже имело сложившуюся церковную организацию (раздираемую тогда борьбой ортодоксального направления с арианством). Об этих призывах см.: Донини А. У истоков христианства.

Юлиан очень подробно критикует иудаизм и ветхозаветные сказания, но при всем том, как и Цельс, считает, что христиане, оставшись в рамках иудаизма, были бы лучше, "чем сейчас", - ведь иудейские верования были древними, традиционными. А Юлиан, как все предшествующие критики христианства, был исполнен почтения к традиции, выступал за сохранение прежних культов (особенно восточных, уделявших больше места чувству). Правда, он при этом понимал необходимость трансформировать эти культы, придав их религиозным

Античные критики христианства А. Б. Ранович filosoff.org нормам этический характер. Жрецы, по мнению Юлиана, должны убеждать людей не ходить в театр и в кабак, основывать странноприимные дома, то есть фактически использовать призывы к организации благотворительности, которой была так сильна христианская церковь. Усилия Юлиана, однако, не увенчались успехом, а его гибель в войне с персами положила конец попыткам возродить язычество.

Наглядным выражением торжества христианства стал исход спора Симмаха одного из последних представителей собственно античной культуры и языческой религиозности – с епископом медиоланским Амвросием. А. Б. Ранович недаром поместил обращение Симмаха к императору в самом конце Приложения к "Античным критикам христианства" – хронологически это была последняя попытка уже не бороться с христианством, но лишь отстаивать право языческих культов на существование. Защитник античности теперь не обвиняет христиан, а только призывает к веротерпимости.

Конкретным поводом для спора Симмаха с Амвросием стало распоряжение о том, чтобы из зала заседаний сената был убран знаменитый алтарь Виктории, поставленный там еще императором Августом. Симмах выступил против этого распоряжения: на алтаре сенаторы приносили клятвы. Сам Симмах находился на позициях неоплатонизма и монотеизма, но считал необходимым сохранять традиционные культы: по его мнению, к познанию божества можно подойти разными путями, почитание же древних богов всегда обеспечивало Риму победу над врагами. Против Симмаха резко выступал Амвросий, утверждавший, что победы даровали Риму не боги, а сила граждан и легионов. Амвросий выступал против слепой приверженности прошлому, ибо все меняется – великое становится малым, а малое – великим. Античную ориентацию на традицию, для которой мир был самодостаточной, законосообразной структурой, см.: Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы сменил христианский (восходящий к библейскому и вообще ближневосточному мировосприятию) историзм мышления, ориентированный на линейное течение времени, на необратимые изменения, означавшие разрыв с прежним языческим миром. Как сказано в гностическом Евангелии от Фомы (52): "И не наливают молодое вино в старые мехи, чтобы они не разорвались, и не наливают старое вино в новые мехи, чтобы они не испортили его. Не накладывают старую заплату на новую одежду, ибо произойдет разрыв" (перевод М. К. Трофимовой). Аналогичные речения есть и в Новом завете.

В споре победил Амвросий; алтарь Виктории был убран. Эта победа, как и многие другие, была одержана уже с помощью государственной власти христианство стало господствующей религией.

Собрание произведений античных критиков христианства, составленное А. Б. Рановичем, отражает тот длительный путь, который прошла полемика с новой религией: от пренебрежительной снисходительности, через злобные нападки толпы и рационалистическую критику до призывов к веротерпимости, обращенных уже к самим христианам. Эти произведения, при всех различиях между их авторами, дают представление и о характерных чертах античного мировоззрения, и об эволюции христианского учения, и о составе первых христианских общин. Вдумчивый читатель найдет для себя много интересного и по другим аспектам истории религии, философии, социальной психологии. Мы можем соглашаться или не соглашаться с некоторыми трактовками А. Б. Рановича, но ценность проделанной им работы не вызывает сомнений.

Доктор исторических наук И. С. Свенцицкая.

ЛУКИАН.

На сером фоне бессодержательной, безыдейной светской литературы второй половины II в. Лукиан выделяется ярким пятном. Вместо пустых упражнений в риторике, к которым сводилась философская и художественная литература того времени, Лукиан дал ряд блестящих по форме, остроумных, иногда язвительных и хлестких памфлетов, тонких миниатюр, бичующих сатир, юмористических рассказов, в которых заклеил пустозвонство ораторов, продажность, невежество и тупость жалких эпигонов великих классических философов, бесцельность и бездарность раторов и поэтов. Особенно от него достается религиозным суевериям; в ряде диалогов он развенчивает олимпийских богов, вскрывает проделки всякого рода религиозных проповедников и шарлатанов; в круг его внимания попадает и христианство. По поводу его диалога "О смерти Перегринуса" Энгельс писал: "Одним из наших лучших источников о первых христианах является Лукиан из Самоса, этот Вольтер классической

Античные критики христианства А. Б. Ранович filosoff.org древности, который одинаково скептически относился ко всем видам религиозных суеверий и у которого поэтому не было ни религиозно-языческих, ни политических оснований относиться к христианству иначе, чем к любому другому религиозному объединению. Напротив, он их всех осыпает насмешками за их суеверие, – почитателей Юпитера не меньше, чем почитателей Христа; с его плоско-рационалистической точки зрения и тот и другой вид суеверий одинаково нелепы". Рисуемая Лукианом совершенно объективно картина была христианской общины и ее руководителя до того неприглядна, что навлекла на автора ярость и ненависть христиан. Лексикограф X в. Свида под словом "Лукиан" пишет: "Лукиан Самосатский, прозванный богохульником или злословцем, так как в его диалогах содержится насмешка и над божественным... Говорят, что он умер, растерзанный собаками, за то, что лаял против истины. В самом деле, в "Житии Перегрин" он нападает на христианство и богохульствует, нечестивец, против самого Христа. За свой лай он получил достойное наказание в этом мире, а в будущем он получит у сатаны в удел вечный огонь".

Жизнеописание Перегрин Протея, пройдохи, уголовного преступника, затем философа-киника, христианского проповедника, странствующего пророка и аскета, тем более интересно, что Перегрин, по-видимому, личность историческая; во всяком случае о нем упоминают независимо от Лукиана Татиан

(Речь против эллинов, 25), Геллий (Noct. Att. VIII 3: XII 11), Тертуллиан (ad martyr., 4), Филострат (Vita soph. 69 Kayser). В другом месте (adv. indoct. 14) Лукиан рассказывает о почитании реликвии Протея.

Таким образом, Лукиан писал с оригинала. Вообще Лукиан хорошо знает среду, в которой подвизались Перегрини; в своих скитаниях он непосредственно с этой средой сталкивался; его свидетельство поэтому ценнее более подробных сообщений Цельса, который вряд ли общался с массой христиан и черпал материал главным образом из литературных источников.

О жизни Лукиана известно только то, что он сам сообщает в своей автобиографии. Лукиан родился в Самосате в 120–125 гг. в бедной семье, был предназначен заниматься ремеслом и поступил в ученики к своему дяде каменотесу и скульптору. Разбив однажды по неосторожности каменную плиту и боясь гнева дяди, он бежал от него домой, и на этом его карьера ремесленника закончилась. Он стал учиться греческой литературе и красноречию. О его способностях можно судить по тому, что, хотя его родным языком был сирийский, он в таком совершенстве овладел греческим языком, что из всех известных нам греческих прозаиков у него самый богатый язык: по подсчету В. Шмидта, он оперирует 10 400 словами, тогда как такой мастер слова, как Платон, имел в своем распоряжении всего 9900.

Получив подготовку в школах риторики, он вскоре сам стал учителем и долгое время вел образ жизни странствующего софиста, выступавшего в различных городах Греции с лекциями. В 165 г. он поселился в Афинах, где прожил двадцать лет. На старости лет он получил должность судьи в Египте. О последних годах жизни Лукиана, об обстоятельствах и дате его смерти ничего не известно.

Литературное наследство Лукиана довольно значительно; но из приписываемых ему 82 произведений бесспорно ему принадлежат 48, бесспорно подложны 7, остальные 27 сомнительны. Лучшие его произведения справедливо заслужили бессмертие, ими зачитывались и зачитываются до сих пор, а Рабле и Свифт использовали их для своих гениальных сатир. Но, хотя Лукиан затмил и оставил далеко позади себя софистов и литераторов своего времени, он сам был сыном своего века, и, отражая в своем творчестве разложение рабовладельческого античного общества, будучи сам продуктом этого разложения, хоть и необычайно ярким и красочным, он не сумел дать ничего положительного ни в области философии, ни в области морали и политики. Он не принадлежал ни к какой философской школе, все они вызывали в нем скептическое отношение к себе; но и философская школа скептиков в такой же мере предмет его насмешек, как и ненавистные ему киники. Он развенчивает богов, высмеивает философов, разоблачает шарлатанов, издевается над легковерием, жадностью, скопидомством. Он не щадит и тех философов, к которым относится с уважением, – Эпикура, Демокрита, Пифагора и других. В диалоге "Vitarum auctio" он выводит на продажу с аукциона руководителей различных философских школ, причем Сократ идет за 2 таланта, Пифагор – за 10 мин, Диоген – всего за 2 обола, а Демокрита и даром не берут. Свою

Античные критики христианства А. Б. Ранович filosoff.org
житейскую философию он формулирует в "Гермотиме":

"Быть трезвым и ничему не верить"...

"О кончине Перегринна" мы даем в переводе под ред. Ф. Зелинского, изд. Сабашниковых.

Второй раз Лукиан вскользь упоминает о христианах в своем памфлете "Александр, или Лжепророк". Произведение это, которое Лукиан адресовал своему другу Цельсу (см. ниже, с. 263), описывает "жизнь Александра из Абонотиха, его выдумки, проделки и предсказания". Этот шарлатан, которого Лукиан едко и остроумно высмеивает, имел немало поклонников; он пытался даже создать какую-то свою религию; по словам Лукиана, он "установил какие-то мистерии, продолжавшиеся три дня подряд, с шествиями, в которых участвовали носители факелов и жрецы, объяснявшие священнодействие".

"...Первый день мистерий начинался возгласом: "Если какой-нибудь безбожник, христианин или эпикуреец придет подсматривать наши тайные богослужения, он будет изгнан; верные пусть приступают к таинствам в честь бога, в добрый час". Непосредственно после этого возгласа происходило изгнание. Александр первый произносил: "Христиан - вон", а толпа отвечала:

"Вон эпикурейцев". Затем происходило священное представление" (Alex. 38; ср. также Alex. 25).

Странное на первый взгляд сопоставление христиан с эпикурейцами и безбожниками объясняется тем, что верующим римлянам и эллинам христиане, отвергавшие культ официальных римских богов, представлялись людьми без веры;

христианам поэтому не раз предъявляли обвинение в "безбожии". Понятно, что всякого рода религиозные проповедники и шарлатаны прибегали к этому приему опорочивания в глазах верующей массы своих христианских конкурентов. Картинка, нарисованная Лукианом, надо полагать, близка к действительности и показывает наглядно, каковы были отношения между "языческой" массой и христианами.

О КОНЧИНЕ ПЕРЕГРИНА DE MORTE PEREGRINI.

Лукиан желает Кронию благоденствия. 1. Со злосчастливым Перегрином, или, как он любил себя называть, Протеем, приключилось как раз то самое, что и с гомеровским Протеем. Протей - морское чудовище

"...морской пронизательный старец,

Равный бессмертным Протей, египтянин, изведавший моря

Все глубины и царя Посейдона державе подвластный...

Разные виды начнет принимать и являться вам станет

Всем что ползет по земле, и водою, и пламенем жгучим".

(Одиссея, IV, 384-386, 417-418).

Ради славы он старался быть всем, принимал самый разнообразный облик и в конце концов превратился даже в огонь: вот до какой степени он был одержим жаждой славы! Итак, теперь сей почтенный муж превращен в уголь по примеру Эмпедокла, с тою лишь разницей, что Эмпедокл, бросаясь в кратер Этны, старался это скрыть, он же, улучив время, когда было самое многолюдное из эллинских собраний, навалил громаднейший костер и бросился туда на глазах всех собравшихся. Греческий философ Эмпедокл (ок. 494-434 гг. до новой эры), по преданию, погиб, бросившись в кратер вулкана Этны. Мало того, Перегрин за несколько дней до своего безумного поступка держал перед эллинами соответствующую речь.

2. Воображаю, как ты будешь смеяться от души над глупостью старикашки. Мне кажется, я слышу твои восклицания, какие я в праве от тебя ожидать: "Что за нелепость, что за глупая погоня за славой!" За этими последуют и другие восклицания, которые у нас вырываются при виде подобных вещей. Но ты можешь

Античные критики христианства А. Б. Ранович filosoff.org говорить все это вдали от места происхождения и не подвергаясь опасности, а я говорил у самого костра, еще раньше перед громадной толпой слушателей, причем некоторые, восхищавшиеся безумием старика, негодовали, а впрочем нашлись и такие, которые и сами смеялись над ним. Но все же философы-собаки то есть киники (Κυνες по-гречески "собаки") чуть-чуть было не растерзали меня, как настоящие собаки разорвали Актеона или вакханки его родственника Пенфея. Актеон – мифический греческий охотник, которого богиня Артемида в наказание за то, что он видел ее купающейся, превратила в оленя, и его растерзали собственные собаки. Пенфей, бывший, как и Актеон, потомком Кадма, оскорбил бога Вакха и был наказан тем, что вакханки, в том числе мать Пенфея, приняли его за зверя и растерзали его.

3. Ход действия был таков. Автора ее ты знаешь, что это за человек и сколько он сочинил драм в течение всей своей жизни, превзойдя этим даже Софокла и Эсхила. Что касается меня, то я, лишь только пришел в Элиду, (город в провинции того же названия в Пелопоннесе, в Южной Греции) стал ходить по гимнасию, слушая какого-то киника, который громким, хриплым голосом вопил о всем известных, избитых вещах, призывая к добродетели, и всех просто-напросто поносил. Свою ругань он закончил на Протее. Я постараюсь, насколько смогу, точно передать по памяти, что говорилось. Ты же можешь представить себе это вполне отчетливо, так как ты неоднократно присутствовал при выкриках этих философов.

4. Киник говорил: "Находятся люди, которые смеют называть Протея тщеславным! О мать-земля, о солнце, о реки, о море, и ты, отчий Геракл! И это говорится о Протее, который сидел в заключении в Сирии, который подарил родному городу пять тысяч талантов, который был изгнан из Рима, который яснее солнца, который может состязаться с самим владыкой Олимпа! Талант мера веса: 20 470 г; как денежная единица 1 талант I серебра) = 60 мин=6000 драм (приблизительно 2000-2500 руб.). Решил Протей удалиться из этой жизни при помощи огня – вот и приписывают это его тщеславию. А разве не поступил точно так же Геракл? Разве не от молнии пострадали Асклепий и Дионис? Наконец, разве не бросился Эмпедокл в пламя кратера?"

5. Когда феаген – таково было имя крикуна – произнес эти слова, я спросил одного из присутствующих, что значит упоминание огня и какое отношение имеют к Протею Геракл с Эмпедоклом? Тот ответил: "Протей спустя короткое время сожжет себя на Олимпийских играх". "Как, чего ради?" спросил я. Тогда мой сосед попытался было все рассказать, но киник так кричал, что не было никакой возможности слушать кого-либо другого. Пришлось поэтому выслушать дальнейший поток речи киника, а также и самые удивительные преувеличения относительно Протея. Киник не находил возможным сопоставлять с Протеем не только Диогена Синопского или его учителя Антисфена, но даже самого Сократа. Диоген – известный философ-киник, который своей борьбой против условностей и чувственных удовольствий подал повод к многочисленным анекдотам о нем. Его учителем и формальным основателем кинической школы был философ IV в. до новой эры, ученик Сократа Антисфен. Зевса он вызывал на состязание. Под конец все же ему заблаго рассудилось признать Зевса равным с Протеем, и речь свою он закончил приблизительно так:

6. "Жизнь, – говорил он, – видела два величайших произведения – Зевса Олимпийского и Протея; создали их художники: Зевса – Фидий, а Протея Природа. Но это произведение искусства теперь удалится, восседая на огне, от людей к богам и оставит нас осиротелыми". Когда он, обливаясь обильным потом, все это изложил, то стал ужасно смешно плакать и рвать волосы, впрочем весьма осторожно, чтобы на самом деле не выдернуть их. Наконец некоторые из киников увели рыдающего, стараясь его утешить.

7. После него немедленно выступил другой оратор, – не дожидаясь, пока толпа разоидется, – чтобы принести свое возлияние на плающую еще жертву предшественника. Сначала он долго смеялся, причем видно было, что он делает это от всего сердца, а затем стал говорить приблизительно так: "Так как проклятый феаген закончил свою поганую речь слезами Гераклита, то я, наоборот, начну смехом Демокрита". Гераклит (ок. 544–475 гг. до новой эры) – греческий философ, один из основоположников диалектики. В его философии, проникнутой материалистическими тенденциями, центральное место занимает учение о вечном движении и борьбе. В древности он прослыл меланхоликом, который "все оплакивал, осуждая незнание всей жизни и всех людей" (Ипполит, *Philosoph*, 4, 1). Материалист Демокрит, напротив, "над всем смеялся, считая все у людей достойным смеха". (Ср. Сенека, *de ira* II, 10, 5: "Гераклит всякий раз, когда выступал, плакал, всех жалел... Демокрит, говорят,

Античные критики христианства А. Б. Ранович filosoff.org напротив, никогда не появлялся в обществе без смеха"). После этих слов он опять стал долго смеяться, так что многих из нас заставил делать то же.

8. Затем, успокоившись, он сказал: "Разве можно, господа, поступать иначе, когда слушаешь такие забавные речи, когда видишь, что пожилые люди ради презренной славы готовы чуть не кувыркаться у всех на глазах? А чтобы вы могли знать, что за произведение искусства намерено себя сжечь, послушайте меня, человека, наблюдавшего с самого начала образ мыслей Протея и исследовавшего его жизнь. Некоторые же вещи я узнал от его сограждан, а также от лиц, которые хорошо должны были его знать.

9. Это удивительное творение природы, воплощение Поликлетова канона, не успело еще возмужать, как было поймано в Армении на прелюбодеянии. Поликлет – скульптор V в. до новой эры, достигший величайшего мастерства в передаче движений. Он написал трактат "Канон", где разработал теорию идеальных пропорций человеческого тела. За это Протей получил весьма изрядное количество ударов, но в конце концов избег опасности, спрыгнув с крыши и получив редьку в хвост. Затем он совратил какого-то цветущего юношу, но откупился от родителей мальчика, которые были люди бедные, и поэтому не был доставлен к правителю Азии.

10. Но это и прочее в том же роде я думаю оставить в стороне: ведь тогда Протей был еще бесформенной глиной, а не совершенным произведением искусства. А вот что он сделал со своим отцом, об этом стоит послушать;

хотя, впрочем, все вы слышали и знаете, что он задушил старика, не будучи в силах перенести, что тот, старея, достиг уже более шестидесяти лет. Когда же об этом все стали громко говорить, Протей осудил себя на добровольное изгнание и бродил по разным местам.

11. Тогда-то он ознакомился с диковинным учением христиан, встречаясь в Палестине с их жрецами и книжниками. И что же вышло? В скором времени они оказались младенцами по сравнению с ним, так как он сделался и пророком, и главой общины, и руководителем собраний, – словом, был во всем всем. Что касается книг, то он толковал, объяснял их, а многое и сам сочинил. Христиане почитали его, как бога, прибегали к его помощи как законодателя и избрали своим покровителем... Следующая фраза в тексте, по мнению важнейших филологов, испорчена; мы ее поэтому опускаем. Попытки Гесснера, Беккера, Кобета, фрицше и других исправить текст.

12. Тогда Протей был схвачен за свою принадлежность к ним и посажен в тюрьму; но даже и это обстоятельство придало ему немало весу в дальнейшей жизни для шарлатанства и погони за славой, которой он жаждал. Лишь только Протей был посажен в тюрьму, как христиане, считая это несчастьем, пустили все в ход, чтобы его оттуда вырвать. Когда же это оказалось невозможным, то они старались с величайшей внимательностью всячески ухаживать за Протеем. Уже с самого утра можно было видеть у тюрьмы каких-то старух, вдов и детей-сирот. Главари же христиан даже ночи проводили с Протеем в тюрьме, подкупив стражу. Потом туда стали приносить обеды из разнообразных блюд и вести священные беседы. Почтенный Перегрин – тогда он еще носил это имя назывался у них новым Сократом.

13. И, как ни странно, пришли посланники даже от малоазиатских городов по поручению христианских общин, чтобы помочь ему, замолвить за него словечко на суде и утешить его. Дело в том, что, когда у христиан случится подобное общественное дело, они проявляют невероятную быстроту действий и прямо-таки ничего не жалеют. Поэтому к Перегрину от них поступали значительные денежные средства ввиду его заключения в тюрьме, которое превратилось для него в хороший источник доходов. Ведь эти несчастные уверили себя, что они станут бессмертными и будут вечно жить; вследствие этого они и презирают смерть, а многие даже ищут ее сами. Кроме того, первый их законодатель вселил в них убеждение, что они братья друг другу после того, как отрекутся от эллинских богов и станут поклоняться своему распятому софисту и жить по его законам. Поэтому они одинаково все презирают и (все достояние) считают общим, так как подобное учение они принимают без достаточных доказательств. Слова "все достояние" вставлены переводчиком.

Так вот, когда к ним приходит обманщик, мастер своего дела, умеющий использовать обстоятельства, – он скоро делается весьма богатым, издеваясь над простецами.

Античные критики христианства А. Б. Ранович filosoff.org

14. Возвратимся, однако, к Перегрину. Он был освобожден тогдашним правителем Сирии, человеком, склонным к занятиям философией. Понимая, что Перегрин – человек шалый, готовый умереть, чтобы этим оставить после себя славу, он отпустил его с миром, не считая его даже достойным какого-либо наказания. Тогда Перегрин пришел на родину, но нашел, что негодование за убийство отца еще не остыло и что многие готовы были выступить против него с обвинением. Большая часть его имущества была расхищена в его отсутствие, оставалась только земля стоимостью около 15 талантов. Да и все имущество, оставшееся после старика, стоило приблизительно 30 талантов, а не 5000, как уверял этот скоморох феаген. Такой суммы нельзя было бы выручить, если бы даже продать весь город париян с пятью соседними вместе с жителями, и скотом, и различными службами.

15. Но судебное обвинение и обличающая молва не успели еще остыть, и казалось, что кто-нибудь недолго мешкая выступит обвинителем; в особенности же негодовал народ, сожалея о такой ужасной гибели почтенного, как говорили знавшие его, старика. Теперь попрошу обратить внимание, какое средство нашел наш мудрец Протей против всего этого и как он избежал опасности. Протей пришел в народное собрание париян, – в это время он носил уже длинные волосы, закутан был в плащ, через плечо висела сумка, в руках была суковатая палка, одним словом – вид был самый трагический; и вот, явившись в таком виде к народу, он сказал, что дарит общине париян все свое имущество, которое оставил блаженной памяти его отец. Лишь только об этом услышало собрание, состоявшее из людей бедных и жадных до всякой денежки, немедленно раздались крики, что он единственный человек, любящий свою родину, единственный последователь Диогена и Кратета. Кратет, философ-киник, ученик Диогена, следуя принципам своей философии, роздал свое имущество. Таким образом, врагам рот был зажат, и если бы кто-нибудь дерзнул напомнить об убийстве, то он немедленно был бы побит камнями.

16. Итак, Протей вторично отправился скитаться. Хороший источник для покрытия путевых издержек он имел в лице христиан, под охраной которых он ни в чем не ощущал недостатка. Такое существование он вел в течение некоторого времени. Совершив затем какой-то проступок по отношению к христианам – кажется, он был замечен в еде чего-то у них запрещенного, – он был ими отлучен. Будучи в стеснительном положении, он решил затянуть другую песню и потребовать от города возврата имущества. Поэтому он подал прошение и просил о возврате имущества распоряжением императора. Но город отправил посольство для противодействия, и Протей ничего не добился: ему было приказано соблюдать то, что он однажды решил по своей доброй воле.

17. При таком положении вещей Перегрин удалился в третий раз в Египет к Агафобулу. Там он стал заниматься удивительными упражнениями в добродетели: сбрил половину головы, мазал лицо грязью, в присутствии многочисленной толпы народа вызывал в себе половое возбуждение, проповедуя, что это так называемые безразличные вещи, а также тростью сек нижние части тела у других и сам подставлял для сечения свои; кроме того, он проделывал множество других, еще более нелепых вещей. По-гречески "adiarphoga" термин, которым киники обозначали суетное, земное.

18. Воспитав себя таким образом, Перегрин отплыл оттуда в Италию. Лишь только он сошел с корабля, как сразу же начал поносить всех, а в особенности императора, зная, что он очень кроток и не обидчив, так что смело можно было это делать. Император, как и подобает, мало заботился о его бранных словах и не считал возможным наказывать за речи кого-либо, прикрывающегося философией, в особенности если хуление избиралось ремеслом. Но слава Перегринна увеличивалась даже и от таких вещей: за свое безумие он пользовался уважением со стороны необразованных людей. Наконец городской префект, человек умный, выслал Протея, когда тот перешел меру, и сказал, что город не нуждается в подобном философе. А впрочем, и это послужило для славы Протея, и у всех на устах было имя философа, изгнанного за свободоречие и беззаветную правдивость. С этой стороны его сопоставляли с Музонием, Дионом и Эпиктетом, а также другими, которые испытали подобную же участь. Музоний Руф – философ-стоик, близкий к киникам, в 65 г. был изгнан Нероном из Рима. Дион Златоуст, оратор и философ-киник, в 87 г. был изгнан из Рима и Италии и вынужден был долгое время вести полную лишений жизнь скитальца. Репрессиям подвергся и философ Эпиктет, изгнанный из Рима в 89 г.

19. Явившись, таким образом, в Элладу, Протей то поносил элейцев, то убеждал эллинов поднять оружие против римлян, то злословил о выдающемся по

Античные критики христианства А. Б. Ранович filosoff.org образованию и по значению человеку (имеется в виду софист и политический деятель Герод Аттик (101-177 гг.)) за то, что тот помимо других оказанных Греции благодеяний провел воду в Олимпии и устранил мучительный недостаток воды среди собирающихся на празднества. Перегрин говорил, что он изнежил эллинов и что зрители олимпийских игр должны уметь переносить жажду, хотя бы многие из них умирали от лютых болезней, которые до тех пор свирепствовали вследствие недостатка воды и скученности народа. И это он говорил, сам пользуясь той же водой! Все жители сбежались и чуть было не побили Протея камнями, но этот благородный муж искал убежища у алтаря Зевса и там нашел спасение от смерти.

20. На следующей же олимпиаде он прочел перед эллинами речь, которую сочинил в течение четырех промежуточных лет. В городе Олимпии раз в четыре года производились общеэллинские игры ("олимпиады"), по которым греки вели свое летосчисление. Речь эта содержала похвалу лицу, проведшему воду, а также оправдание самого себя по поводу тогдашнего бегства. Будучи у всех в пренебрежении и не пользуясь прежней славой, - все его выходки уже устарели, - Протей ничего не мог придумать такого, чем бы поразить воображение окружающих и заставить их обратить на себя внимание, о чем он страстно заботился;

наконец он придумал эту затею с костром и немедленно после прошлых игр распустил среди эллинов слух, что он сожжет себя во время теперешних празднеств.

21. И вот сейчас, как говорят, он осуществляет свою забавную затею; роет яму, носит дрова и обещает при этом проявить какое-то небывалое мужество. А по моему мнению, первой его обязанностью было подождать прихода смерти, а не удирать от жизни; если же он уже бесповоротно решил избавиться от нее, во всяком случае, не следовало прибегать к помощи огня и трагической обстановке, а нужно было избрать другой какой-нибудь способ смерти, благо их бесчисленное множество. Но пусть ему нравится огонь, как нечто напоминающее Геракла, - почему бы ему втихомолку не избрать покрытую лесом гору и не сжечь себя там, взяв в качестве филоктета хотя бы вот этого феагена? Геракл сжег себя на вершине Эты, причем его молодой друг Филоктет поднес факел к костру. Но нет, он хочет зажарить себя в Олимпии среди многолюдного празднества и чуть ли не на сцене. Впрочем, клянусь Гераклом, это вполне заслужено, если только отцеубийцы и безбожники должны нести наказание за свои преступления. Поэтому, пожалуй, он слишком поздно все это продельвает. Чтобы получить достойное возмездие, ему следовало уже давно броситься в быка Фаларида, а не подвергать себя мгновенной смерти, раскрыв рот на огонь. Ведь многие уверяют, что нет более быстрого способа смерти, как от огня: стоит открыть только рот, и человек мертв.

22. Он же вдобавок, по-видимому, полагает, будто затевает благочестивое зрелище - сожжение человека в священном месте, где даже мертвых хоронить нечестиво! Вы, наверно, слышали, что давно некто, тоже желая прославиться и не имея возможности добиться этого другим способом, сжег храм Артемиды Эфесской. Греческая легенда гласит, что некий Герострат, чтобы обессмертить свое имя, сжег храм Артемиды, считавшийся одним из семи чудес света. Нечто подобное замышляет и Перегрин: столь сильная страсть к славе обуяла его.

23. Он, конечно, уверяет, что делает это ради людей, чтобы научить их презирать смерть и мужественнее переносить несчастья. Я бы охотно предложил вопрос - не ему конечно, а вам: неужели вы пожелали бы, чтобы преступники сделались его учениками и усвоили это мужество и презрение к смерти, пытке огнем и тому подобным ужасам? Я твердо уверен, что вы этого не захотели бы. Каким же образом, спрашивается, Протей разберется в этом и станет приносить пользу порядочным людям, не делая скверных более готовыми к опасностям и более решительными?

24. Но допустим, что смотреть на это зрелище пойдет только тот, кто вынесет полезное поучение. Однако я вам предложу другой вопрос: хотите ли вы, чтобы ваши дети сделались последователями подобного человека? Вы не можете сказать "да". А впрочем, к чему я это спрашиваю, раз никто из его учеников не решается подражать учителю? И можно справедливо упрекнуть феагена в том, что он, подражая учителю в остальном, не следует за ним и не сопровождает его "на пути к Гераклу", как он говорит, имея к тому же возможность в короткое время сделаться весьма счастливым, если бы вместе с ним очертя голову сам бросился в огонь. Подражание ведь не в сумке, палке и рубище (все это - атрибуты киников) - это безопасно, легко и всякому доступно;

Античные критики христианства А. Б. Ранович filosoff.org надо подражать конечным и главным действиям и, сложив костер из колод по возможности сырого фигового дерева, задохнуться от дыма. Ведь огонь как средство смерти изведен не только Гераклом и Асклепием, но также грабителями храмов и убийцами, которых можно видеть сожигаемыми после осуждения. Следовательно, предпочтительнее смерть от дыма: это был бы особый способ, примененный единственно вами.

25. Что касается Геракла, то он хотя и решился на нечто подобное, но сделал это под влиянием болезни, снедаемый кровью кентавра, как говорит трагедия. Софокл. Трахинянки. Согласно греческому мифу, жена Геракла дала ему платье, пропитанное отравленной кровью убитого им кентавра Несса; вызванные этим страшные мучения заставили Геракла сжечь себя. Ну, а Протей чего ради пойдет бросаться в огонь? А вот, говорят нам, для того, чтобы показать свое мужество наподобие брахманов; ведь Феаген нашел нужным и с ними его сравнить, как будто среди индийцев не может быть также глупых и тщеславных людей! Но уж в таком случае пусть он действительно подражает им. Те не прыгают на костер, как уверяет кормчий Александра Онесикрит, который видел сожжение Калана, а, соорудив костер, стоят неподвижно вблизи и дают себя поджаривать с одной стороны, затем они восходят на костер, сохраняя благородную осанку и подвергаются сожжению, не делая ни малейшего движения. Онесикрит, участник походов Александра Македонского, написал совершенно фантастическую историю Александра, где выражал свое восхищение индийскими аскетами. А если Перегрин бросится в костер и умрет, охваченный пламенем, что в этом великого? Да и не исключена возможность, что он полуобгорелым выпрыгнет назад, если только он не устроит костра, как говорят, в глубокой яме.

26. Некоторые утверждают, что Протей передумал и изъясняет какие-то основания, будто бы Зевс не позволяет осквернять священное место. Что касается этого, то пусть он не беспокоится. Я готов принести торжественную клятву, что никто из богов не разгневадается, если жалкий Перегрин погибнет жалким образом. А впрочем, и нелегко ему идти на попятную; окружающие его киники возбуждают его и подталкивают в огонь, подогревая его намерения и не допуская приступов слабости. Если бы Протей, бросаясь в огонь, увлек с собой парочку из них, это было бы единственным его хорошим делом.

27. Я слышал, что он не хочет больше называться Протеем, но переименовал себя в Феникса, так как и Феникс, индийская птица, говорят, восходит на костер, когда достигает глубокой старости. Кроме того, Перегрин сочиняет небылицы и толкует какие-то оракулы, конечно старинные, будто ему суждено сделаться ночным духом-хранителем. Ясно, что он уже домогается постановки себе алтарей и надеется, что ему будут воздвигнуты изображения из золота.

28. И право, нет ничего неправдоподобного в том, что среди множества глупцов найдутся такие, которые будут уверять, будто они при помощи Протея исцелились от лихорадки и ночью встретились с "ночным духом-хранителем". Проклятые его ученики устроят, надо полагать, и храм у места костра, и прорицалище, так как и известный Протей, сын Зевса, родоначальник этого имени, был прорицателем. Я торжественно уверяю, что Протею будут назначены жрецы с бичами, орудиями прижигания и подобными выдумками и, клянусь Зевсом, в честь его будут учреждены мистерии и торжество со свечками у костра.

29. Как сообщил мне один из товарищей Протея, Феаген недавно уверял, что Сивилла дала предсказание об этих событиях. Он передавал даже стихи оракула!

В день, когда киников вождь, несравненный Протей велемудрый,

Ярый разжегши огонь в громовержца Зевеса ограде,

Прянет в него и тотчас вознесется на выси Олимпа,

В день этот всем вам велью, что плодами питаетесь нивы,

Честь благолепно воздать многославному ночи герою:

Он ведь богам сопрестольник - Гераклу и силе Гефеста.

Феаген говорит, что он слышал это от Сивиллы. 30. Я же напомним ему относящийся сюда оракул Бакида, (старинный прорицатель, под именем которого

Античные критики христианства А. Б. Ранович filosoff.org ходила в Афинах книга оракулов) который, очень удачно примыкая к сивиллиному,

так вещает:

В день, когда прынет в огонь вождь киников многоименных,
В недра убогой души пораженный тщеславия жалом,
Должно иным лисо-псам, что при жизни его окружали,
Участь издохшего волка себе воспринять в назиданье.
Если ж из трусости кто уклонится от силы Гефеста,
Тотчас ахейцам велю я камнями побить негодяя,
дабы не смел он, холодный, горячей усердствовать речью,
Златом суму набивать свою, ростовщик нечестивый,
В Патрах прекрасных себе накопивши пятнадцать талантов.

Как вам кажется, господа? Разве Бакид как прорицатель хуже Сивиллы? Поэтому пора почтеннейшим товарищам Протея высмотреть место для превращения себя в "воздух" - так они называют "сожжение".

31. Такон сказал, и все окружающие воскликнули:

"Пусть киники немедленно себя сожгут; они достойны сожжения". Оратор со смехом спустился, но "от нестора шум не сокрылся", (Илиада. XIV, 1) то есть от феагена. Лишь только он услышал крик, как немедленно вошел на возвышение, стал кричать и сулить бесконечное множество зол оратору, который спустился с трибуны; я не называю имени этого почтенного человека, так как не знаю его. Я оставил феагена надрываться от крика и пошел смотреть атлетов, так как говорили, что гелланоидики (судьи на состязаниях) уже находятся на месте борьбы. Вот все, что произошло в Элиде.

32. Когда же мы пришли в Олимпию, портик (крытая колоннада, находившаяся позади храма Зевса Олимпийского) был полон людьми, порицающими Протея или же хвелящими его намерение. У многих из них дело дошло до рукопашной. Наконец пришел и сам Протей в сопровождении несметной толпы. Остановившись за глашатаями, он держал длинную о себе речь, как он провел свою жизнь, каким подвергался опасностям и что он перенес ради философии. Сказано Протеем было много, но я мало слышал из-за множества окружающих. Затем, испугавшись, что меня могут придавить в такой толпе, как это случилось со многими, я удалился, бросив ищущего смерти софиста, который перед кончиной держал себе надгробную речь.

33. Все же я мог расслышать приблизительно следующее. Он говорил, что хочет золотую жизнь закончить золотым венцом; тот, кто жил наподобие Геракла, должен умереть, как Геракл, и соединиться с эфиром. "Я хочу, продолжал он, - принести пользу людям, показав им пример того, как надо презирать смерть; поэтому все люди по отношению ко мне должны быть филоктетами". При этом более простоватые из толпы стали плакать и кричать: "Побереги себя для эллинов", а более решительные кричали: "Исполни постановление". Последнее обстоятельство очень смутило старика, так как он надеялся, что все за него ухватятся и не допустят до костра, а насильно заставят жить. Вопреки ожиданию пришлося исполнить решение, и это заставило его еще более побледнеть, хотя он и без того уже был мертвенно-бледен, и привело в дрожь, так что он вынужден был закончить свою речь.

34. Можешь себе вообразить, как я хохотал, - ведь не заслуживал сострадания человек, одержимый несчастной страстью к славе более чем кто-либо из тех, которые одержимы тем же безумием. Как бы там ни было, Протея сопровождали многие, и он наслаждался своей славой, бросая взгляды на своих поклонников, не зная, несчастный, что гораздо более людей толпятся вокруг тех, кого везут распять или кто передан в руки палача.

35. Но вот олимпийские игры закончились, самые красивые из всех, которые я видел; а видел я их в четвертый уже раз. Так как многие разъезжались по

Античные критики христианства А. Б. Ранович filosoff.org домам и единовременно нелегко было достать повозку, я поневоле должен был остаться на некоторое время. Перегрин, постоянно откладывая решение, наконец назначил ночь, чтобы показать свое сожжение. Один из моих друзей взял меня с собой, и я, встав в полночь, направился прямо в Арпину, где был сложен костер. Расстояние было всего-навсего в двадцать стадий, если идти в Олимпии в направлении гипподрома на восток. Стадия, стадий – мера длины: 177,6 метров. Когда мы пришли, мы уже застали костер, который был сделан в яме глубиной так в сажень. Было в нем много факелов, и промежутки костра были завалены хворостом, чтобы он быстро мог разгореться.

36. Когда взошла луна – и она должна была созерцать это прекрасное зрелище, – выступил Перегрин, одетый по-обыкновенному, и вместе с ним были главы киников, и на первом месте этот почтеннейший киник из Патр с факелом, вполне подходящий второй актер. Нес факел и Протей. Каждый из них подходил с разных сторон и поджигал костер. Сразу же вспыхнул сильный огонь, так как было много факелов и хвороста. Герой же – теперь отнесись с полным вниманием к моим словам – снял сумку и рубище, положил свою Гераклову палицу и остался в очень грязной нижней одежде. Затем он попросил ладану, чтобы бросить в огонь. Когда кто-то подал просимое, Протей бросил ладан в огонь и сказал, повернувшись на юг (обращение на юг также было частью его трагедии): "Духи матери и отца, примите меня милостиво". С этими словами он прыгнул в огонь. Видеть его, конечно, нельзя было, так как поднявшееся большое пламя его охватило.

37. Вновь вижу, как ты смеешься, добрейший Кроний, по поводу развязки драмы. Когда он призывал дух матери, я ничего, конечно, не имел против, но, когда он обратился с призывом к духу отца, я никак не мог удержаться от смеха, вспомнив рассказ об убийстве отца. Окружавшие костер киники слез не проливали, но, смотря на огонь, молча выказывали печаль. Наконец мне это надоело, и я сказал: "Пойдемте прочь, чудаки, ведь неприятно смотреть, как зажаривается старикашка, и при этом нюхать скверный запах. Или вы, быть может, ждете, что придет какой-нибудь художник и срисует вас точно так же, как изображаются ученики Сократа в тюрьме?" Киники рассердились и стали ругать меня, и некоторые даже схватились за палки. Но я пригрозил, что, схватив кого-нибудь, брошу в огонь, чтобы он последовал за учителем, и киники перестали ругаться и стали вести себя тихо.

38. Когда я возвращался, разнообразные мысли толпились у меня в голове. Я думал, в чем состоит сущность славолубия и насколько роковым оно является даже для людей, которые кажутся самыми выдающимися, так что нечего и говорить об этом человеке, который и раньше жил во всех отношениях глупо и вопреки разуму, вполне заслуживая сожжение.

39. Затем мне стали встречаться многие, идущие посмотреть своими глазами на зрелище. Они полагали, что застанут Перегринна еще в живых, так как накануне был пущен слух, что он взойдет на костер, помолвившись восходящему солнцу, как это, по словам знающих, делают брахманы. Многих из встречных я заставил вернуться, сообщив, что дело уже свершено, но, конечно, возвращал только тех, которые не считали важным посмотреть хотя бы даже на одно место сожжения или найти остатки костра. Тогда-то, милый друг, у меня оказалось множество дел:

я рассказывал, а они ставили вопросы и старались обо всем точно узнать. Когда мне попадался человек толковый, я излагал голый рассказ о событии, как и тебе теперь;

передавая же людям простоватым и слушающим развеса уши, я присочинял кое-что от себя; я сообщил, что, когда загорелся костер и туда бросился Протей, сначала возникло сильное землетрясение, сопровождаемое подземным гулом, затем из середины взвился коршун и, поднявшись в поднебесье, громким человеческим голосом произнес слова:

Покидаю юдоль, возношусь на Олимп!

Слушатели мои изумлялись и в страхе молились Перегрину и спрашивали меня, на восток или на запад полетел коршун. Я отвечал им что ни попадало на ум.

40. Вернувшись в собрание, я подошел к одному седому человеку, который вполне внушал к себе доверие своей почтенной бородой и осанкой. Он рассказал все, что с Протеем приключилось, и добавил, что он после сожжения видел его в белом одеянии и только что оставил его радостно расхаживающим в

Античные критики христианства А. Б. Ранович filosoff.org "Семигласном портике" с масличным венком на голове. Затем ко всему сказанному он прибавил еще о коршуне, клятвенно уверяя, что он сам видел, как тот вылетел из костра, хотя я сам только несколько минут тому назад пустил летать эту птицу в насмешку над людьми глупыми и простодушными.

41. Ты можешь сам представить, во что это разрастется, какие только пчелы не сядут на место сожжения, какие только кузнечики не будут стрекотать, какие вороны не слетятся, как на могилу Гесиода, и так далее и так далее. А я уже знаю, что очень скоро будет поставлено множество изображений Перегринна как самими элейцами, так и другими эллинами, которым он, говорят, писал. Как уверяют, Протей разослал письма почти во все именитые города с заветами, увещеваниями и законами. Для передачи их он назначил несколько из своих товарищей посланниками, назвав их "вестниками мертвых" и "бегунами преисподней".

42. Таков был конец несчастного Протея, человека, который, выражаясь вкратце, никогда не обращал внимания на истину, но все говорил и делал, руководясь славой и похвалами толпы, и даже ради этого бросился в огонь, хотя и не мог наслаждаться похвалами, сделавшись к ним нечувствительным.

43. Наконец я прибавлю еще один рассказ, чтобы ты мог от души посмеяться. Одну историю, впрочем, ты уже давно знаешь: ведь, вернувшись из Сирии, я тогда же рассказывал тебе, как я плыл вместе с Перегрином от Трояды, как он, во время плавания, пользуясь роскошью, вез также с собой молодого юношу, которого он убедил быть киником, чтобы тоже иметь кого-нибудь в роли Алкивиада; как он испугался, когда ночью посреди Эгейского моря спустился туман и стали вздыматься огромные волны, и как он плакал тогда вместе с женщинами, он – этот удивительный человек, выказывавший свое превосходство над смертью! В древности циркулировал слух, что Сократ был в интимных отношениях с прекрасным юношей Алкивиадом, будущим знаменитым афинским политическим деятелем.

44. Также незадолго до смерти, так дней за девять приблизительно, Протей, надо полагать, съел больше, чем надо. Ночью появилась рвота и сильная лихорадка. Это мне рассказывал врач Александр, которого пригласили осмотреть его. Застал он Протея мечущимся по полу. Не имея сил перенести жар, он очень настойчиво просил Александра дать ему чего-нибудь холодного, но тот не дал и сказал ему, что если он очень нуждается в смерти, то вот она сама приходит к его дверям, так что очень удобно последовать за ней, отнюдь не прибегая к огню. Перегрин же сказал: "Такой способ смерти не был бы славным, так как он для всех доступен".

45. Таков рассказ Александра. Впрочем, несколько дней тому назад я сам видел, что он намазал свои глаза едким средством, так что даже слезы у него текли. Видишь ли? Эак не очень охотно принимает лиц со слабым зрением. Эак – один из судей подземного царства. Ведь это все равно как если бы кто-нибудь перед тем, как его пригвоздят ко кресту, стал лечить зашибленный палец. Как ты думаешь, что делал бы Демокрит, если бы это видел? Он по праву стал бы смеяться над этим человеком. Только откуда нашлось бы у Демокрита в достаточном количестве смеха? Итак, смейся и ты, милейший, а в особенности когда услышишь, как другие восторгаются Перегрином.

ЦЕЛЬС.

Среди произведений античности, направленных против христианства, книга Цельса занимает исключительное место. Это древнейшее крупное произведение, содержащее развернутую критику христианского учения, дошло до нас в значительной своей части и позволяет нам судить о том, каким представлялось христианство просвещенному римлянину конца II в.

Книга Цельса как самостоятельное литературное произведение не сохранилась. Но "отец церкви" Ориген в своей апологии "Против Цельса" (*contra Celsum*) приводит в цитатах и в перифразах почти все сочинение своего противника.

Ориген написал свою книгу по просьбе и по поручению своего богатого друга и мецената, дьякона Амвросия, который предоставил для этого в распоряжение Оригена стенографов, переписчиков и каллиграфистов и финансировал работу знаменитого апологета. Этим, надо полагать, объясняется та обстоятельность, с которой Ориген написал свою апологию в восьми книгах.

В предисловии, которое Ориген написал уже после того, как успел изложить

Античные критики христианства А. Б. Ранович filosoff.org треть первой книги (до I, 28), он сам характеризует метод своей работы: "После того как я продиктовал до того места, где у Цельса выводится обращение иудея к Иисусу, я решил поместить в начале это предисловие... Предисловие должно дать оправдание тому обстоятельству, что вначале мы отвечали Цельсу одним способом, а после начала - другим. Сначала мы намеревались наметить основное и дать к этому краткие замечания, с тем чтобы потом облечь все это в плоть и кровь. Однако впоследствии сама работа внушила нам удовлетвориться для сокращения времени тем, что начало изложено в этой манере, а в дальнейшем изобличать выдвигаемые против нас Цельсом обвинения по возможности с буквальной точностью"... И действительно, начиная с I, 28, Ориген шаг за шагом следует за Цельсом, лишь изредка забегая вперед или возвращаясь назад.

Ориген много раз подчеркивает, что не оставляет без ответа ни одного из обвинений Цельса. Во-первых, Амвросий требовал, чтобы он отвечал и на те аргументы Цельса, которые самому Оригену казались не стоящими внимания (II, 20); во-вторых, апологет считал необходимым ради убедительности "не оставить без исследования ни одного из его высказываний, особенно в тех случаях, когда его обвинения могли бы показаться кое-кому из нас или из иудеев разумными" (V, 1); в-третьих, он хотел показать, что он вполне объективен и дорожит только истиной (III, 16); наконец, он боится, чтобы его не заподозрили в замалчивании чего-либо, и готов поэтому даже повторяться, поскольку повторяется Цельс (II, 46). Он поэтому обещает строго следовать порядку изложения у Цельса, даже если оно у последнего несвязно и несистематично (I, 41).

Это, конечно, не значит, что Ориген действительно ничего не пропустил из аргументации Цельса. Временами он ограничивается трафаретным "и тому подобное" или замечанием, что не стоит останавливаться подробно на всем том, что говорит Цельс (все эти места перечислены у Кейма; *Celsus' wahres wort*. S. 183- 184). Замечание Оригена, что Цельс часто цитирует Пифагора, Платона и Эмпедокла, свидетельствует о значительных сокращениях, сделанных Оригеном, так как у него Цельс цитирует Эмпедокла только один раз (VIII, 53). Наконец, опровергать книгу противника слово за словом технически вряд ли возможно и, во всяком случае, ненужно. Неудивительно поэтому, что собранные вместе по порядку цитаты из Цельса дают прерывистое изложение, со множеством явных пропусков, порою весьма значительных. А если к тому же принять во внимание, что Ориген часто не цитирует, а излагает Цельса своими словами, то совершенно очевидно, что восстановить по Оригену целиком подлинного Цельса невозможно. Попытки в этом направлении

Обе и Ружье представляют лишь более или менее удачные подделки, которые отнюдь не воспроизводят подлинного Цельса.

Но если полная реставрация Цельса невозможна даже для человека, который сумел бы проникнуться целиком духом этого писателя, усвоить его стиль, метод изложения и специфическую образованность, все же того материала, который сохранил нам Ориген, вполне достаточно, чтобы составить себе отчетливое представление об этой книге. Соединение всех приведенных Оригеном цитат и перифраз дает как бы книгу, в которой многие строки стерты, местами вырваны даже целые страницы, отсутствуют введение и заключительные страницы. Это, конечно, досадно, о многом приходится догадываться, о многом сожалеть, но читать эту книгу можно именно как книгу, а не как разрозненные фрагменты.

Ориген писал свою апологию, по свидетельству Евсевия (История церкви, VI, 36), в правление императора Филиппа Араба, по всей вероятности в 248 г. Это - *terminus ante quem* для книги самого Цельса, причем эту дату приходится по многим соображениям отодвинуть на несколько десятков лет назад. Ориген уже ничего не знает об авторе "Правдивого слова": очевидно, и он, и Амвросий, и те лица, в среде которых обращалась книга Цельса, не имели уже возможности за давностью времени найти данные о личности Цельса. Далее, очень важно, что Цельс, выдвигая всевозможных соперников Христу вплоть до Эпиктета, не называет Аполлония Тианского, который как бы напрашивался сам собою; отсюда можно заключить, что Цельс не знал не только написанного Филостратом около 220 г. жизнеописания Аполлония, но и предшественника Филострата - Мерагена. Наконец Цельс приводит кой-какие сообщения о гностиках, Оригену уже неизвестные. Таким образом, вполне правильно будет отнести книгу Цельса ко II в.

Что касается *terminus post quem*, то здесь мы имеем, во-первых, упоминание

Античные критики христианства А. Б. Ранович filosoff.org об Адриане (умер в 136 г.), об умершем (давно) Эпиктете (умер в 140 г.). Далее, VIII, 71, Цельс говорит о "ныне царствующих", то есть двух, императорах; речь может идти либо об Антонине Пие и Марке Аврелии (147-161 гг.), либо о Марке Аврелии и Люции Вере (161-169 гг.), либо о Марке Аврелии и Коммодe (176-180 гг.). Первое предположение можно считать исключенным хотя бы уж потому, что Цельс обнаруживает знакомство с христианской литературой, которая вряд ли в то время успела получить распространение, а многократные упоминания о преследованиях христиан за отказ от культа императора больше согласуются с концом, чем с началом правления Марка Аврелия. Однако, поскольку прямых ссылок на те или иные датированные исторические события у Цельса нет, категорические утверждения ряда исследователей, что "Правдивое слово" написано в 177-178 гг., не оправданы, тем более что усматриваемые у Цельса исторические намеки большей частью являются таковыми лишь с точки зрения традиционной истории церкви, достоверность которой весьма сомнительна. Таким образом, книгу

Цельса можно датировать последними годами правления Марка Аврелия, не пытаясь при существующих данных определить эту дату точнее. Большинство современных исследователей признает дату 177- 178 годы.

О личности автора ничего неизвестно было уже Оригену, который высказывает лишь некоторые предположения на этот счет. Так (в I, 8), приведя слова Цельса, что отречься от своих убеждений не следует, Ориген говорит: "Надо уличить Цельса, что он противоречит самому себе. В самом деле, из других сочинений обнаруживается, что он эпикуреец; а здесь он... не соглашаясь с Эпикуром, притворяется, будто признает, что есть в человеке нечто лучшее, чем земное... Он, конечно, знал, что, признавая себя эпикурейцем, он не внушал бы доверия к себе как обвинителю... А, как мы слышали, было два эпикурейца Цельса - первый при Нероне, а этот при Адриане и позже". В другом месте (I, 68) Ориген точнее называет "другие сочинения"; то были несколько книг против магии; но здесь Ориген уже не отождествляет Цельса с автором этих книг: "не знаю, тождествен ли он с автором нескольких книг против магии"; так же условно выражается Ориген IV, 36, а IV, 54 он прямо допускает, что здесь могло быть совпадение имен. Очевидно, у Оригена никаких данных для отождествления Цельса с известным ему по другим источникам эпикурейцем не было; и если он "ругает" его эпикурейцем, то это полемический прием, имеющий целью дискредитировать автора в глазах читателя-христианина.

Был ли, однако, автор "Правдивого слова" эпикурейцем? Ориген думает, что "уличил" его, когда Цельс говорит, что "ни один бог и ни сын божий никогда не спускался и не стал бы спускаться на землю" (V, 2). В действительности Цельс отнюдь не выступает как эпикуреец и атеист; он отвергает не религию вообще, а христианскую религию, как религию невежественную, грубую, суеверную и антигосударственную; но он отнюдь не отвергает не только религию, но и официальный культ эллинских богов. Там, где он оставляет полемический тон и всерьез поучает читателя, он проповедует платоновский идеализм в той форме, в какой он был в ходу во II в., - в пестрой смеси с учением стоиков, с мистикой, ангелологией и рационалистическим скепсисом. Издеваясь над христианским учением о человеке как о "центре вселенной", Цельс, однако, не отвергает телеологии и допускает, что миром руководят разные демонические силы. Материю, "плоть" он считает чем-то низменным, нечистым, хотя и - в духе стоиков - вечной.

Конечно, необходимо учесть, что Цельс часто аргументирует, исходя не из своих убеждений, а из уровня понимания, склонностей и настроений своих противников, он как бы становится на их точку зрения, чтобы показать несостоятельность христианской догмы даже с ее собственных позиций. Но он никогда в своей критике христианства не исходит из положений материализма и атеизма. Характерно, что Цельс упоминает и цитирует 9 раз Гераклита, 1 Эмпедокла, 7 - Пифагора, 3 - Сократа, 28 - Платона, 1 - "стоиков", 2 Эпиктета, но ни разу не упоминает Эпикура.

У исследователей, естественно, напрашивается мысль отождествить Цельса с тем "эпикурейцем, который жил при Адриане и позже", и с тем Цельсом, которому Лукиан адресовал своего "Александра". Оригеновского эпикурейца сближает с лукиановским Цельсом то, что оба они писали против магии и что оба они, как и сам Лукиан и автор "Правдивого слова", разоблачали шарлатанство всякого рода проповедников; однако вряд ли все трое тождественны, так как Лукиан писал "Александра" около 180 г., а упоминаемый Оригеном "эпикуреец Цельс" flourit при Адриане, то есть его "расцвет",

Античные критики христианства А. Б. Ранович filosoff.org приходится на правление Адриана, умершего в 136 г. Кроме того, ни наш Цельс, ни, пожалуй, Лукиановский не могут быть названы эпикурейцами. Что касается отождествления Цельса с Лукиановским, то здесь вероятнее всего, ибо хронологических препятствий к этому нет, а круг интересов обоих Цельсов совпадает. Практически, однако, поскольку мы о личности обоих Цельсов ничего не знаем, вопрос не может быть разрешен категорически; возможны лишь догадки и предположения.

Книга Цельса показывает, что он получил обширное образование, хорошо был знаком с классической философской, исторической и художественной литературой (в частности, только благодаря Цельсу стали известны фрагменты из Гераклита – I, 5;

VII, 62; VI, 12; VI, 42; Эмпедокла – VIII, 53; Ферекида – VI, 42;

комедии неизвестного автора – VI, 78), путешествовал в Египте, Сирии и Палестине, причем и в Финикии, и Палестине (VII, 11), и в Египте (VI, 41) он разоблачает пророков и магов. Он хорошо знаком с христианской и ветхозаветной литературой, а его знакомство с гностической литературой таково, что даже Ориген иной раз становился в тупик (V, 62; VI, 27). К критике христианства он приступает во всеоружии теоретического и практического знания христианства, его истоков, его учения, сект.

После введения, где дана общая характеристика христианства, его внешний облик, Цельс подвергает критике христианское учение с точки зрения иудаизма, а затем с точки зрения исторической и философской, – опровергая учение о божественной миссии Иисуса, о воплощении, воскресении, о пророческом откровении;

он осмеивает библейскую мифологию, вскрывает исторические источники христианства в плохо понятых эллинских и восточных религиозно-философских учениях. Его рационалистическую аргументацию, порой едкую и остроумную, мы вновь находим через 1600 лет у Вольтера и французских материалистов XVIII в. Христиане, по Цельсу, – невежественные жертвы корыстных (и тоже невежественных) обманщиков.

Цельс – не враг христиан; напротив, со свойственным идеалисту непониманием исторической необходимости возникновения христианства как фантастического отражения общественного бытия, он надеется "образумить" их, они вызывают у него не гнев, а жалость; он обращается к ним не как яростный обличитель, а как гуманный просветитель, верящий в силу убеждения и логической аргументации. Именно отсутствие личной заинтересованности делает книгу Цельса ценной в качестве свидетельства постороннего наблюдателя, хорошо изучившего свою тему.

Очень важны сообщения Цельса о составе христианских общин, о значительной роли гностицизма в выработке христианской догмы, о фабрикации "священного писания", о мистериях Митры как прообразе христианских мистерий.

В своей критике христианства Цельс уделяет немало места его мифическому основоположнику. В то время процесс превращения бога Иисуса в мнимоисторическую личность в основном был уже завершен и зафиксирован в новозаветной литературе, но мифотворчество еще продолжалось. Цельс использует все варианты мифа об Иисусе – не только принятые в "главной церкви", но и обращавшиеся со II в. в различных сектах и течениях христианства, а также во враждебных христианству кругах. Он, таким образом, как бы вводит нас в лабораторию, где фабриковалась христианская мифология. Конечно, как, еврейские, так и греко-римские писатели, выступавшие против христианства, не были способны дать научную критику мифа о Христе – ведь они сами были в плену религии и мифологии и не могли подняться до подлинно научного разоблачения христианских мифов. Они поэтому не оспаривали историческое существование Иисуса, а лишь давали мифам о нем свое истолкование. То, что они делали это чрезвычайно легко и каждый по-своему, показывает, что и тогда не было никаких исторических свидетельств о Иисусе, которые могли бы сдерживать мифотворческую фантазию христиан и их противников. И Цельс не знает никаких исторических свидетельств об Иисусе, а он их, конечно, использовал бы, если бы они существовали. Очевидно, христианская фальсификация текстов Тацита, Иосифа Флавия и других произошла позднее. Таким образом, Цельс может косвенно служить лишним свидетелем против историчности Иисуса.

Античные критики христианства А. Б. Ранович filosoff.org Цельс аргументирует "от писания": "Все это мы подносим вам из ваших же писаний... вы побиты собственным своим оружием" (II, 74). Исходя из этого христианского материала, он толкует миф о Христе рационалистически, низводя Иисуса до роли простого смертного, и к тому же шарлатана. Таким же образом – как обожествленных людей – он трактует и эллинских богов – Диониса, Геракла и других. Этот прием применяли и все последующие критики христианства, вплоть до французских материалистов XVIII в., что, однако, не лишает значения их критики по существу.

Вместе с тем книга Цельса интересна и для характеристики философского разброда эпохи империи. Если верно, что Цельс принадлежал к кругу Лукиана, то он усвоил от него презрение к религиозному шарлатанству и фанатизму, но не сумел возвыситься даже до лукиановского скепсиса. Крохоборство, эклектизм, сочетание рационализма с уважением к отечественным святыням и отечественному культу, философская беспринципность – таковы черты философской физиономии Цельса; он, в сущности, принадлежит к тем жалким эпигонам эллинской философии, которых так зло и едко высмеивал Лукиан. И это не оттого, что он был недостаточно образован или неспособен понимать, что его аргументы против христиан обращаются против него самого (это подметил и Ориген), – Цельс принадлежал (судя по имени и общественному положению) к римским патрициям, утратившим свое место в жизни, осужденным на то, чтобы созерцать свою собственную гибель. Они поэтому искали утешения в мечтах о старине и цеплялись всеми силами за прошлое, даже за древнюю эллинскую религию. И если Цельс после основательной критики христианства кончает призывом вернуться в лоно официальной римской религии, то здесь сказывается идеология потерявшего себя, гибнущего класса.

Ориген, цитируя Цельса, нигде не указывает главы, или части, или "книги" цитируемого произведения. Поэтому в отношении рубрикации "Правдивого слова" реконструкции столь же гадательны, как и в отношении самого текста. В основном напрашивается следующее деление:

Введение. Христиане представляют собою противозаконную организацию, учение их – варварское и к тому же не оригинальное. Иисус творил чудеса при помощи колдовства. Христиане слепо веруют, не слушаясь веления разума. Иудаизм, из которого выросло христианство, отличается нетерпимостью, стремлением обособиться от всех. Христианство – учение новое, имеющее последователей лишь среди невежд.

Часть I. Иисус – не мессия; сказки о непорочном зачатии заимствованы из эллинской мифологии. Иисус не обладает чертами бога и не совершил ничего божественного. Все пророчества об Иисусе не имеют к нему никакого отношения. Приписываемые Иисусу чудеса, его смерть и воскресение – нелепые, противоречивые сказки, которые можно без труда опровергнуть.

Часть II. Христианство откололось от иудаизма и не перестает раскалываться на все новые секты. Не содержа, по существу, ничего нового, оно ищет adeptов среди низших, необразованных слоев населения. Проповедники христианства – обманщики.

Учение о воплощении – бессмыслица. Оно противоречит идее благого и всемогущего бога, которому не подобает облечься в низменную плоть и претерпеть пытки и казнь. Да и не для чего богу сходить на землю и пострадать ради людей, ибо человек – не центр творения. Библия – собрание заимствованных из разных источников нелепых сказаний.

Часть III. Христианское непротивленчество заимствовано у Платона, учение о царстве божьем – исковерканное учение платоников, митраистов и персидских магов. Учение о дьяволе восходит к неправильно понятым мыслям Гераклита о борьбе как принципе вселенной. космогония христиан полна противоречия и несообразностей; пророчества об Иисусе – фальсификация; учение о воскресении мертвых – противоестественно, противоречит идее бога и является превратным толкованием мыслей Платона.

Часть IV. Необходимо относиться с уважением к официальному культу. Почитание государственных богов, или демонов, вполне совместимо с христианством.

Заключение. Христиане должны найти как-нибудь общий язык с эллинизмом и участвовать в государственной жизни наравне с прочими гражданами.

Античные критики христианства А. Б. Ранович filosoff.org
Текст книги Цельса переведен с греческого текста Оригена по критическому изданию: "Die griechischen christlichen Schriftsteller der ersten drei Jahrhunderte" herausg. im Auftrage der Kirchenvater-Commission der Preussischen Akademie der Wissenschaften von Paul Kottschau. ВВ. II-III, Leipzig, 1899.

Отрывки даны в том порядке, в каком они приводятся у Оригена, за исключением двух случаев, специально оговоренных Оригеном, -V, 33 (после V, 41) и VI, 60 (непосредственно после VI, 50).

Вводные фразы для связи между отдельными отрывками и вставки, необходимые для понимания смысла, заключены в круглые скобки. Цифры в квадратных скобках обозначают книгу и главу апологии Оригена, откуда взят данный отрывок.

ПРАВДИВОЕ СЛОВО.

ВВЕДЕНИЕ

Христиане заключают между собой тайные союзы, противные законам. В самом деле,

есть общества открытые, возникающие в согласии с законом, и есть скрытые (сообщества), действующие вне закона. Христианская община (агапе) держится на общности опасности, и сила (налагаемых ею обязательств) выше долга присяги... (I, 1).

Учение христиан варварского происхождения. (Правда), варвары способны создавать учения, (но) судить о созданных варварами (учениях), совершенствовать их и развивать в сторону добродетели лучше других способны (лишь) эллины (I, 2)... (Если христиане тайно выполняют и распространяют свое учение, то) они недаром так поступают: они стараются отвратить от себя угрожающую им смертную казнь; (но эта) опасность (не грознее) тех опасностей, которым люди подвергались ради философии, как, например, Сократ (I, 3)... (Что касается) этических положений, то они (у них) общие с другими философами и не представляют чего-либо достойного уважения и не являются новым учением (I, 4)... Они потому не верят в богов, созданных руками людей, что нелепо допустить, чтобы творения самых презренных и злонравных ремесленников, изготовленные иной раз и людьми нечестивыми, были богами. (Но уже) Гераклит говорил: "Обращающиеся к безжизненным богам поступают так, как если б кто разговаривал со стенами". Такого же мнения были и персы, по сообщениям Геродота (I, 5)...

Сила христиан заключается, по-видимому, в знании имен неких демонов и (в применении) заклинаний. Имя часто в представлении верующих само по себе обладает магической силой; поэтому имя божества хранится втайне; в частности, неизреченным до сих пор верующие евреи считают имя Яхве. В магических заклинаниях какого-либо божества обычно применялась в числе прочих и формула: "Я знаю твое (тайное) имя". Цельс, говоря о демонах и заклинаниях, прежде всего имеет в виду христиан-гностиков.- Прим. ред. Чудеса, которые якобы проявил (Иисус), он сумел совершить при помощи колдовства. Предвидя, что и другие, приобретя те же знания, захотят совершать то же самое и хвалиться, что творят это силой божьей, Иисус всех таких изгнал из общины. (Но одно из двух): если он справедливо изгнал их, то поскольку он сам повинен в таких же делах, то (и сам) дурной человек; если же он совершал подобные деяния, не будучи дурным, то и поступающие подобно ему не (должны на этом основании считаться дурными) (I, 6).

Я отнюдь не думаю утверждать, что человек, придерживающийся хорошего учения, должен, когда ему из-за этого грозит опасность со стороны людей, отказаться от своего учения или притвориться отказавшимся, или стать ренегатом; ведь у кого (родственная богу) душа здравая, она всегда стремится к родному (богу), и (такие люди) всегда жаждут услышать что-нибудь и вспомнить о нем (I, 8). Но воспринимать какое-нибудь учение (надо), следуя разуму и разумному руководителю; кто примыкает к какому-либо (учителям) не на таких основаниях, тот поддается обману. (Такие люди подобны) неразумным почитателям метрагиртов и гадателей, жрецов Митры и Сабазия и кого попало, верящим в явления Гекаты и других женских и мужских демонов... (А именно) так обстоит дело и с христианами. Метрагирты нищенствующие жрецы фригийской Великой богини-матери Кибелы. Они бродили с переносным ковчегом по деревням и городам, занимались гаданием и

Античные критики христианства А. Б. Ранович filosoff.org знахарством и выпрашивали милостыню. Митра – в религии древних персов бог солнца, посредник между верховным богом и землей, предводитель небесного воинства. Впоследствии, в эпоху эллинизма. Митра воспринял черты бога-спасителя; культ его получил во II в. новой эры большое распространение в Римской империи, особенно в армии. Сабазий, или Сабаций, фригийское божество; его оргиастический культ на эллинской почве отчасти смешался с культом Диониса. Геката – древнегреческая богиня, имевшая разнообразные функции и связанная с адскими силами; ее сопровождают страшные призраки, души мертвых, не получивших погребения, и т. п. Геката играла большую роль в колдовстве. Некоторые из них не хотят ни давать, ни получать объяснения насчет того, во что веруют. Они отделяются (фразами вроде): "не испытывай, а веруй", "вера твоя спасет тебя"; (ср. Мф., 9:22) они говорят: "мудрость в мире-зло, а глупость-благо" (ср. 1 Кор., 3:19) (I, 9)... Если они пожелают ответить мне не как (человеку), осведомляющемуся, ведь я все (про христиан) знаю, – а как (человеку), всем одинаково интересующемуся, то хорошо; если же они не пожелают, но скажут, как обычно, "не испытывай" и т. п., то необходимо, чтобы они (по крайней мере) разъяснили, каково то, что они утверждают, и из какого источника оно произошло (I, 12).

У многих народов наблюдаются родственные учения. Существует исконное древнее учение, которым занимались мудрейшие народы и государства и мудрые люди – египтяне, ассирийцы, индусы, персы, одризы, самофракийцы (I, 14); элевсинцы и гиперборейцы, мудрейшие древние народы – гомеровские галактофаги, кельтские друиды и геты, рассуждали (о тех же вещах, что и Библия). Одризы – фракийское племя; их главный город – Орестия (ныне Адрианополь). Самофракия – небольшой остров возле Фракии, центр мистериального культа кабиров. По всей вероятности, из Фракии получил распространение и культ Диониса. Лин Музей, Орфей, Ферекид, перс Зороастр, Пифагор рассуждали об этом, изложили свои положения в книгах и сохранили их до нашего времени (I, 16). (В этих произведениях в иносказательной форме изложена) тайная мудрость... (I, 18), (Моисей в своей космогонии считает, что мир не насчитывает и 10 000 лет; между тем) мир не сотворен. От века произошло много мировых пожаров и потопов, причем потоп при Девкалионе позднее, недавнее явление, так же как и мировой пожар при Фазтоне (I, 19). Эллины считают их древними потому, что более древних пожаров и потопов не видели и не помнят (I, 20). Восприняв это учение от мудрых народов и разумных людей, Моисей прослыл боговдохновенным (I, 21)... Обрезание заимствовано у египтян (I, 22)... Последовавшие за Моисеем как вождем пастухи коз и овец, увлеченные грубым обманом, признали, что есть единый бог (I, 23), называя этот мировой порядок именем Всевышний, Адонай, небо, Саваоф или как кому больше нравится. (В сущности) совершенно безразлично, именовать ли стоящего над всем бога обычным у эллинов именем Зевса, или таким-то у индусов, или таким-то у египтян (I, 24)... (иудеи) почитают ангелов и привержены колдовству, в котором Моисей явился для них учителем. Я (далее) покажу, как евреи в силу своего невежества поддались обману и впали в заблуждение... Об иудеях я поговорю потом, (сначала же – об Иисусе), ставшем основоположником (христианства). Совсем недавно проповедал он это учение, и христиане признали его сыном божьим... они были обмануты и восприняли учение, портящее жизнь человека (I, 26). Оно было усвоено только простолюдинами, (хотя) среди христиан были кое-какие и приличные, дельные, понятливые люди, успешно применявшие аллегорические толкования.

Часть 1. ИУДАИЗМ ПРОТИВ ХРИСТИАНСТВА.

Как сообщает Ориген (I, 28), Цельс для начала выводит на сцену иудея, от лица которого ведется рассуждение до II, 79. (Иисус) выдумал свое рождение от девы. Он родился в иудейской деревне от местной женщины, нищей пряжи;

уличенная в прелюбодеянии, она была выгнана своим мужем, плотником по ремеслу. (Она была уличена в прелюбодеянии и родила от какого-то солдата, по имени" Пантера) (I, 32). имя Пантера, которое упоминается и в Талмуде, где Иисус назван Иошуа бен Пандира, связано, по-видимому, с какой-то не дошедшей до нас легендой, вышедшей из кругов, враждебных христианству. фраза, включенная нами в скобки, – вариант предыдущей и взята Оригеном, по-видимому, из другого места книги Цельса. Отвергнутая мужем, она, позорно скитаясь, родила втайне Иисуса. Этот, нанявшись по бедности поденщиком в Египте и искусившись там в некоторых способностях, которыми египтяне славятся, вернулся гордый своими способностями и на этом основании объявил себя богом (I, 28). (Девственное рождение Иисуса напоминает) эллинские мифы

Античные критики христианства А. Б. Ранович filosoff.org о Данае, Меланиппе, Ауге и Антиопе (I, 37)... Даная - в греческой мифологии дочь царя Акризия, которая была заточена отцом в медной горнице, под землей; однако она там зачала от Зевса, явившегося к ней в виде золотого дождя, и родила героя Персея. Меланиппа - возлюбленная морского бога Посейдона, от которого родила бога ветров Эола. Ауге родила от Геракла героя Телефа, была вместе с новорожденным брошена в ковчеге в море, но спасена мизийцами. Антиопа - одна из возлюбленных Зевса, родившая от него близнецов. Может быть, мать Иисуса была красива, и бог, которому несвойственно любить тленное тело, сочетался с ней как с красавицей? Не будем говорить уже о том, что бог вряд ли мог влюбиться в (женщину) небогатую и нецарственного рода; ведь ее никто не знал, даже соседи... Когда плотник ее возненавидел и прогнал, ее не спасли ни сила божья, ни властное слово... Никак это не подходит к "царству божьему" (I, 39). Когда Иоанн тебя купал, на тебя с небес спустился образ птицы, утверждаешь ты (Мф., 3: 16-17). Но какой заслуживающий доверия свидетель видел это явление или кто слышал глас с небес, провозглашающий тебя сыном бога? Только то, что ты об этом говоришь и приводишь (в качестве свидетеля) одного какого-то из тех, которые были казнены вместе с тобой (I, 41)... Допустим, мой пророк в Иерусалиме сказал некогда, что придет сын божий, который будет судить праведных и карать нечестивых (I, 49). Почему ты больше (имеешь право претендовать на звание сына божьего), чем десятки тысяч других, которые родились после этого пророчества и о которых это было предвозвещено?.. Некоторые в состоянии экстаза, другие - в состоянии бодрствования заявляют, что придет свыше сын божий... (Но ведь) относящиеся сюда пророчества можно истолковать применительно и к другим вещам (I, 50). (Если Иисус - сын божий, то почему при казни) ему не помог его отец или (почему) он не мог сам себе помочь (I, 54)? Если же ты хочешь сказать, что всякий человек, произошедший по божественному провидению, - сын божий, то чем ты отличаешься от другого? Найдутся десятки тысяч иудеев, которые тебя изобличат, утверждая, что пророчество о сыне божьем сказано о них самих (I, 57). Иисусом сказано, что халдеи, побужденные его рождением, пришли, чтобы поклониться ему, еще младенцу, как богу; что они об этом сообщили тетрарху Ироду; последний послал перебить всех родившихся в одно время (с Иисусом), рассчитывая погубить и его вместе с ними, чтобы он, придя в надлежащий возраст, не стал царем (I, 58)... Тетрарх (собственно - властитель четвертой части провинции) - титул менее значительных подвластных Риму царьков и князей. Если (Ирод хотел тебя убить), чтобы ты, выросши, не стал царем вместо него, почему же ты, когда вырос, не царствуешь, а, будучи сыном божьим, нищенствуешь, сгибаясь от страха и бродя беспорядочно (I, 61)? Раздобыв себе десять или одиннадцать приверженцев, отпетых людей, самых низких мытарей и лодочников, ты с ними бродяжил тут и там, с трудом добывая себе жалкое пропитание (I, 62)... А зачем тебя еще младенцем понадобилось увезти в Египет, чтобы тебя не убили? Ведь богу не подобало бояться смерти; а между тем ангел явился с неба, приказывая тебе и твоим домашним бежать, чтобы вы, оставшись, не были убиты. Неужели дважды уже посланный ради тебя ангел не мог защитить тебя здесь, великий бог (не мог защитить) собственного сына? (Очевидно, в тебе не было ничего божественного, и пролившаяся на кресте твоя кровь) не была "влагой, какая течет лишь у жителей неба счастливых" (I, 66). (Илиада, V, 340) Древние мифы, приписавшие божественное происхождение Персею, Амфиараю, Эаку и Миносу, - мы им не верим, - по крайней мере, указали, чтоб не казаться не заслуживающими доверия, на совершенные ими великие, удивительные подвиги, воистину превышающие человеческую силу; ты же что совершил прекрасного или удивительного словом или делом? Ты ничего не мог нам предъявить, хотя мы в храме призывали тебя явить какое-нибудь явное знамение, что ты сын божий (I, 67). (Ин., 2:18) (Допустим на минуту, что правда) все то, что рассказывают морочащие (читателей) ученики твои насчет исцелений, воскресения, о нескольких хлебах, насытивших толпу, причем еще остались большие излишки, и о всем прочем; поверим, что ты все это совершил:

(но ведь ничем не хуже) дела чародеев, обещающих еще более удивительные вещи, и то, что совершают выученики египтян, отдающие посреди рынка за несколько оболов свои замечательные знания, изгоняющие бесов из людей, выдувающие болезни, вызывающие души героев, показывающие призрачные роскошные пиры, трапезы, печения и лакомства, приводящие в движение не существующих в действительности животных, являющихся таковыми лишь для воображения. Обол - медная монета (3-4 коп.), шестая часть драхмы. Дуновение как магический прием сохранилось донныне и в чине

крещения, где священник предлагает восприемнику: "дунь и плюнь на

Античные критики христианства А. Б. Ранович filosoff.org него" (на дьявола). Так что же, если они проделывают такие вещи, нам придется считать их сынами божьими? Или нам надо сказать, что это проделки дурных и жалких людей (I, 68)?.. У бога не было бы такого тела, как твое. Тело, рожденное так, как ты, Иисус, рожден, не может быть телом бога (I, 69). Тело бога и не питается таким образом; тело бога и не пользуется голосом таким, ни таким средством убеждения (I, 70)... Все это дело ненавистного богу, негодного колдуна (I, 71).

Что случилось с вами, граждане, что вы отвергли отечественный закон и, соблазненные тем (лицом), с которым мы только что беседовали, очень смешным образом поддались обману и перебежали от нас, приняв другое имя и другой образ жизни (II, 1)? Совсем недавно, чуть не вчера, когда мы казнили этого вашего соблазнителя, вы отвергли отечественный закон... Как это вы, исходя от наших святых, (тем не менее) продвинувшись дальше, бесчестите их! Ведь вы не можете указать другого источника своего учения, кроме нашего закона; ведь если кто-нибудь предсказал вам, что в самом деле сын божий придет к людям, то это был наш пророк, нашего бога (II, 4)... (Иисус, на которого вы ссылаетесь, не был провозвещенным сыном божьим) и был наказан иудеями как преступник. Что касается воскресения мертвых, суда божьего, славы для праведников и (адского) пламени для грешников, то об этом христиане не учат ничему новому (II, 5). (Если Иисус был сыном божьим, то почему) он выполнял все принятые у иудеев обычаи, вплоть до (обычных) у них жертвоприношений (II, 6)?.. (Иисус) - хвастун, грубый лжец и нечестивец (II, 7). Тем, которые желают быть обмануты, много явилось таких, каким был Иисус...

Верующие во Христа ставят евреям в вину, что они не веруют в Иисуса как в бога. (Но ведь если бы он действительно был богом), то каким образом (именно) мы, возвестившие всему миру о предстоящем пришествии посланца бога, который покарает нечестивых, обесчестили бы его, когда он явился? Зачем стали бы мы поносить того, кого предвозвестили? Неужели для того, чтоб мы были наказаны сильнее, чем другие (II, 8)? (Нет, не в этом, конечно, дело); как мы могли признать богом того, кто вообще, как это ясно было, не исполнил ничего из того, что обещал, а когда мы его обличили, осудили и приговорили к казни, скрывался в бегах и был взят позорнейшим образом, преданный теми, кого он называл своими учениками? А ведь не полагалось бы, чтоб бог убегал и чтоб его повели связанным, и менее всего возможно, чтобы его приверженцы, делившие с ним всю его личную жизнь, следовавшие ему как учителю, покинули и предали того, кого считали спасителем, сыном и ангелом величайшего бога (II, 9). Хороший военачальник, командующий многими десятками тысяч, никогда не был предан; даже дурной атаман разбойников, начальствующий над негодьями, поскольку он кажется полезным своим товарищам, (не был предан своими). А так как тот был предан своими подчиненными, он не был (следовательно) хорошим командиром, а, обманув своих учеников, не внушил обманутым (даже) того, скажем, благоволения, какое (разбойники испытывают) к атаману (II, 12). Я многое еще могу рассказать об истории Иисуса, но я охотно это опускаю.

Ученики (Иисуса) выдумали, будто все приключившееся с ними он предвидел и предсказал (II, 13). Ученики Иисуса, не имея никакой возможности отвергнуть явные факты, придумали такую (уловку) - заявляют, что он все предвидел (II, 15). (Чтоб спасти авторитет Иисуса), они написали о нем глупо, как если б кто, называя кого-либо справедливым, показал его поступающим несправедливо, называя бессмертным, показал трупом, но прибавил бы ко всему этому, что тот предсказал заранее все, что с ним случилось. Ведь вы не говорите даже, что, мол, нечестивым людям казалось, будто он претерпел все это, а (в действительности) он этого не претерпел; напротив, вы признаете, что он претерпел. Но почему заслуживает доверия это предсказание? Откуда это труп оказался бессмертным (II, 16)?.. Какой разумный бог, или демон, или человек, предвидя, что с ним приключится такая (беда), не постарался бы, если бы он мог, уклониться, а не подвергнуться тому, что он знал заранее (II, 17)? Если он заранее назвал того, кто его предаст и кто от него отречется, то как же это они не испугались его, как бога, и не отказались от мысли предать его и отречься от него? А между тем они предали его и отреклись от него, нисколько о нем не думая (II, 18). Ведь если против человека злоумышляют и он, вовремя об этом узнав, заранее скажет об этом злоумышленникам, то они откажутся от своего намерения и остерегутся. Следовательно, это не могло произойти после его предсказания это невозможно, а раз это (все же) произошло, то (этим) доказано, что предсказания не было. Ибо совершенно немислимо, чтобы люди, заранее слышавшие об этом, еще (пошли на то, чтобы) предаться и отречься (II, 19).

Античные критики христианства А. Б. Ранович filosoff.org (далее, если статья на вашу точку зрения, то) все это он предсказал как бог, и предсказанное безусловно должно было совершиться; выходит, что бог соблазнил своих учеников и пророков, с которыми вместе ел и пил, чтоб они стали бесчестными и безнравственными, а ведь ему следовало благодетельствовать всех людей, особенно своих сотрапезников. Или надо допустить, что сотрапезник человека не стал бы против него злоумышлять, а сидящий за столом с богом покусился на него? Но что всего нелепее – сам бог злоумыслил против сотрапезников, сделав их изменниками и нечестивцами (II, 20).

(далее), если он сам так решил, если он принял казнь, повинувшись отцу, то очевидно, что все совершившееся с ним как с богом по его воле и мысли не должно было быть для него болезненным и тягостным (II, 23); что же он зовет на помощь, жалуется и молит об избавлении от страха смерти, говоря: "Отец, если можно, да минует меня чаша сия"? (II, 24). (И вот вы, ученики Иисуса), даже ложью не сумели облечь свои измышления в форму правдоподобия (II, 26). (Неудивительно поэтому, что) некоторые из верующих, как бы в состоянии опьянения, доходят до того, что налагают на себя руку, трижды, четырежды и многократно переделывают и перерабатывают первую запись евангелия, чтоб иметь возможность отвергнуть изобличения (II, 27). Это свидетельство Цельса – ценное доказательство того установленного путем анализа евангелий факта, что евангелия до их канонизации подверглись многочисленным переработкам. Христиане используют пророков, предвещавших якобы все, (что касается) Иисуса... (Но) пророчества гораздо убедительнее можно применить к тысячам других, чем к Иисусу (II, 28). Пророки говорят, что имеющий прийти великий властитель, владыка всей земли, всех народов и воинств; они отнюдь не возвестили такого прощельги (II, 29)... Никто не обнаруживает бога и сына божьего на основании таких намеков и превратных слухов, на основе таких слабых доказательств; подобно тому как солнце, все освещая, обнаруживает прежде всего себя, точно так же следовало проявить себя сыну божьему (II, 30).

Вы занимаетесь софистикой, когда говорите, что сын божий – само слово; объявляя сына божьего "словом", вы предъявляете не чистое, святое слово, а человека, позорнейшим образом поведенного на казнь и подвергнутого мукам бичевания. Если бы сын божий был у вас действительно словом, мы бы вас похвалили (II, 31). (Но ваш Иисус только) хвастун и колдун (II, 32).

Вы утверждаете, что Иисус – царского происхождения. То было дерзостью со стороны составителей генеалогии, когда они вывели (род) Иисуса от первого человека и иудейских царей. Конечно, жена плотника, оказавшаяся столь знатного рода, не могла бы этого не знать (II, 32)... Что же выдающегося совершил Иисус в качестве бога, презирающего людей, издевающегося и насмехающегося над событиями? (II, 33). (Ведь вот) Вакх у Еврипида восклицает: "Сам бог меня спасет, когда я захочу". (А здесь) даже осудивший его не пострадал, как Пенфей, впавший в безумие или растерзанный. Согласно греческому мифу, фиванский царь Пенфей запретил устройство празднества в честь Диониса-Вакха; в наказание за это Вакх внушил вакханкам, участникам вакхических таинств, растерзать Пенфея, которого приняли за дикого зверя. Об этом рассказано в трагедии Еврипида "Вакханки". Над ним насмеялись, облачили его в пурпур, надели на него терновый венец и дали в руки тростник (II, 34); почему же он если уже не раньше, то хоть в этот момент не проявляет божественной (силы), не спасается от этого позора, не карает оскорбляющих его самого и отца его (II, 35)? ну а когда тело его было распято, какова была его кровь? Такая... "какая течет у жителей неба" (II, 36)?

(Почему Иисус на кресте) так жадно потянулся к питью и не мог стерпеть жажду, как ее часто переносит любой человек (II, 37)? Вы, крепко верующие, упрекаете нас в том, что мы не считаем его богом и не соглашаемся с вами, будто он претерпел это для пользы людей, чтобы и мы презрели наказания (II, 36). (Но ведь его пример и вся его деятельность никого не убедили); он был казнен и претерпел такие страдания, не убедив никого при жизни, даже своих учеников (I, 39); да и сам не показал себя свободным от всех пороков (II, 41). Иисус не был безупречен (II, 42). Не скажете ли вы о нем, что, не убедив живущих здесь (на земле), он направился в Аид, чтоб убедить находящихся там (мертвецов) (II, 43)?

Если, выдумывая нелепые оправдания, по поводу которых вы самым смешным образом обманываетесь, вы думаете, в самом деле защитить себя, то что мешает считать всяких других осужденных, окончивших жизнь самым жалким образом,

Античные критики христианства А. Б. Ранович filosoff.org особо великими людьми и божественными посланцами? (Ведь на таком же основании) такой же бесстыдник мог бы говорить о казненном разбойнике и человекоубийце, что он не разбойник, а бог: он, дескать, предсказал членам своей шайки, что с ними произойдет то, что в действительности произошло (II, 44).

Далее, те, которые были с ним при жизни, слушали его речь и следовали ему как учителю, - видя его казнь и смерть, не умерли ни вместе с ним, ни за него, не убедились, (что надо) презирать мучения, но стали отрицать, что они (его) ученики: а вы теперь с ним умираете (II, 45)! Лично он завербовал десяток лодочников и самых отверженных мытарей, и то не всех. Если при жизни он никого не убедил, а после его смерти желающие убеждают столь многих, то это разве не верх нелепости? (II, 46).

На основании какого рассуждения вы пришли к тому, чтоб считать его сыном божьим? (Вы говорите): "Мы к этому пришли, ибо мы знаем, что казнь произошла ради одоления отца зла"; так что же, разве не были казнены многие другие, и не менее низкие (II, 47)? (Или вы говорите): "Мы на том основании считаем его сыном божьим, что он исцелял хромых и слепых и воскрешал мертвых" (II, 48). (Но), о свет и истина, (Иисус сам) собственными устами, согласно вашему писанию, ясно заявляет, что появятся и другие пользующиеся подобными силами злодеи и шарлатаны, и он называет того, кто хитро подстроит это, неким сатаной; таким образом, он и сам не отрицает, что такие (чудеса) не представляют ничего божественного, а являются делом людей дурных. Под давлением истины он одновременно раскрыл (проделки) других и самого себя изобличил. Разве это не наглость - на основании одних и тех же действий одного считать богом, а других - шарлатанами? Почему мы на этом основании должны считать негодяями других, а не его, следуя его же свидетельству? Он сам признал ведь, что все это не признаки божественной сущности, а неких обманщиков, величайших подлецов (II, 49). Что вас привлекло (к нему), как не его предсказания, что он якобы воскреснет после смерти (II, 54)? Ну хорошо, поверим вам, что он это сказал. Но сколько есть других, которые распространяют такие басни, убеждая простодушных слушателей и используя их заблуждение? Ведь то же самое говорят у скифов о Замолксисе, рабе Пифагора, в Италии - о самом Пифагоре, в Египте - о Рампсините; этот даже играл якобы в аду в кости с Деметрой и вернулся оттуда с подарками от нее - золототканым полотенцем. Такое же рассказывают об Орфее у одризов, о Протесилае в Фессалии, о Геракле в Тенаре и о Тесее.

Посмотрим, однако, действительно ли кто-либо когда-нибудь воскрес после смерти во плоти. Или вы думаете, что у других это считается и в действительности является сказкой, у вас же это драматическое происшествие придумано прилично и правдоподобно - его возглас на столбе, когда он испустил дух, и землетрясение, и затмение? А что он, хотя не сумел постоять за себя при жизни, став трупом, восстал, показал следы казни, пробитые руки, - то кто это видел? Полубезумная женщина или кто-нибудь еще из той же шарлатанской компании, которому это пригрезилось вследствие какого-то предрасположения или который по своей воле дал себя увлечь обманчивому, фантастическому видению, как это с очень многими случалось, или, что вероятнее, захотел поразить остальных шарлатанской выдумкой и этой ложью открыть дорогу другим бродягам (II, 55). Если б Иисус действительно, как вы говорите, воскрес, если б он на самом деле хотел явить божественную силу, ему следовало показаться тем, кто его оскорбил, кто его осудил, вообще всем (II, 63); ведь, раз он умер и был, как вы утверждаете, богом, ему уже нечего было бояться кого-либо из людей, да и не затем он был с самого начала

Замолксис - бог гетов во Фракии. Позднейшая эллинская рационалистическая традиция превратила его в человека, раба Пифагора, и объявила его "просветителем" Фракии, чудесным образом исчезнувшим с земли. Рампсинит - мифический царь Египта. Миф о схождении Рампсинита в преисподнюю приведен у Геродота (II, 122). Протесилай - один из героев троянского похода, павший в бою первым, был отпущен из подземного царства на один день на землю для свидания с молодой женой. Геракл, или Геркулес, величайший эллинский герой-богатырь, занимающий видное место в сонме эллинских и римских богов. В числе приписываемых ему в мифологии подвигов (из них 12-основных) значится сошествие в ад, откуда он вывел трехголового пса Цербера, охранителя ада. Тесея, "житие" которого написано Плутархом, главный национальный герой и покровитель Аттики; в числе множества подвигов Тесея греческая мифология сообщает также о его сошествии в ад, послан, чтоб скрываться (II, 67). Если это имело столь большое значение для

Античные критики христианства А. Б. Ранович filosoff.org доказательство (его) божественности, ему, во всяком случае, следовало бы исчезнуть прямо со столба (II, 68), (так чтоб все это видели. А он предпочел скрыться; но) кто же когда-либо, будучи послан как вестник, скрывается, когда нужно возвестить то, что (ему) было поручено? Пока он, облеченный в плоть, не внушал доверия, он всем проповедовал без устали, а когда он, восстав из мертвых, мог бы внушить крепкую веру, он явился тайком только одной какой-то женщине и собственным своим приверженцам; когда его наказывали, его видели все, а когда он воскрес – только один человек; а ведь должно было быть наоборот (II, 70). (Так-то он рассчитывал) просветить благочестивых и пожалеть заблуждающихся и покаявшихся (II, 71)! Если он хотел остаться в неизвестности, то зачем раздался голос, объявляющий его сыном божьим? Если же он не хотел скрываться, к чему было подвергаться наказанию и умереть? (II, 72). (А если) он хотел (примером) перенесенным им страданий научить нас презирать смерть, то, восстав из мертвых, (он должен был бы) открыто призвать всех и объяснить, ради чего он сошел (на землю) (II, 73).

Все это мы подносим вам из ваших же писаний, мы не нуждаемся ни в чьих других показаниях, вы побиты собственным своим оружием (II, 74)... О всевышний, о небо, какой же это бог, пребывая среди людей, не вызывает (к себе) веры, хотя является при этом (как раз) тем, кто на него надеется? Почему его никак не признают те, кто давно его ждет (II, 75)?

... (Так что) зря он грозит и бранит, когда говорит "горе вам", "наперед говорю вам": ибо этим он неопровержимо признает, что убедить он не в состоянии, а этого не бывает ни с богом, ни даже (просто) с рассудительным человеком (II, 76).

Мы, (иудеи), надеемся, что некогда действительно воскреснем во плоти и обретем жизнь вечную, примером и вождем в этом будет нам посланец (бога), который покажет, что для бога нет невозможности (воскресить) кого-либо во плоти. Но где же он, чтоб мы (могли) его увидеть и уверовать (II, 77)? (Мы видели, что не Иисус был этим посланцем; ведь он никого не сумел убедить); или, может быть, он для того и явился, чтоб мы не уверовали (II, 78)?

Итак, Иисус был человеком, притом таким, каким его рисует истина и показывает разум (II, 79).

Часть 2.

КРИТИКА ХРИСТИАНСТВА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ФИЛОСОФИИ И ИСТОРИИ.

Глупейшим образом спорят между собою христиане и иудеи, и их беседы между собой о Христе ничем не отличаются от вошедшего в поговорку спора о тени осла. Популярная в греческой литературе поговорка о споре, который "выеденного яйца не стоит". Основана она на анекдотическом споре о том, кому принадлежит право укрыться от солнца в тени осла, – владельцу его, которому "принадлежит" и тень, или нанимателю.

Ничего благородного нет в прениях иудеев и христиан между собою, так как обе стороны верят, что было пророчество от духа божьего о грядущем спасителе рода человеческого; они расходятся только по вопросу о том, явился ли уже предвещенный спаситель или нет (III, 1). (Впрочем, спасители были и у эллинов) – благодетельный Асклепий, предсказывающий будущее целым городам, посвященным ему, как то: Трикке, Эпидавру, Косу и Пергаму, Аристей из Проконнеза, некий из Клазомен ((имеется в виду некий Гермотим, мифы о котором не сохранились) и Клеомед из Астиапалеи (III, 3). Клеомед, по преданию, в 486 г., нечаянно убив в кулачной борьбе своего противника, был лишен венка; в отчаянии он (как библейский Самсон) разрушил колонны, поддерживавшие крышу школы, что повлекло за собой много жертв; спасаясь от наказания, он укрылся в храме, где спрятался в ящик; когда ящик был взломан, Клеомеда в нем не оказалось, и дельфийский оракул разъяснил, что Клеомед взят живым на небо (ср. III, 33). Асклепий – древнегреческий бог-целитель, сын Аполлона; во втором веке новой эры культ Асклепия не только как целителя, но и как спасителя получил распространение в Риме. Главное святилище Асклепия в Эпидауре привлекло множество богомольцев, жаждавших исцеления; сохранилось много надписей о чудесных исцелениях в храме и обетных приношениях Асклепию. Храм Асклепия в Трикке, в Фессалии, раскопан в 1903 г.; на острове Кос, у малоазиатского берега, также сохранились остатки храма Асклепия. Пергам, крупный город в Мизии (М. Азия), столица одноименного царства, как видно из данных раскопок, имел

Античные критики христианства А. Б. Ранович filosoff.org множество эллинических святых. Аристей, уроженец о. Проконнес в Мраморном море, "чудотворец" и автор поэмы, содержащей сказочные описания мифического северного народа аримаспов. Чудесные легенды об Аристее приведены у Геродота (IV, 14-15). Евреи происходят из Египта; они покинули Египет, восстав против египетского государства и презрев принятую в Египте религию; (и вот) то, что они сделали с египтянами, они (сами) испытали со стороны приверженцев Иисуса, уверовавших в него как в Христа; в обоих случаях причиной нововведения послужило возмущение против государства (III, 5). Представление о том, что евреи - выходцы из Египта, было распространено среди древних историков, пытавшихся, таким образом, рационалистически истолковать миф об исходе из Египта. Археологические открытия последнего времени доказали полную беспочвенность мифа о пребывании евреев в Египте и об исходе их. Евреи, будучи египтянами, получили начало (как отдельная нация) путем мятежа, а будучи (уже) иудеями, они во времена Иисуса восстали против государства иудейского и последовали за Иисусом (III, 7); (ими руководит всегда только дух мятежа, и) если бы все люди пожелали стать христианами, то эти не пожелали бы уже (оставаться христианами) (III, 9).

Вначале их было немного, и у них было единомыслие. А размножившись, они распадаются тотчас же и раскалываются: каждый хочет иметь свою собственную фракцию;

ибо к этому они стремились с самого начала (III, 10);

вновь откалываясь от большинства, они сами себя изобличают. Единственное, так сказать, общее, что у них еще есть, если оно вообще есть, это - название. Это единственное они все-таки стесняются отбросить: а все остальное у них по-разному (III, 12). Их союз тем более удивителен, что, как (легко) можно доказать, он не покоится ни на каком солидном основании; этим "солидным основанием" является мятежный дух, (извлекаемая) из него выгода и страх перед внешними (противниками); этим укрепляется их вера (III, 14).

Они привлекают и комбинируют всякого рода представления об ужасах; сочетая плохо понятые древние сказания, они огорошивают и обвораживают ими людей, как те, которые оглушают посвящаемых в корибанты (III, 16). Корибанты - свита фригийской Великой матери, богини Кибелы;

их оргиастические шествия сопровождалось оглушительным шумом, который производили, очевидно, в качестве магического средства против враждебных духов. (Их) веру (можно сравнить с культом) египтян: у них, когда приходишь (видишь) великолепные священные участки и рожи, огромные прекрасные пропилеи, замечательные храмы, пышные скинии вокруг, благоговейное таинственное богослужение. Но, когда приходишь и оказываешься уже внутри, видишь, что поклонение воздается коту, обезьяне, крокодилу, козлу или собаке (III, 17). (Впрочем) признающим это внушается представление, что не напрасно (животные) священны (III, 18). (Христиане) , с одной стороны, смеются над египтянами, хотя последние дают много и неплюхих загадок, поскольку учат, что такого рода почитание воздается вечным идеям, а не, как многие думают, тленным животным; но они глупы, не вводя в рассказы об Иисусе ничего более достойного уважения, чем египетские козлы и собаки (III, 19).

(Эллины верят, что) Диоскуры, Геракл, Асклепий и Дионис (из людей превратились в богов; христиане) не терпят, чтобы их считали богами, так как они были первоначально людьми, хотя бы они оказали много благодеяний людям; между тем они утверждают, что Иисуса после его смерти видели его собственные ученики, притом в виде тени (III, 22). С утверждением античного рабовладельческого общества древние родовые боги и боги природы приобрели в мифологии человеческие черты; с другой стороны, рационалистическая философия толковала богов "эвгемеристически" (по имени греческого философа IV-III в. до новой эры Эвгемера), как обожествленных людей. Этот исторически неверный, идеалистический метод объяснения мифов имеет сторонников и теперь среди буржуазных ученых; в частности, известный английский исследователь Дж. Фрэйзер склонен допустить, что даже такие боги, как Осирис и другие, могли быть историческими лицами. Диоскуры братья-близнецы Кастор и Полидевк (Поллукс), древние боги-спасители; в греческой мифологии они изображаются как дети Зевса и Леды. Цельс не допускает мысли, даже с точки зрения христиан, чтобы Иисус явился во плоти; он допускает лишь, что он явился в виде призрака. Ориген ему возражает (III, 33), что Иисуса видели по-настоящему (kaf aletheian). Относительно

Античные критики христианства А. Б. Ранович filosoff.org Асклепия большое, неисчислимое множество людей, как эллинов, так и варваров, единодушно утверждают, что часто его видели и еще (теперь) видят, притом не в виде призрака, а исцеляющим, благодетельствующим и предсказывающим будущее (III, 24). (Всем известны) прорицания Аполлона (III, 25); с другой стороны, проконнезиец Аристей, столь божественным образом исчезнув из среды людей, вслед за тем открыто явился, впоследствии часто много времени пребывал на земле и возвещал дивные вещи; и, хотя Аполлон предписал метапонтицам чтить Аристея в числе богов, никто ведь его еще богом не считает (III, 26). По баснословному сообщению Геродота (IV, 14), Аристей умер в Кизике, но когда граждане собрались его похоронить, его не оказалось, а гражданин, прибывший из другого города, уверял, что видел его там живым. Через 7 лет после смерти Аристей явился в Проконнез и там написал свою поэму. Тот же Геродот сообщает (IV, 15), что Аристей явился в Метапонт (в Южной Италии) и распорядился поставить свое изображение рядом с жертвенником в честь Аполлона; дельфийский оракул подтвердил это распоряжение от имени Аполлона. Никто не считает богом гиперборейца Абарида, который обладал такой силой, что переносился со скоростью стрелы (III, 31). Геродот приводит (IV, 16) басню об Абариде, обладателе очистительной стрелы Аполлона; в позднейшей мифологии Абарид изображался уже несущимся на стреле. (Или вот) клазоменский (герой): разве о нем не говорят, что душа его часто, покинув тело, бродила без тела? Но и его люди не признали богом (III, 32). (Богом не признали) и Клеомеда из Астипалеи, (о котором рассказывают, что), когда он забрался в ящик и был в нем заперт, его внутри не обнаружили; он каким-то сверхъестественным образом исчез изнутри, когда некоторые взломали ящик, чтобы его захватить (III, 33). Я мог бы назвать еще многих других таких.

Поклоняясь схваченному и казненному, (христиане) поступают подобно гетам, почитающим Замолксиса, киликийцам – (поклонникам) Мопса, акарнаниям – Амфилоха, фиванцам – Амфиарая, лебадийцам – Трофония (III, 34). Мопс внук гомеровского пророка Тиресия и сам провидец, пользовался культом в Киликии; согласно мифу, он пал в единоборстве с другим героем, Амфилохом (сыном Амфиарая), который тоже погиб в этой борьбе. Почитание возлюбленного Адриана несколько не хуже их почитания Иисуса (III, 36); (а ведь даже) египтяне, (признавшие культ Антиноя), не стерпели бы, если б его стали равнять с Аполлоном или Зевсом (III, 37). Император Адриан имел любимца красивого юношу Антиноя. Когда Антиной утонул в Ниле, император воздвиг храм в его честь и учредил его культ; египтяне приняли этого нового бога без особых возражений. Трофоний – древнее божество, впоследствии в мифе принявшее человеческие черты; его божественные атрибуты перенесены на Зевса (Zeus Trophonios). Трофоний, согласно мифу, жил в пещере, где давал оракулы. Так как Трофоний не умирал, его имя стало синонимом глубокой старости.

Вот к чему приводит предвзятая вера, какова бы она ни была (III, 38). (И у христиан) предвзятость души создает такое расположение к Иисусу (III, 39); они признают его, состоящего из смертного тела, богом и думают, что таким образом поступают благочестиво (III, 41); (а ведь) человеческая плоть Иисуса (хуже) золота, серебра или камня, так как она более тленна, чем последние. Но, (говорят христиане), он ведь становится богом, сняв с себя (телесную оболочку); но почему не с большим правом (могут стать богами) Асклепий, Дионис и Геракл (III, 42)? (Христиане) смеются над почитателями Зевса на том основании, что на Крите показывают его могилу; и тем не менее они почитают вышедшего из могилы, не зная, как и почему критяне так поступают (III, 43).

Вот что они предписывают: "Пусть к нам не вступит ни один образованный, ни один мудрый, ни один разумный (человек); все это у нас считается дурным. Но если есть невежда, неразумный, несовершеннолетний, пусть он смело придет". Считаю только такого рода людей достойными своего бога, они, очевидно, желают и могут привлечь только малолетних, низкородных, необразованных, рабов и детвору (III, 44). Что же вообще дурного в том, чтобы быть образованным, интересоваться наилучшими учениями, быть и казаться разумными? Чем это мешает познать бога? Разве это не, скорее, нечто полезное, посредством чего легко можно доходить до истины? (III, 49). Но мы видим в самом деле, что те, кто выражают и распространяют на площадях самые гнусные вещи, никогда не присоединяются к собранию разумных людей и не смеют среди них обнаруживать свои (взгляды); но если они завидят юнцов или сборище домашних рабов, или кучку неразумных людей, туда-то они проталкиваются и там красуются (III, 50). Мы видим, что и в частных домах шерстобитчики, сапожники, валяльщики, самые грубые мужланы, в присутствии

Античные критики христианства А. Б. Ранович filosoff.org старших и более разумных господ не смеют рот раскрыть; но когда им удается заполучить к себе отдельно детей и каких-либо глупых женщин, они им рассказывают удивительные вещи, что не надо оказывать почтение отцу и учителям, а слушаться только их самих;

те, мол, глупости болтают, у них мысль парализована, они в сущности не знают и не умеют делать ничего прекрасного, находясь в плену пустых предрассудков; зато только они сами знают, как надо жить; если дети их послушаются, они будут счастливы, и дому явится счастье. А если во время таких речей они увидят, что подходит кто-либо из наставников в просвещении, кто-либо из людей разумных или сам отец, то более осторожные из них стушеваются, а более дерзкие подстрекают детей сбросить узду, нашептывая, что в присутствии отца и учителей они не захотят и не сумеют проповедовать детям добро, ибо, дескать, их отталкивает низость и тупость (старших), окончательно испорченных, безмерно злых и наказывающих их; поэтому, если они хотят, они должны, оставив отца и учителей, уйти с женщинами и с товарищами по играм в женское помещение, в сапожную или валяльную мастерскую, чтобы обрести совершенство. Такими речами они убеждают (III, 55).

А что я не предъявляю более жестоких обвинений, чем того требует истина, можно убедиться по нижеследующему. Призывающие к участию в других, (нехристианских), таинствах возглашают: "У кого руки чисты и речь разумна" или "чья душа свободна от зла, кто прожил хорошо и справедливо", - это провозглашают те, кто обещают очищение грехов. Таковы формулы обращения к участникам элевсинских мистерий богини Деметры. Послушаем же, кого призывают эти. Кто грешник, говорят они, кто неразумен, кто недоразвит, попросту говоря, - кто негодяй, того ждет царство божие. А разве грешником вы считаете не бесчестного вора, взломщика, отравителя, святотатца, осквернителя могил? Кого другого стал бы приглашать и призывать разбойник (III, 59)?

Они говорят, что бог ниспослан к грешникам; но почему он не был ниспослан к безгрешным? Что дурного в том, чтобы не иметь греха? (По их учению выходит, что) нечестивца, если он смирится под (тяжестью) бедствия, бог примет, а праведника, если он, обладая добродетелью с самого начала, обратит свой взор ввысь, он не примет (III, 62)! Люди, правильно руководящие законностью, заставляют (обвиняемых), кающихся в своих преступлениях, прекратить свои жалобные выкрики, чтобы не (вышло, будто) приговор о них выносится скорее из жалости, чем в соответствии с истиной: а бог судит, руководствуясь не истиной, а лестью! Они говорят: "кто без греха?" Это довольно верно, ибо род человеческий как бы рожден для греха; (но в таком случае) следовало призвать всех, раз все грешат (III, 63). Почему такое предпочтение грешникам? (Утверждая подобное, христиане либо) возносят хулу на бога, (либо) лгут (III, 64). Они все это делают для поощрения грешников, не будучи в состоянии привлечь к себе ни одного действительно хорошего и справедливого человека, и потому они раскрывают двери перед самыми преступными, пропавшими (людьми). Ведь всякому ясно, что прирожденных и законенных грешников никто не может совершенно переделать даже посредством наказаний, тем менее жалостью; ибо коренным образом изменить характер чрезвычайно трудно. (Конечно), безгрешные люди-лучшие члены общества (III, 65)...

"для бога все возможно" (говорят на это христиане;

да, бог может, но) не пожелает ничего несправедливого (III, 70). (А по учению христиан выходит, что), подобно людям, которые поддаются сетованиям, бог, поддавшись жалобам жалующихся, ублажает дурных и отвергает хороших людей, не поступающих таким образом; а это в высшей степени несправедливо (III, 71).

(Христианский) учитель (говорит): "Мудрецы отвергают наше учение, потому что мудрость вводит их в заблуждение и сбивает с пути" (III, 72). (Но это) смешотворно; ни один здравомыслящий (человек) не согласится с этим рассуждением (III, 73); (поэтому их) учитель ищет неразумных (III, 74). Проповедники (христианства) поступают подобно тому, кто обещает исцелить тело, но отговаривает от обращения к знающим врачам, (боясь), что те уличат его в невежестве. (Христиане) прибегают к простодушным и малолетним невеждам, говоря им: "Избегайте врачей", "Смотрите, чтобы кто-нибудь из вас не коснулся знания", "Знание - зло, знание отклоняет людей от здоровья души". "Только я спасу вас (говорит их учитель), а врачи губят тех, кого

Античные критики христианства А. Б. Ранович filosoff.org
обещают исцелить" (III, 75).

(Христианский) учитель поступает подобно тому, как если бы кто в пьяном виде, выступая перед пьяными, стал поносить трезвых за пьянство (III, 76), или человеку с больными глазами, который перед (другими) такими же больными стал бы винить имеющих острое зрение, что у тех повреждено зрение (III, 77).

Вот в этом и подобных вещах я виню их - не стану перечислять все - и утверждаю, что они ошибаются и оскорбляют бога, чтобы обманчивыми надеждами привлечь к себе дурных людей и внушить им презрение к лучшим людям на том основании, что им якобы лучше будет, если будут держаться от тех подальше (III, 78).

Утверждение некоторых христиан и иудеев, что бог или сын божий не то сошел, не то сойдет на землю в качестве судьи над (всем) земным, - самое постыдное, и опровержение его не требует долгих слов (IV, 2). В чем смысл такого сошествия бога? Чтобы узнать, что делается у людей? Значит, он не всеведущ? Или он знает все, но не исправляет и не может своей божественной силой исправить, не послав для этого кого-то во плоти (IV, 3)?

(Далее, как христиане мыслят себе возможным сошествие бога? Если) бог спустился к людям, он (следовательно) покинул свой трон; а) ведь если изменить самое малое здесь, то все перевернется и пойдет прахом (IV, 5)!.. А может быть, бог, не пользуясь известностью среди людей и считая, что он от этого теряет, пожелал, чтобы его узнали, и (захотел) проверить верующих и неверующих, как и у людей выскочки выставляют себя напоказ? (Но это значит) приписывать богу сильное и вполне человеческое тщеславие (IV, 6). Но, (говорят христиане), он хочет нам дать познание его не потому, что ему хочется, чтобы его узнали, но ради спасения (людей): чтобы те, кто обретут его, став праведниками, спаслись, а не обретенные были наказаны, как уличенные злодеи. Что же после стольких лет бог вспомнил судить поведение людей, а до того не думал об этом (IV, 7)? Ясно, что они болтают о боге нечестиво и не свято; они делают это для устрашения непосвященных, а не для наказания грешников, подражая участникам вакхических мистерий, показывающим призраки и страшилища (IV, 10). (Да и все эти страхи они к тому же не сами выдумали, а лишь) исказили то, что слышали от эллинов и варваров. Они наслышались от них и о том, что в течение продолжительных циклов времени, по мере сближения и расхождения звезд, случаются мировые пожары и потопа и что, после последней катастрофы при Девкалионе, истекший период требует, согласно общему изменению во вселенной, мирового пожара. Это побудило их на основании ложного понимания утверждать, что бог сойдет, неся с собою очистительный огонь возмездия (IV, II).

Возвратимся еще раз к этому вопросу сначала, с большим числом аргументов; я (при этом) не скажу ничего нового, а давно доказанное. Бог добр, прекрасен, блажен и пребывает в прекраснейшем и наилучшем. Если он спускается к людям, ему приходится измениться, (причем) изменение (будет) из доброго в злого, из прекрасного в безобразного, из блаженного в несчастного, из наилучшего в наихудшего. Кто избрал бы себе в удел такую перемену? Конечно, смертному по природе свойственно меняться и переделываться, бессмертному же - пребывать одинаковым и неизменным; так что бог не мог бы подвергнуть себя и этому изменению (IV, 14). Итак, либо бог в самом деле превращается, как они говорят, в смертное тело, что, как выше сказано, невозможно; либо он сам не меняется, но делает так, что видящим его кажется, (что он изменился, то есть) он вводит в заблуждение и обманывает. А обман и ложь вообще - зло, за единственным разве исключением, когда их применяют как лекарство в отношении больных или сошедших с ума друзей для лечения или в отношении врагов, когда принимают предосторожности, чтобы избежать опасности. Но ведь у бога нет болящего или сумасшедшего друга, и он не боится никого, чтобы (ему приходилось) избегать опасности путем обмана (IV, 18).

(Иудеи и христиане по-разному обосновывают идеи о будущем или уже происшедшем пришествии Христа.) Иудеи говорят, что, так как жизнь преисполнилась злом, необходим посланник божий, чтобы неправедные были наказаны и чтобы все очистилось, как это было при первом потопе (IV, 20). Наряду с потопом, очистившим землю, произошло разрушение (вавилонской) башни. Моисей, написавший о башне, подделал такой же рассказ о башне, (связываемый) с сыновьями Алоя. О сыновьях Алоя - вернее, жены Алоя и бога Посейдона в поэме Гомера читаем (Одиссея):

В ней уступая; и оба, едва десяти лет достигнув,
В девять локтей толщиной, вышиною же в тридевять были.
Дерзкие стали бессмертным богам угрожать, что Олимп их
Шумной войной потрясут и губительным боем взволнуют.
Оссу на древний Олимп взгромоздить, Пелион многолесный
Взбросить на Оссу они покушались, чтоб приступом небо
Взять, и угрозу б они совершили, когда бы достигли
Мужеской силы; но сын громовержца, Латоной рожденный,
Прежде, чем младости пух оттенил их ланиты и первый
Волос пробился на их подбородке, сразил их обоих.

Рассказы о Содоме и Гоморре, якобы уничтоженных огнем за грехи, подражание рассказу о Фаэтоне (IV, 21). А христиане, прибавив кое-что к рассказам иудеев, говорят, что ради грехов иудеев сын божий уже послан и что иудеи, казнив Иисуса и напоив его желчью, сами навлекли на себя гнев божий (IV, 22). Род христиан и иудеев подобен стае летучих мышей или муравьев, вылезших из дыры, или лягушкам, усевшимся вокруг лужи, или дождевым червям в углу болота, которые устроили бы собрание и стали бы спорить между собою о том, кто из них грешнее, и говорить, что, мол, "бог наш все открывает и предвозвещает", что, "оставив весь мир и небесное движение и оставив без внимания эту землю, он занимается только нами, только к нам посылает своих вестников и не перестает их посылать и домогается, чтобы мы всегда были с ним". Христиане подобны червям, которые стали бы говорить, что, мол, есть бог, а затем следуем мы, рожденные богом, подобные во всем богу, нам все подчинено - земля, вода, воздух и звезды, все существует ради нас, все поставлено/на службу нам. Ныне, говорят черви, ввиду того что некоторые среди нас согрешили, придет бог или он пришлет своего сына, чтобы поразить нечестивых и чтобы мы прочно обрели вечную жизнь с ним. Все это более приемлемо, когда об этом спорят между собою черви и лягушки, чем иудеи и христиане (IV, 23).

Иудеи, беглые рабы из Египта, никогда ничего не совершили достойного упоминания, ни по своему значению, ни по численности не были заметны (IV, 31). Они попытались вывести свой род от семени первых обманщиков и бродяг, ссылаясь на окутанные туманом темные и двусмысленные слова и толкуя их глупцам и невеждам, хотя за все долгое предшествующее время и спора не было (IV, 33) об этих (генеалогических) именах, и (только) теперь иудеи расходятся с некоторыми другими на этот счет (IV, 35). В то время как (другие) люди, притязавшие на древность (своего происхождения), как афиняне, египтяне, аркадцы и фригийцы, утверждают, что некоторые среди них родились на их земле, и каждый приводит доказательства этого, иудеи, собравшиеся где-то в уголке Палестины, люди, совершенно необразованные и не слышавшие ранее, что все это давно воспето Гесиодом и тысячами других вдохновенных мужей, сочинили самые невероятные и нескладные (мифы) о некоем человеке, сотворенном руками бога, вдохнувшего в него душу, о женщине, созданной из ребра, о заповедях бога и о змее, противодействующем им, о победе змея над предписаниями бога; они рассказывают какой-то миф, как старым бабам, и самым нечестивым образом изображают бога сразу, с самого начала бессильным, неспособным убедить даже единственного человека, которого он сам создал (IV, 36). Гесиод - древнегреческий поэт середины VIII в. до новой эры, автор "Теогонии" - дидактической поэмы, содержащей систематизацию и генеалогию греческих богов и мифов о них. (Даже) среди христиан и иудеев наиболее совестливые стыдятся этого и пытаются как-нибудь толковать это аллегорически (IV, 38). Далее они, поддельывая беззастенчиво девкалиона, (рассказывают) о потоке вакром-то, о необыкновенном ковчеге, заключающем внутри себя все, о каком-то голубе и вороне в качестве вестников. Я не думаю, чтобы они ожидали, что все это получит распространение; они бесхитростно рассказывали это, как сказку малым детям (IV, 41). Совершенно нелепо рождение детей на старости, (рассказы) о кознях братьев, о горе отца, о коварстве матери; во всем этом ближайшее участие

Античные критики христианства А. Б. Ранович filosoff.org принимает бог. Бог дарит своим сынам ослы, овец и верблюдов (IV, 43), отводит праведникам колодцы, (устраивает их) браки и связи с невестками и служанками (IV, 44); (брак Лота) с дочерьми гнуснее преступлений Тиеста (IV, 45). (Как противны рассказы о враждующих братьях), о братьях-купцах, (сыновьях Якова), продающих своего брата, и обманутом отце (IV, 46). (Далее следуют рассказы) о снах и об их толковании, (в результате коих узник) освобожден (и возведен в высокий сан). Когда продавшие его братья, голодая, были посланы (в Египет) со своими осликами для закупок, проданный принял их милостиво; неясно (изображено) узнавание (братьев Иосифом). Проданный в рабство (Иосиф) получает свободу и с помпой возвращается на могилу отца. Он приказал славному и божественному роду иудеев, рассеянному во множестве в Египте, поселиться где-то вне его и заниматься пастушеством в глухой местности. Исход из Египта был (в сущности) бегством (IV, 47). (И в этом случае) наиболее совестливые из иудеев и христиан, стыдясь этого, пытаются кое-как толковать это аллегорически (IV, 48, 50). Но этого нельзя принимать как аллегорию, это изложено в виде самой наивной сказки (IV, 50). Во всяком случае, мнимые аллегории, написанные об этом, еще позорнее и нелепее, чем (сами) мифы, так как (эти толкования) при помощи диковинной и совершенно бессмысленной глупости пытаются согласовать нигде и никак не поддающееся согласованию (IV, 51). Я познакомился с такого рода (толкованием) в "Споре Паписка и Ясона", достойном не смеха, а скорее жалости и негодования. Тиест – согласно греческой мифологии, сын Пелопса; был в ссоре со своим братом Атреем; последний убил его сыновей, сварил их и мясом угостил ничего не подозревавшего отца. Другой миф сообщает, что Тиест вступил в кровосмесительную связь с собственной дочерью Пелопией.

Я, во всяком случае, не собираюсь опровергать это, ибо это, по-видимому, ясно для всякого, особенно если у кого хватит терпения и выдержки прослушать их писания. Я предпочитаю ознакомить (читателя) с природой, (показать), что бог не сотворил ничего смертного, но что творения все бессмертны, а смертны – создания тех (творений). Душа – творения бога, тело же имеет другую природу. В этом отношении нет разницы между летучей мышью, червями, лягушкой или человеком, ибо материя – одна и та же и тленная их часть – одинакова (IV, 52). У всех вышеназванных существ – общая и единая природа, движущаяся вперед и назад в круговороте изменений (IV, 60). "Диалог Паписка и Ясона" – не сохранившееся апологетическое сочинение Аристана из Пеллы, в котором, по свидетельству Климента Александрийского, христианин доказывает еврею, что библейские пророчества относятся к Иисусу. Из всего, что исходит из материи, ничто не бывает бессмертно. Но об этом довольно. Если кто желает больше послушать и исследовать, тот узнает больше (IV, 61).

Зло в сущем ни раньше, ни теперь, ни в будущем не может стать ни больше, ни меньше, ибо природа всего едина и одинакова и происхождение зла одинаково (IV, 62). Каков источник зла, человеку, не занимавшемуся философией, нелегко узнать. Для массы достаточно сказать, что зло не от бога, что оно прилагается к материи и внедряется в смертное; цикл (всего) преходящего одинаков от начала до конца, и в соответствии с установленным круговоротом одно и то же неизбежно возникало, существует и будет существовать (IV, 65). Ориген (IV, 62) указывает, что Цельс в вопросе о происхождении зла следует Платону (Theaet, 25). Представление о том, что зло – свойство низменной материи, разделяло в эпоху Цельса большинство философов и богословов.

(Все) видимое – не для человека, но ради блага целого все возникает и погибает в (процессе) перехода одного в другое, о чем я говорил выше. Ни добро, ни зло в смертном не может увеличиться или уменьшиться, и богу нет надобности вносить новые исправления; бог не вносит поправок во вселенную, очищая ее посредством потопа или пожара, он не похож на человека, неудачно построившего или неумело смастерившего что-либо (IV, 69). (Помимо того), если тебе что-либо кажется злом, то еще неизвестно, зло ли это; ибо тебе неизвестно, что полезно тебе, или другому, или космосу (IV, 70).

... (А они приписывают) богу страсть гнева (и вкладывают в его уста) угрозы (IV, 70); и не смешно ли? Один человек, разгневавшись на иудеев, истребил (у них) всех боеспособных, предал их огню, превратил их в ничто; а величайший бог, по их словам, разгневавшись, рассвирепев и угрожая, (оказывается способным лишь) послать своего сына, и тот переносит такие страдания! Очевидно, имеется в виду император Тит, жестоко подавивший восстание евреев в 70 г., разрушивший Иерусалим и храм Яхве.

Но, чтоб останавливаться не только на иудеях, – ибо не о том речь, – а на

Античные критики христианства А. Б. Ранович filosoff.org
всей природе, как я обещал, я яснее разъясню вышесказанное (IV, 73).

(Христиане) говорят, что бог все сотворил для человека; (но история животных и наличие у них сметливости показывает, что) все создано ради людей не в большей степени, чем для неразумных тварей (IV, 74). Громы, молнии и дождь – дело рук бога; но если даже допустить, что это – дело рук бога, то все это происходит ради людей не больше, чем для питания растений – деревьев, трав, цветов. Если же ты скажешь, что (растения) ведь произрастают для человека, то на каком основании ты можешь утверждать, что они скорее произрастают для человека, чем для неразумных, самых диких животных (IV, 75)? (Напротив), мы добываем пищу, работая и трудясь с напряжением и усилием, а животные не сеют и не пашут, и все для них растет само (IV, 76). Если сошлешься на стих Еврипида: "Солнце и ночь служат смертным", то почему (они служат) нам больше, чем мухам или муравьям? Еврипид (приблизительно 486–406 гг. до новой эры) – один из трех величайших мастеров древнегреческой трагедии. Здесь цитируется его трагедия "Финикиянки". Ведь и для них ночь служит отдыхом, а день – чтобы видеть и действовать (IV, 76). О людях говорят, что ради них созданы неразумные твари; (но) если кто скажет, что мы властвуем над животными, потому что мы охотимся на диких животных и питаемся ими, то мы скажем, – почему нельзя утверждать (с большим правом), что мы родились ради них? Ведь они охотятся на нас и пожирают нас? Более того, нам требуются сети и оружие и помощь многих людей и собак против (животных), на которых мы охотимся, а тем природа дала каждому в отдельности немедленно (действующее) оружие, легко покоряющее нас им (IV, 78). Что касается вашего утверждения, что бог дал нам возможность ловить зверей и пользоваться ими, то мы скажем на это, что, по-видимому, до того, как существовали города, техника и всякого рода общества, оружие и сети, животные ловили и поедали людей и меньше всего люди ловили зверей (IV, 79), так что в этом отношении бог скорее покорил людей зверям (IV, 80). Если кажется, будто люди отличаются от неразумных тварей тем, что они построили города, что у них государство, власти и руководители, то и это не относится к делу: ведь и муравьи и пчелы (имеют все это). Пчелы имеют предводителя, у них есть свита, служба, войны, победы, взятие в плен побежденных, города и пригороды, смены работ, наказание ленивых и злых; во всяком случае они прогоняют и наказывают трутней (IV, 81). У муравьев (чисто) человеческая (заботливость) насчет пропитания и предусмотрительность (в заготовках) на зиму; они поддерживают друг друга при перенесении тяжестей, когда видят, что кто-нибудь из них устал; со складываемых плодов они снимают ростки, чтобы они не набухли и оставались (годными) в пищу для них в течение всего года (IV, 83); для умирающих муравьев оставшиеся в живых отводят особое место, и оно служит для них общественным кладбищем; и, право же, при встрече они беседуют друг с другом и потому не сбиваются с пути; таким образом, они обладают полной разумом, общими понятиями о некоторых всеобщих (предметах), речью, (выражающей) события и отмечающей их (IV, 84). Право же, если бы кто-нибудь смотрел на землю с неба, в чем бы он усмотрел разницу между тем, что мы делаем, и (тем, что делают) муравьи и пчелы (IV, 85)? Если же люди имеют в виду колдовство, то и в этом отношении мудрее (их) змеи и орлы; в самом деле, они знают много противоядий и защитных средств и даже свойства некоторых камней, (применяемых ими) для (сохранения) здоровья детенышей; когда люди наталкиваются на (такие вещи), они считают, что сделали замечательное приобретение (IV, 86). Если же человек считается выше прочих животных на том основании, что он усвоил представление о божественном, то говорящие это пусть знают, что и на это многие другие животные будут претендовать, и весьма основательно; ведь что можно назвать более божественным, чем знание и предсказание будущего? Люди поэтому стараются узнать его от других животных, больше всего от птиц, и те, которые прислушиваются к их указаниям, являются прорицателями. Гадание на основании полета птиц (ауспиции) занимало значительное место в официальном римском культе: без предварительных благоприятных ауспиций не предпринималось ни одно значительное государственное начинание. Для гадания применялись также куры. Видную роль играло и гадание по печени жертвенного животного. Если же птицы и другие прорицающие животные, знающие от бога будущее, учат нас своими знаменами, то тем самым очевидно, что они оказываются ближе к общению с богом, мудрее и более угодны богу. Люди знающие говорят, что у птиц бывают и беседы, конечно более священные, чем наши, (и утверждают), будто они знают язык (птиц), и подтверждают это на деле: сказав заранее, будто птицы говорили, что отправятся туда-то и сделают то-то и то-то, они показывают, что те действительно туда отправились и сделали то, что было предсказано. Филострат, автор жития Аполлония Тианского, рассказывает (V. Ар. IV, 3) об этом религиозном реформаторе, будто он однажды во время

Античные критики христианства А. Б. Ранович filosoff.org проповеди рассказал слушателям, куда и зачем улетела сидевшая на площади стая воробьев; по проверке оказалось, что Аполлоний указал правильно, так как он понимал язык птиц и знал, о чем они между собою говорят. Насчет слонов (известно, что) нет никого более верного клятве и более преданного божественному, конечно, потому именно, что они обладают познанием (божественного) (IV, 88). О "благочестии" и "благонравии" слонов сообщают натуралист Плиний, Цицерон, Плутарх и другие. Аисты благочестивее людей, так как это животное проявляет любовь к ближним и приносит корм своим родителям. Арабское животное феникс по прошествии многих лет возвращается в Египет, уносит умершего отца, погребает его в шаре из смирны и кладет там, где святилище солнца (IV, 98). Феникс - сказочная птица в Египте, о которой в древности рассказывали всевозможные чудеса. Итак, не для человека создано все, так же как и не для льва, и не для орла, и не для дельфина, а для того, чтобы космос, как творение бога, был целостным и совершенным во всех отношениях. Вот ради чего соразмерено все - не в отношении друг друга, разве лишь мимоходом, - а в отношении вселенной в целом. Бог заботится (лишь) о вселенной, ее никогда не покидает провидение, она не становится хуже, и бог не возвращается с течением времени к самому себе и не гневается ради людей, так же как и не ради обезьян или мышей; и он не грозит тем (существом), из коих каждое получило в удел свою долю (IV, 99).

Иудеи и христиане! Ни один бог и ни один сын божий не спускался и не стал бы спускаться на землю. Если же вы говорите о каких-то ангелах, то чем вы их считаете - богами или чем-то другим? По-видимому, чем-то другим, демонами (V, 2).

У иудеев достойно удивления, что, хотя они почитают небо и пребывающих на нем ангелов, они оставляют без внимания самые замечательные и могущественные его части - солнце, луну и прочие неподвижные звезды и планеты; (для них) как будто приемлемо, что вселенная в целом - бог, а ее части не божественны или что хорошо почитать тех, кто, как полагают, открываются где-то во тьме (людям), ослепленным зловредным волшебством или бредящим туманными призраками, а тех, кто столь очевидным образом блестяще всем пророчествует, через которых распределяются дождь и ведро, облака и громы, - а ведь им они поклоняются, - и молнии, и плоды, и всякое творение, через которых им открывает себя божество, этих вестников свыше, подлинных ангелов небесных, - они ни во что не ставят (V, 6).

Нелепо с их стороны думать, что когда бог, как повар, разведет огонь (в день страшного суда), то все человечество изжарится, а они одни останутся, притом не только живые, но и давно умершие вылезут из земли во плоти, - воистину надежда червей! Какая, однако, человеческая душа стоскуется по разложившемуся телу? Этот ваш догмат даже христиане не все разделяют, некоторые вскрывают гнусность, отвратительность и вместе с тем невозможность этого. Некоторые гностические секты отвергали воскресение тела во плоти; о маркосианах Ириней сообщает (Ер. I, 21, 5), что, по их учению, тело умершего остается в этом мире, а "к невидимому" восходит только "внутренний человек". Тот же Ириней полемизирует с гностиками, доказывая, что воскреснут только те тела, которые погребены в земле (V, 13). По Тертуллиану (Praescr. haer. XXIII), "то было заблуждение саддукеев, принятое отчасти Маркионом, Валентином, Апеллесом и другими, отрицающими воскресение тела". В самом деле, какое тело, совершенно разложившись, способно вернуться в первоначальное состояние, притом к тому первому составу, из которого оно распалось? Не зная, что ответить на это, они прибегают к глупейшей уловке - для бога, мол, все возможно. Но бог не может совершить ничего безобразного и не желает ничего совершить против естества; и даже если бы ты потребовал в силу своей порочности чего-либо постыдного, то бог этого не сумеет (сделать), и надо прямо думать, что (так) будет; ибо бог руководит не извращенными желаниями и не искаженной непристойностью, а правильным и справедливым естеством. Душе он мог бы даровать жизнь вечную, "трупы же, - говорит Гераклит, - презреннее навоза". Плоть, наполненную вещами, о которых говорить неприлично, бог не захочет и не сумеет объявить вечной вопреки разуму. Ведь он сам - разум всего сущего; он поэтому не может поступать вопреки разуму и вопреки самому себе (V, 14).

Иудеи, став самостоятельным народом, положив себе законы сообразно с местными условиями и сохраняя их в своей среде поныне, соблюдая богослужение, какое бы оно ни было, но во всяком случае унаследованное от отцов, поступают подобно прочим людям; ведь каждый следует отечественным законам, как они некогда были установлены. Да так, пожалуй, и удобно, - не только потому, что разным (людям) пришли на ум разные мнения и что надо

Античные критики христианства А. Б. Ранович filosoff.org соблюдают то, что установлено сообща, но и потому, что, по-видимому, отдельные части земли с самого начала предоставлены разным управителям и распределены между некоторыми властями и в таком порядке они и управляются. Поэтому у каждого (народа) всякое поведение правильно постольку, поскольку оно ему нравится, нарушение же того, что в данном месте издавна установлено, – нечестиво (V, 25). Можно было бы привести и свидетельство Геродота, который так говорит:

"Жители городов Марей и Аписа, в той части Египта, которая граничит с Ливией, считали себя ливийцами, а не египтянами; недовольные способом почитания богов, не желая воздерживаться (от употребления в пищу) коров, они послали сказать Амону, что между ними и египтянами нет ничего общего; живут-де они за пределами дельты, во всем отличаются от египтян и желают, чтобы им дозволено было вкушать всякую пищу. Но бог не разрешил этого, говоря, что Египет – это вся земля, которую Нил орошает своими водами, а египтяне – все те, которые живут ниже города Элефантины и пьют воду из реки Нила". Геродот. II, 18. Амон – главное божество египетского города Фив: греки отождествляли его с Зевсом. В святилище Амона в одном из оазисов Ливийской пустыни находилась статуя этого бога, дававшая оракулы вопрошавшим его. Элефантина – древний город в Египте на одном из нескольких островов того же наименования – составляла южную границу Египта. Так рассказывает Геродот. А ведь Амон не хуже (и имеет такое же право) рассылать (указания) о делах божественных, как и ангелы иудеев.

Итак, нет ничего дурного в том, что все почитают каждый свои законы. Конечно, мы находим у разных народов величайшие различия, и все же каждый из них сам думает, что его воззрение наилучшее. Те из эфиопов, которые живут в Мероэ, почитают "только Зевса и Диониса", (Геродот. II, 29) арабы Уранию и Диониса, (Геродот. III, 8) только их, египтяне все почитают Осириса и Исиду, а (в частности) жители Саиса – Афины, жители Навкратиды с недавнего времени (бога, которого) называли Сераписом, и так далее все по номам. Зевс, Дионис, Урания – имена греческих божеств, но ими греки и римляне обозначали аналогичных эллинским варварских богов с труднопроизносимыми именами (для арабов Геродот (III, 7) приводит и туземные названия). Культ египетской Исиды в эпоху Цезаря вышел давно за пределы Египта; богиня претендовала на роль владычицы небесной и мистерии ее, красочно описанные Апулеем (Метаморфозы, XI), привлекали верующих не только из египтян. Древнее египетское растительное божество Осирис, партнер Исиды, превратилось в бога-спасителя. Древневосточный бог Сарапис, именовавшийся также Сераписом, в первые века Римской империи стал синкретическим божеством, в котором слились черты Зевса, Посейдона и других. Одни воздерживаются от овец, почитая их как священных, другие от коз, третьи от крокодилов, от коров, воздерживаются и гнушаются свинины. Пищевые запреты, в основе которых лежали пережитки еще тотемистической религии, свойственны были всем религиям Востока. А вот у скифов считается прекрасным делом пожирать людей, и среди индийцев есть такие, которые считают, что совершают святое дело, поедая своих родителей. Об этом как-то говорит тот же Геродот. Ради убедительности приведу тут же его подлинные слова:

"Действительно, если спросить у какого бы то ни было народа, какие обычаи лучше всех, то каждый по расследовании ответит, что наилучшие обычаи – его собственные. Таким образом, всякий народ считает свои обычаи гораздо лучше всех остальных. Вот почему неестественно, чтобы кто-нибудь, разве помешанный, шутил с такими вещами. Что все люди относятся именно так к своим обычаям, можно доказать многочисленными примерами, в частности следующим: во время своего царствования Дарий позвал к себе эллинов, состоявших при нем на службе, и спросил их, за какую плату они согласились бы съесть своих умерших родителей. Те ответили, что ни за что не сделают этого. После этого Дарий позвал индийцев, именно так называемых калатиев, которые поедают своих родителей, и спросил их в присутствии эллинов, причем переводчик объяснял смысл ответа: за какую плату согласились бы они умерших родителей предать огню? калатии отвечали громкими восклицаниями и требовали, чтобы он не богохульствовал. Так чтутся обычаи, и я думаю, Пиндар был прав, когда в своем стихотворении назвал обычай "всесильным владыкой" (V, 34). Геродот. III, 38. Стих Пиндара (лирический поэт VI–V вв. до новой эры, певец родовой аристократии) цитируется также у Платона.

Таким образом, если иудеи так защищают свой собственный закон, то их (за это) нечего презирать; (скорее заслуживают презрения те), которые отказываются от своей (веры) и примыкают к иудейской. Если же они гордятся

Античные критики христианства А. Б. Ранович filosoff.org тем, что знают какую-то более глубокую мудрость, и уклоняются от общения с другими, как якобы не столь чистыми, то они уже слышали, что даже свое учение о небе они не (по праву) считают своим собственным, но что о небе в древности учили уже персы, не говоря о других, как где-то сообщает Геродот: "У них в обычае приносить жертвы Зевсу на высочайших горах, причем Зевсом они называют весь небесный свод" ". А ведь, по-моему, совершенно безразлично, давать ли Зевсу имя Всевышний, или Зен, или Адонай, или Саваоф, или Амоун, как египтяне, или Папей, как скифы (Геродот. I, 131). И право же, они вовсе не более святы, чем другие, на том основании, что они обрезаны; ведь и этот (обычай ввели у себя) египтяне и колхи раньше; и не оттого, что воздерживаются от свинины, ибо и этого (придерживаются) египтяне, которые, кроме того, еще (воздерживаются от мяса), коз, овец, быков и рыб, Пифагор не ел бобов, а его ученики - ничего одушевленного. Древнее население Колхиды на Кавказском побережье Черного моря. Не похоже что-то также, чтобы евреи пользовались хорошей славой у бога и его любовью предпочтительно перед прочими и чтобы он только им посылал своих вестников свыше, как если б они в самом деле получили в удел страну обетованную: мы ведь видим, какой славы достигли они сами и их страна.

Итак, прочь этот хор, понесший наказание за свое чванство! Они не знают великого бога, а соблазнены и обмануты волшебством Моисея и с недоброй целью стали его учениками (V, 41). Пусть выйдет (на сцену) другой (хор); я спрошу их, откуда они явились и какой у них есть основоположник их отечественных законов; они никого не сумеют назвать, ведь они вышли оттуда же, и сами они выводят оттуда же своего учителя и хормейстера; и все же они отпали от иудеев (V, 33). Ориген в конце гл. 33 признает, что, цитируя это место, забежал вперед; и по смыслу очевидно, что оно помещалось у Цельса после V, 41 ("другой хор"). Оставим, однако, в стороне все, в чем можно их уличить касательно их учителя; допустим, что то был действительно какой-то вестник (неба); (так вот), явился ли он первым и один, или и до него (являлись) другие? Если б они ответили, что только он явился, то они были бы обличены во лжи и в противоречии с самими собой:

ведь они часто говорят, что и другие являлись, притом сразу шестьдесят или семьдесят, и что они совратились и наказаны тем, что подвергнуты заключению под землей, поэтому подземные источники - их слезы. О наказании ангелов заключением под землей сообщается в книге Еноха (10). Далее, к гробу этого самого (Христа) явились ангелы - по словам одних, один, по словам других, два, - которые возвестили женщинам, что он воскрес. Очевидно, сын божий не мог сам открыть гроб и нуждался в том, чтобы кто-то другой отвалил камень. Кроме того, и насчет беременности Марии явился к плотнику ангел, а другой - насчет бегства для спасения младенца. Но стоит ли подробно все излагать и перечислять всех (ангелов), которые якобы были посланы к Моисею и другим? Итак, если были посланы и другие, то очевидно, что и этот - от того же бога. Ну, надо полагать, его миссия была более серьезной ввиду того, что иудеи то ли сбились с пути, то ли извратили благочестие, то ли творили нечестивое; на это, по крайней мере, намекают (христиане) (V, 52). Итак, не о нем одном сообщается, что он явился роду человеческому; даже те, которые на основании учения Иисуса отказались от демиурга, как низшего (божества), и примкнули, как к некоему более сильному, к богу и отцу явившегося, говорят, что и до него от творца являлись некие (посланники) роду человеческому (V, 54). Демиург (собственно ремесленник) - в богословии неоплатоников и гностиков низшее божество, сотворившее мир материальный, несовершенный, нечистый, грязный. Таким образом, согласно этой богословской теории, "всеблагой бог" непричастен к злу; оно - дело рук его помощника. Однако некоторые гностики допускали в этом вопросе кое-какие варианты, признавая, что мир сотворен не демиургом, а низшими ангелами: так учили, например, капокпатриане (Ириней).

Итак, у них и у иудеев один и тот же бог. Во всяком случае, (христиане, принадлежащие к) главной церкви, открыто признают это, а также принимают за истину принятую у евреев космогонию, в частности насчет шести дней (творения) и седьмого дня, в который бог, отдохнув, ушел на свой наблюдательный пункт. Они называют первым человеком того же, что и иудеи, и точно также включают его потомство в свои генеалогии; (они рассказывают) о тех же кознях братьев друг против друга, что и иудеи, те же истории о переселении в Египет и о бегстве оттуда (V, 59).

Пусть не думают, будто я не знаю, что некоторые из них признают того же бога, что иудеи, другие же - другого, противостоящего этому, от которого и произошел сын. Ириней: "Некто Кердон... учил, что бог, проповеданный

Античные критики христианства А. Б. Ранович filosoff.org законом и пророками, не есть отец господа нашего Иисуса Христа". Он же. (I, 7, 2): "Некоторые из них (валентиниане) говорят, что демиург также произвел Христа". Есть и третий род, называющий одних пневматиками, других психиками. Представление о ряде промежуточных звеньев между высшим абстрактным богом и "низшей" материей господствовало в идеалистической философии и богословии того времени; в частности, различали в человеке ряд различных духовных сущностей, более или менее близких к божеству; весьма распространено было деление людей на обладателей духа (*pneuma*) и животной души (*psyche*); только первые, "пневматики" ("духовные" люди), способны познать бога; это деление встречается не только у "еретиков"-гностиков (например, валентиниан:

Ириней. I, 7, 2), но и в посланиях апостола Павла, где дано деление на пневматиков (духовных), психиков (душевных) и соматиков (плотских) - см. 1 Кор., 2:13-3:3. Некоторые объявляют себя гностиками, некоторые, признавая Иисуса, желают вместе с тем жить по закону иудеев, как масса иудеев. Есть также сивиллисты (V, 61). Сивилла - мифическая пророчица (Варрон насчитывал 10 сивилл), под именем которой обращались книги оракулов, пользовавшихся большим авторитетом в Риме, где в особо важных случаях искали в "сивиллиных книгах" указания. Евреи и христиане для целей своей пропаганды фабриковали (на греческом языке) еврейские и христианские "Сивиллины". Сохранилось 14 книг этих оракулов. Я знаю также симониан, которые называются еленианами как почитатели Елены или учителя Елена, - марцеллиан - почитателей Марцеллины, - гарпократиан, последователей Саломеи, последователей Мариамны, Марты, маркионитов, во главе которых стоит Маркион (V, 62). О Симоне и Елене см.: Ириней. I, 23, I-3: о Карпократе (Цельс спутал его с Гарпократом) и Марцеллине - Ириней. I, 25: о последователях Мариамны и Марты точных сведений нет. Маркион - выдающийся представитель гностицизма (середина II в.); считая библейского бога богом зла, он выводил Иисуса от другого, высшего бога. Маркион с этой точки зрения переработал новозаветные книги, устранив все относящееся к Ветхому завету. Тертуллиан посвятил опровержению Маркиона целую книгу. Каждый из них (почитает) другого учителя и демона, жестоко обманываясь и блуждая в глубокой тьме более незаконно и гнусно, чем последователи культа Антиноя в Египте. Они злословят друг против друга ужаснейшим образом, (изрыгая) явные и тайные (проклятия), они ни по одному пункту не могут прийти к соглашению, они во всем гнушаются друг друга, (они называют других) цирцеями и оболстительными мятежниками (V, 63), ожогом слуха, загадками, обманщицами-сиренами, издевающимися и затыкающими уши у тех, кто их слушает, и награждающими их свиной головой. Цирцея и сирены - мифические существа греческого эпоса;

Цирцея, по Гомеру, превратила спутников Одиссея в свиней, сирены своим очаровательным пением заманивали неосторожных путников на опасные рифы. Своеобразные непонятные бранные выражения - в духе туманного мистического богословия гностиков. От всех этих до такой степени расходящихся между собою (сект), позорнейшим образом изобличающих себя самих в спорах, можно слышать: "Для меня мир распят, и я для мира" (V, 64). (Гал., 6:14) Христиане, расходясь между собою в учении, говорят, что они знают больше, чем иудеи.

Часть 3.

КРИТИКА ОТДЕЛЬНЫХ ДОГМАТОВ ХРИСТИАНСТВА.

Ну, если у них нет никакого источника их учения, давайте исследуем само учение; при этом прежде всего надо изложить то, что они, плохо восприняв от других, извратили по невежеству, проявив с самого начала сразу неприличную смелость насчет предмета, которого не знают (V, 65). У эллинов это сказано лучше, без напыщенности и без возвещения якобы от бога или сына божьего (VI, I).

Итак, пусть древние мудрецы разъяснят ищущим знания, пусть выскажется Платон, сын Аристана, насчет высшего блага и пусть скажет в одном из своих писем, что высшее благо отнюдь не "поддается определению" (*rhe ton*), но возникает "при частом общении" (людей между собою); оно "внезапно возгоревшийся в душе свет как бы от взвизгнувшего пламени" (VI, 3). Цельс цитирует здесь и далее ложно приписываемое Платону письмо VII к Диону, зятю сиракузского тирана Дионисия. (Далее Платон в письме пишет): "Если бы я думал, что это можно достаточно ясно изложить письменно или устно для многих, то что лучшее мы могли бы совершить в жизни, чем написать столь

Античные критики христианства А. Б. Ранович filosoff.org полезное для людей и вывести природу на свет для всех?" (VI, 6). (Но христиане), плохо поняв Платона, (перенесли это учение на бога). (Платон не требует, чтобы ему тотчас поверили): "пользуясь вопросами и ответами", он просвещает разум у последователей его философии (VI, 7). В своих диалогах Платон применяет так называемый сократовский метод изложения: путем ряда наводящих вопросов ведущий собеседник приводит слушателя к признанию того или иного положения. (В ряде мест Платон отмечает, что) благо познаваемо "для немногих", что многие, преисполненные "неправильного презрения", "гордой, обольстительной надежды", называют некоторые вещи истинными, как знающие якобы "кое-что возвышенное". Но после такого заявления Платон, однако, (никого) не морочит, не заграждает уст желающему высказаться о том, что представляет собою предлагаемое ему (учение); он не требует, чтобы ему сейчас же поверили, что это-де бог, а это его сын, который спустился (с неба) и беседовал со мной (VI, 8). Далее Платон пишет: "У меня есть намерение сказать об этом подробнее; возможно, что, когда я это сделаю, сразу яснее станет то, о чем я говорю. Есть действительная причина, препятствующая дерзнувшему писать о чем-либо из этих предметов; я и раньше не раз о ней говорил, и теперь, кажется, надо (опять о ней) сказать: есть у всего сущего три вещи, при помощи которых осуществляется познание, четвертое-само (знание), а пятым надо считать то, что познаваемо и истинно; из них первое - имя, второе - определение, третье - образ, четвертое знание" (VI, 9).

Как видишь, Платон, хотя он и уверял, что оно "неизреченно", однако, чтоб не получилось впечатления, будто он ищет убежища в невыразимом, приводит обоснование этого затруднения, а то и "ничто" могло бы оказаться "выразимым". Платон не хвастает и не утверждает лживо, будто он открыл что-то новое или явился с неба возвещать (что-либо), а указывает, откуда (берет) это. (А христиане) говорят: поверь, что тот, кого мы тебе представляем, - сын божий, хотя бы он был самым унижительным образом связан и подвергнут позорнейшей пытке, хотя бы он совсем недавно на глазах всех бродяжил самым постыдным образом; (мало того, говорят они), именно потому ты должен сильнее уверовать (VI, 10). Но если каждый будет вводить своего (бога) и у всех будет наготове общая (формула): "Уверуй, если хочешь спастись, или отыди", то что остается делать действительно желающим спастись? Бросать кости, (что ли), и гадать, куда обратиться и к кому пристать (VI, 11)?

(Чтоб оправдать свое неумение доказать свои положения разумными доводами), они говорят, что мудрость в людях есть безумие перед богом. Причину этого я уже раньше указал - (желание) привлечь к себе одних лишь необразованных людей и малолетних. Но я докажу, что и это выдуманно и заимствовано у эллинских мудрецов. (Так), Гераклит говорил: "Существо человеческое не обладает познанием, а божественное обладает"; (в другом месте он говорит): "Глупым человек слывет у демона, как ребенок у мужа", и в платоновской "Апологии Сократа" (мы читаем): "Я, афиняне, приобрел это имя не чем другим, как мудростью; но какой же мудростью? Эти отрывки из Гераклита известны только по этой цитате. Такой, которая является, может быть, человеческой мудростью; и, по-видимому, я в самом деле мудр такой мудростью" (VI, 12). (Таким образом, учение о двух мудростях) божественной и человеческой - (учение древнее) и восходит к Гераклиту и Платону (но, в то время как даже Платон считал себя мудрым только человеческой мудростью, христиане) излагают божественную мудрость самым необразованным, рабам или самым невежественным людям (VI, 13). Будучи шарлатанами, они убегают без оглядки от людей более понятливых, не поддающихся обману и уловляют в свои сети простаков (VI, 14).

Их смиренномудрие - (результат) неправильного понимания мысли Платона, который говорит в одном месте в "Законах": "Бог, согласно древнему преданию, заключающая в себе начало, конец и середину всего сущего, действует прямо, идя по пути (указываемому его) природой; за ним всегда следует справедливость, наказывающая нарушителей божественного закона; кто хочет быть счастливым, следует за ней смиренно и скромно". (А у христиан) смиренный смиряется безобразно и на беду себе, повергшись наземь, бросившись на колени и ниц, облачившись в жалкую одежду и посыпав (главу) пеплом (VI, 15).

Изречение Иисуса о богатых, гласящее: "Легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, чем богатому в царство небесное", прямо сказано у Платона; Иисус искажил слова Платона, сказавшего, что "невозможно быть особенно хорошим и одновременно исключительно богатым" (VI, 16). О царстве божием

Античные критики христианства А. Б. Ранович filosoff.org (тоже) божественно сказано у Платона в письмах и в "Федре", (а у христиан это изложено неубедительно) (VI, 17). "Вокруг царя вселенной (говорит Платон) собрано все, ради него существует все, он - источник всего прекрасного; второе (стягивается) ко второму, третье - к третьему. И вот человеческая душа стремится изучить эти принципы, созерцая то, что сродно ей; но ничего из этого она не постигает вполне. Что касается царя и тех вещей, о которых я говорил, с ними ничто не сравнится" (VI, 18).

Некоторые христиане, не поняв высказываний Платона, хвастают своим возвышающимся над небесами богом, перешагнув еще выше неба иудеев. (У Платона мы читаем) в "Федре": "Ни один земной поэт не воспел и не сумеет достойно воспеть наднебесное пространство", (и далее): "Истинно существующая сущность, не имеющая ни цвета, ни образа, неосязаемая, доступна только руководителю души; вокруг этой сущности имеет свое место истинный вид знания" (VI, 19).

(Они говорят) о семи небесах; (и здесь они напутали, прочитав, что), по словам Платона, путь душ на землю и с земли лежит через планеты (VI, 21). На это же намекает учение персов и мистерия Митры, имеющаяся у них. В этой мистерии дается символ двоякого движения в небе - движения неподвижных звезд и планет и прохождения душ через них. А символ этот таков: семивратная лестница и над ней восьмые ворота. Первые ворота из свинца, вторые из олова, третьи из меди, четвертые из железа, пятые из смешанного металла, шестые из серебра, а седьмые из золота. Первые (ворота) они посвящают Кроносу, видя в свинце признак медлительности этого светила, вторые - Афродите, сравнивая с ней блеск и мягкость олова, третьи "с медным порогом", крепкие - Зевсу, четвертые - Гермесу, так как и железо и Гермес выносят всякую работу, деятельны и работоспособны, пятые, неровные и переменные вследствие смешения, - Аресу, шестые, серебряные, - Луне, седьмые, золотые, - Солнцу, которое они напоминают цветом. Планеты названы греческими именами: Кронос - Сатурн, Афродита - Венера, Зевс - Юпитер, Гермес Меркурий, Арес - Марс. (Причина) такого расположения планет - в том, что оно выражается символически в наименованиях прочей материи и что персидская теология (оперирует с) музыкальными понятиями (VI, 22). (На этом основании христиане преподносят) интересующимся глупым слушателям и рабам (учение) о семи небесах, заимствованное у персов или у кабиров (VI, 23).

Если бы кто захотел исследовать одновременно некую христианскую мистику и мистику персов, сопоставив их между собой и раскрыв (тайнства) христиан, он бы увидел, в чем между ними разница. (У христиан есть) вычерченная фигура (VI, 24), на которой нанесены круги - десять отделенных друг от друга и заключенных в один круг. Диаграмма разделена жирной чертой, и это они называют Гееной, то есть Тартаром (VI, 25). (Далее они говорят о какой-то) печати, что наложивший ее называется отцом, а запечатываемый называется молодым и сыном и восклицает: "Я помазан светлым елеем от древа жизни". Те, кто сообщают об этой печати, называют также семь ангелов, стоящих с обеих сторон над душой человека, расстающейся с телом; одни из них - ангелы света, другие - так называемые архонтические; властитель так называемых архонтических именуется проклятым богом; проклятым они называют бога иудеев, того, кто вызывает дождь и гром, творца этого мира, бога Моисея и его мироздания (VI, 27)! Архонт (властитель) должностное лицо в Афинах; в гностической мистике архонты - промежуточные демонические силы. Цельс излагает здесь и дальше главным образом учение офитов (наасеян). Ориген отрешивается от этого, говоря, что нельзя винить Платона за безбожие Эпикура. Он достоин проклятия с точки зрения тех, кто составил себе о нем суждение, ведь он проклял змея за то, что тот дал первым людям познание добра и зла (VI, 28). Что может быть глупее и нелепее этого бессмысленного учения? В чем провинился законодатель иудеев? И как это ты принимаешь для себя в виде какой-то типической аллегории, как ты выражаешься, его космогонию или закон иудеев, а (вместе с тем) не хочешь, о нечестивец, славить творца мира, все обещавшего им, возвестившего, что он умножит род их до пределов земли и воскресит их здесь во плоти и крови, вдохновившего пророков? Напротив, ты его хулишь. Когда (иудеи) на тебя оказывают давление, ты признаешь, что почитаешь того же бога, (что и они); а поскольку твой учитель Иисус (проповедует нечто), противоречащее законодателью иудеев Моисею, ты ищешь другого бога вместо этого и вместо отца (VI, 29).

Христиане называют семь архонтов демонов; первый имеет вид льва, второй - быка; третий - какая-то амфибия, грозно шипящая; у четвертого вид орла; пятый имеет лицо медведя; о шестом у них рассказывают, что у него

Античные критики христианства А. Б. Ранович filosoff.org внешность собаки; седьмой имеет ослиную голову и называется Тафабоот, или Оноил (VI, 30)... Onos - по-гречески "осел". Ориген подтверждает существование у офитов этих 7 архонтов, которых он называет по именам: Михаил, Суррил, Рафаил, Гавриил, Тавтабоот (Thauthaboot), Эратаот, Тафабаот, или Оноил. Некоторые принимают архонтические образы так, что одни становятся львами, другие быками, третьи драконами, орлами, медведями или собаками. На диаграмме (у них изображена какая-то) четырехугольная фигура... врата рая... древо познания и жизни (VI, 33). Другие еще нагромождают одно на другое речения пророков, круги на круги, эманации земной церкви и обрезания, силу, истекающую из некоей девы. Пруники, живую душу, небо, которое закалывают, чтобы оно жило, землю, пронзаемую мечом, многих, отдаваемых на заклатие, чтобы они жили, прекращение смерти в мире, когда отомрет грех мира, узкий путь вниз, самоотворяющиеся врата; и всюду там (фигурирует) древо жизни и воскресение плоти благодаря древу; это, я думаю, потому, что их учитель был пригвожден к кресту и был плотник по ремеслу, так что если бы его случайно сбросили со скалы, или столкнули в пропасть, или удавили веревкой и если б он был сапожником, или каменщиком, или кузнецом, то у них была бы в небесах скала жизни, пропасть воскресения, веревка бессмертия, блаженный камень, железо любви или священная подошва. Да ведь старая баба, напевающая сказки, убаюкивая ребенка, постыдилась бы нашептывать подобные (глупости) (VI, 34)!

Особенно удивительно у них следующее: они толкуют про какие-то надписи между небесными верхними кругами, особенно же какие-то - "большую и меньшую", "сына и отца"; они обещают какое-то магическое волшебство, и это для них верх мудрости (VI, 38). Они пользуются магией и волшебством, называя какие-то варварские имена демонов; они поступают так же, как и те, кто на тех же основаниях морочат людей, не знающих, что имена (богов) звучат по-разному у эллинов и у скифов. Знание тайного имени демона дает, по мнению магов, особую власть над ним; в качестве тайных имен маги охотно применяли причудливые еврейские и египетские словосочетания. Так, по Геродоту, скифы называют Аполлона Гонгосиром, Посейдона - Тагимасой, Афродиту - Аргимпасой, Гестию - Табити. (Геродот. IV, 59)

Стоит ли мне перечислять всех тех, которые заповедали очистительные обряды, гимны, искупления, заговоры, биение себя в грудь, ряжение в демонов, разнообразные амулеты в виде одеяний, чисел, камней, растений, корней и вообще самых разнообразных предметов (VI, 39)? У некоторых пресвитеров я видел варварские книги, содержащие имена демонов и волшебные средства; они ничего хорошего не обещают, а все - во вред людям (VI, 40). Некий египетский музыкант Дионисий, с которым мне случилось встретиться, сказал мне относительно магии, что она действительна лишь по отношению к необразованным и развращенным людям, а на людей, занимавшихся философией, она никакого действия произвести не в состоянии, так как они своевременно позаботились (создать себе) здоровый образ жизни (VI, 41). Они самым нечестивым образом заблуждаются и проявляют следующее величайшее невежество, тоже в результате искажения божественных загадок: они выдвигают некоего противника богу, называя его дьяволом, а на еврейском языке сатаной. Вообще все это - темные представления, и отнюдь не является признаком святости утверждение, что в самом деле величайший бог, желая чем-либо быть полезным людям, наталкивается на супостата и оказывается бессильным. Сын божий терпит поражение от дьявола, и, наказываемый им, он учит и нас презирать исходящие от него напасти, предсказывает, что сатана тоже явится подобным образом, явит великие и дивные дела, присваивая себе славу божью; но те, кто пожелал обратиться к (сыну божьему), не должны поддаваться всему этому, а верить только ему (Иисусу). Это как раз (манера) человека недобросовестного, который ищет своей корысти и заранее принимает меры против сторонников противоположного мнения и организаторов противоположной группы.

(Как я уже говорил, христианское учение) о сатане (результат) непонимания загадок, (имеющихся в творениях древних поэтов и философов). Древние намекают на некую божественную борьбу: в частности, Гераклит говорит так: "Надо знать, что существует всеобщая война, что справедливость - раздор, что все возникает и проходит в силу раздора". А Ферекид, который жил гораздо раньше Гераклита, изложил миф, в котором одно воинство противопоставляется другому; одним предводительствует Кронос, другим Офионей; он рассказывает об их вызовах и битвах, о том, что между ними существует уговор, что та сторона, которая будет ввергнута в Океан, (океан) считается побежденной, а те, кто их низверг и победил, получают во владение небо. Тот же смысл имеют и мистерии, относящиеся к титанам и гигантам,

Античные критики христианства А. Б. Ранович filosoff.org объявляющим войну богам, и существующие у египтян (мифы) о Тифоне, Горе и Осирисе. Титаны – в греческой мифологии древние боги, дети Урана (Неба) и Геи (Земли), которых владыка нового поколения богов, Зевс, усмирил и низвергнул в Тартар. Гиганты, тоже сыны Геи, вели, согласно греческой мифологии, борьбу с олимпийскими богами, но были побеждены. Тифон греческое наименование египетского бога тьмы Сета, ведущего, согласно египетской мифологии, постоянную борьбу со своим братом, светлым богом Осирисом, и его сыном Гором. Но это совсем не то, что (христиане рассказывают) о дьяволе, или, вернее, о человеке-обманщике, выступающем с соперничающим учением. И Гомер, подобно Гераклиту, Ферекиду и последователям мистерий о титанах и гигантах, намекает на это в следующих словах, обращенных Гефестом к Гере:

Он уже древле меня, побужденного сердцем на помощь, Ринул, за ногу схватив, и низвергнул с небесного Прага.

А в речи Зевса, обращенной к Гере, (мы читаем) так:

Или забыла, как с неба висела? Как две навязал я

На ноги наковальни, а на руки набросил златую

Верьь неразрывную? Ты средь эфира и облаков черных

С неба висела; скорбели бессмертные все на Олимпе;

Но свободить не могли, приступая; кого ни постиг я,

С Праганебесного махом свергал, и слетал он на землю,

Только что дышащий.

Илиада.

Обращение Зевса к Гере – это речь бога, обращенная к материи; речь к материи намекает на то, что бог овладел этой материей, бывшей вначале беспорядочной, связанной ее законами и привел в порядок; а находившихся вокруг нее демонов, поскольку они были необузданны, он наказал и низринул по пути вниз. Понимая именно в таком смысле эти стихи Гомера, Ферекид сказал: "Под той областью находится область Тартара; ее охраняют дочери Борея – Гарпии и Тиелла, и Зевс туда низвергает погрешающих дерзостью". С этими представлениями связаны также и (изображения на) одеянии Афины (на статуе), которую все видят во время процессии при панафинеях; оно указывает, что некая не имеющая матери и девственная богиня побеждает дерзновенных сынов земли. Во время праздника панафинеи в честь покровительницы Афин богини Афины ей подносили шерстяное одеяние древнего покроя (пеплос), на котором изображали сцены из борьбы с гигантами. (А христиане, наоборот, говорят, что сын божий наказан дьяволом и что он учит проявлять стойкость, когда (дьявол) будет их тоже наказывать; а ведь это совершенно нелепо: я думаю, надо было, чтобы наказан был дьявол, а не угрожать людям, подвергшимся его козням (VI, 46).

А откуда явилась у них (мысль) называть сына божьего, я поясню: древние объявили этот мир как происшедший от бога сыном его и юношей; мир, во всяком случае, в такой же мере сын божий, как и (Иисус) (VI, 47). Платон; в том же роде высказывается Филон.

Космогония христиан воистину совершенно нелепа; совершенно нелепо также их писание о происхождении людей, о сотворении человека "по образу божью", о том, как бог насадил "рай", как там проходила жизнь человека и о приключившейся беде, когда он за грех был изгнан и переселен "напротив сада наслаждений". Моисей все это написал, ничего не сообразив, делая нечто подобное тому, что в шутку написали поэты древней комедии:

Пройт женился на Беллерофонте, а Пегас был из Аркадии (VI, 49). Согласно мифу о Беллерофонте у Гомера (Илиада. VI, 155 сл.), Антея, любовь которой Беллерофонт отверг, подговорила своего мужа Пройта погубить Беллерофонта. Пегас – чудесный крылатый конь, на котором Беллерофонт совершил подвиг победы над чудовищем Химерой. Цельс здесь намекает, по-видимому, на не дошедшую до нас комедию, в которой выведен невежда, путающий всем известные мифы.

У некоторых из древних сказано (многое) о сотворении мира и земли (на

Античные критики христианства А. Б. Ранович filosoff.org основании глубокого понимания природы вещей); а Моисей и пророки, оставившие (христианам свои) писания, не зная, какова природа мира и человека, сочинили грубую нелепость; (начать с того, что Моисей считает, что мир сотворен богом, но не может указать, из чего). Гораздо нелепее, что он уделил на сотворение мира несколько дней, когда дней еще не было. Ведь когда не было неба, еще не была утверждена земля и солнце еще не обращалось, - откуда взялись дни? (VI, 50, 60). Ориген сам указывает, что это место (VI, 60) было изложено Цельсом "выше", поэтому правильно будет поместить это непосредственно после VI, 50. (А что означает "да будет свет", и к кому обращен этот призыв?) Ведь не занял же творец свет сверху, как человек, зажигающий светильник у соседей? А если творивший это был противник великого бога, проклятый бог, действующий наперекор его решению, то зачем тот стал бы давать ему займы свет (VI, 51)?

Я пока ничего не говорю о сотворении и гибели мира - ни того, что он не сотворен и вечен, ни что он сотворен, но неразрушим, ни наоборот. (Но откуда у них) взялся дух божий как нечто чуждое этому миру - "дух божий витал над землей" - (и как это случилось, что) какой-то другой демиург помимо великого бога замыслил злое против духа его, причем всевышний бог стерпел, (тогда как) требовалось низвержение (его)? В данном случае Цельс полемизирует не только против книги Бытие, но и против гностических сект, считавших, что материальный мир создан не верховным богом, а демиургом. (И вот) великий бог, уделив демиургу от духа, требует его обратно. Но какой же бог дает что-либо с тем, чтоб требовать это обратно? Ведь обратно требует тот, кто нуждается, а бог ни в чем не нуждается. И почему он проглядел злого демиурга, противодействующего ему (VI, 52)? (А когда он прозрел и убедился в кознях демиурга), почему он посылает тайком погубить его творения? Почему он вторгается тайно, обманывает и вводит в заблуждение? Почему он заманивает осужденных и проклятых, по вашим словам, демиургом и тайно уводит их, как какой-нибудь похититель рабов? Почему он выдает себя за отца чужих (детей)? Хорош бог, который стремится быть отцом (людей), осужденных другим (богом), грешников, обездоленных и, как они сами говорят, - подонков и который не в силах наказать своего посланца, уличенного в том, что незаметно от него отходит! (Вы скажете, что не считаете) мир творением другого бога. Но если все это-творение самого (бога), то как же это бог творит зло? Как это он не в состоянии убедить и вразумить? Как это случилось, что, когда люди оказались неблагодарными и дурными, он испытывал раскаяние, осудил и возненавидел свое собственное искусство? Как это он угрожает и губит своих собственных потомков? И куда он их уводит с этого мира, который он сам сотворил? (VI, 53).

Возвращаясь к началу, как можно не считать нелепым первого и величайшего бога, который приказывает:

"Да будет то, да будет другое или это", который работает один день столько-то, на другой день на столько-то больше, затем на третий, на четвертый, пятый, шестой день (VI, 60)? и после этого, прямо-таки как жалкий ремесленник, он устает и нуждается для отдыха в праздности (VI, 61)!

(Вообще, они рисуют себе бога по своему подобию. Но) у бога нет ни уст, ни голоса; у него нет и ничего другого из того, что нам знакомо (VI, 62). И (бог) не создал человека по подобию своему, ибо бог не таков и нисколько не похож ни на какой образ (VI, 63). Он не имеет фигуры или цвета, он не участвует в движении и в сущности (VI, 64). От него все исходит, а он ни из чего; бог недоступен слову... его нельзя обозначить именем... он не обладает никаким свойством, которое может быть охвачено названием; он вне всякого восприятия (VI, 65).

"Но (скажут мне), как же мне познать бога? и как я узнаю путь к нему? Ведь ты расстилаешь тьму перед глазами, и я ничего отчетливо не вижу". (Тьма у тебя не оттого, что я закрываю от тебя свет; напротив), когда кто выводит людей из тьмы на яркий свет, они не могут вынести блеска, зрение у них поражается и портится, и они думают, что слепнут (VI, 66). (А вы, считаящие, что видите свет), как вы думаете познать бога и спастись благодаря ему (VI, 68)? (Вы говорите): "Так как бог велик и непостижим, он вдохнул свой дух в тело, подобное нам, и послал его сюда (к нам), чтоб мы могли слушать его и у него поучаться" (VI, 69). Говоря о духе божьем, христиане ничем не отличаются от греческих стоиков, утверждающих, что бог дух, все проникающий и все объемлющий в себе (VI, 71). Но если сын-исходящий от бога дух, родившийся в человеческом теле, то сам сын божий

Античные критики христианства А. Б. Ранович filosoff.org не может быть бессмертным; ибо не таково свойство духа, чтоб пребывать вечно; (некоторые из христиан даже считают), что не бог-дух, а (лишь) сын его. (Как бы то ни было), дух должен был вдохнуть бог;

но отсюда следует, что Иисус не мог воскреснуть во плоти; ибо бог не стал бы принимать обратно дух, который он дал, после того как его осквернила природа тела (VI, 77). (И опять-таки выступает нелепость рождения

Иисуса от девы); если (бог) хотел отправить (на землю) дух от себя, зачем ему надо было вдуть его в чрево женщины? Ведь мог же он, имея уже опыт в сотворении людей, и этому создать (готовое) тело, а не заключать свой дух в такую нечисть; в этом случае, если бы (Иисус) был прямо создан свыше, он не вызвал бы к себе такого недоверия (VI, 73).

Маркион и его последователи, (признавая, что Иисус сразу появился с неба в качестве сына благого бога, противостоящего злему демиургу), свободны от некоторых обвинений, но под некоторые они подпадают. (В самом деле, с точки зрения Маркиона, отвергающего пророков и пророчества о Христе), как можно доказать, что претерпевший такую казнь - сын божий, раз это не было предсказано? (далее, если собрать высказывания христиан, получается, что) было два сына божиих - один от демиурга, другой - от маркионовского бога. (Эти двое спорят между собой, и) их единоборство, как и борьба богов-отцов, это как бы борьба перепелов; что же, сами (боги), обессилев от старости и способные лишь на болтовню, уже не (в силах) управиться друг с другом и предоставляют своим сыновьям сражаться (VI, 74)? Перепел считался драчливой птицей (Аристотель).

Раз в теле (Иисуса) был дух божий, то оно должно было бы резко отличаться от других ростом, красотой, силой, голосом, способностью поражать или убеждать;

ведь невозможно, чтобы нечто, в чем заключено больше божественного, ничем не отличалось от другого; а между тем (тело Иисуса) ничем не отличалось от других и, как говорят, не выделялось ростом, красотой, стройностью (VI, 75).

далее, если в самом деле бог, как Зевс в комедии, проснувшись от долгого сна, захотел спасти род человеческий от зол, почему же это он послал свой дух, о котором вы говорите, в один уголок (земли)? Ему следовало таким же образом надуть много тел и разослать их по всей земле. Цельс, очевидно, иронизирует над библейским "вдунул в лице его дыхание жизни". Но автор театральной комедии в шутку написал, что Зевс, проснувшись, послал афинянам и македонянам Гермеса; не думаешь ли ты, что ты сочинил нечто более смешное - посылку сына божьего к иудеям (VI, 78)? Эта комедия и ее автор нам неизвестны. (Ведь были другие народы, более достойные внимания бога), боговдохновенные народы халдеев, египтян, персов, индусов, (тогда как) евреи - (жалкий народ), которому предстоит вскоре погибнуть (VI, 80). (И как это) всеведущий бог не знал, что посылает сына к дурным людям, которые согрешат и казнят его? (На это у них один ответ): "Все предсказано" (пророками) (VI, 81).

Итак, посмотрим, каким путем они придумают себе оправдание; те, которые вводят другого бога, (не найдут) никакого (оправдания), а (признающие) того же (бога) опять скажут то же самое, то же поистине мудрое (положение), что, мол, так должно было случиться; доказательство - это давно предсказано (VII, 2). (Но странное дело): предсказания Пифии, додонидов, или (Аполлония) Клария и Бранхидов, или в храме Амона, предсказания множества других провидцев, которыми кишит, по-видимому, любая страна, они ни во что не ставят. Пифия - жрица, пророчествовавшая в центральном святилище Аполлона в Дельфах; дельфийский оракул пользовался у эллинов огромным авторитетом. Другим знаменитым святилищем, где давались оракулы вопрошающим, был храм Зевса в Додоне, в Эпире. Оракул Аполлония Клария находился также в Малой Азии, близ г. Колофона;

возле Милета в Дидиме был еще храм Аполлона, где давались оракулы; этим храмом ведали Бранхиды, аристократический род, который вел свою родословную от мифического провидца Бранха. А все, что сказано или не сказано в Иудее по их способу, как это еще теперь обычно в Финикии и в Палестине, - это у них считается чудесным и непреложным (VII, 3). Я мог бы рассказать о способе прорицания в Финикии и Палестине, который мне приходилось слышать и который я изучил. Есть много видов пророчества; наиболее совершенный - у

Античные критики христианства А. Б. Ранович filosoff.org здешних людей. Многие безвестные личности в храмах и вне храмов, некоторые даже нищенствующие, бродящие по городам и лагерям, очень легко, когда представляется случай, начинают держать себя, как прорицатели. Каждому удобно и привычно заявлять: "Я - бог, или дух божий, или сын божий. Я явился. Мир погибает, и вы, люди, гибнете за грехи. Я хочу вас спасти. И вы скоро увидите меня возвращающимся с силой небесной. Блажен, кто теперь меня почитит; на всех же прочих, на их города и земли я пошлю вечный огонь, и люди, не сознающие своих грехов, тщетно будут каяться и стенать; а, кто послушался меня, тем я дарую вечное спасение". К этим угрозам они вслед за тем прибавляют непонятные, полусумасшедшие, совершенно невнятные речи, смысла которых ни один здравомыслящий человек не откроет; они сбивчивы и пусты, но дураку или шарлатану они дают повод использовать сказанное, в каком направлении ему будет угодно (VII, 9). Эти "подлинные" пророки, которых мне приходилось слушать, уличенные мною, сознались, чего они домогаются, и (признали), что выдумывают свои бессвязные речи (VII, II).

Те, которые ссылками на пророков оправдывают обстоятельства, касающиеся Христа, ничего путного не могут сказать, когда какое-нибудь высказывание о божественном кажется дурным, постыдным, нечистым или мерзким (VII, 12). Ведь бог не творит и не высказывает ничего позорного и не способствует злу; а чем иным было для бога вкушение мяса ягненка или питье из желчи и уксуса, как не поеданием навоза (VII, 13)? Что же, если пророки предскажут, что великий бог, - уж не буду говорить о более обидных вещах, будет рабом, или заболит, или умрет, то раз это предсказано, богу придется умереть, или быть рабом, или болеть, для того чтобы своей смертью внушить веру, что он бог? Но пророки не стали бы предсказывать что-либо подобное: это было бы дурно и нечестиво. Поэтому надо исследовать не то, предсказали ли (пророки) или не предсказали, а достойно ли это бога и хорошо ли. Дурному и постыдному не следует верить, даже если бы все люди пришли в экстаз и казались пророчесствующими. Как же может быть свято то, что совершено в отношении (Иисуса) как бога (VII, 14)?

(О боге можно напророчествовать самые неприличные вещи, но неужели же), если такие пророчества были о боге вселенной, то на том основании, что это было предсказано, нужно верить таким вещам насчет бога (VII, 15)?

Не поразмыслят ли (христиане) еще раз о следующем: если пророки иудеев предсказали, что этот будет его сыном, как же это (случилось, что) тот через Моисея предписывает наживать богатство, приобретает власть и населять землю, убивать врагов в расцвете силы, уничтожать их целыми племенами, да и сам, по словам Моисея, совершает такие (подвиги) на глазах у иудеев и к тому же определенно грозит евреям, что, если они его не послушаются, он с ними поступит, как с врагами; между тем сын его, "назорей", учит наоборот, что для богача, властолюбца, стремящегося к мудрости или славе, нет доступа к отцу, что о хлебе или о житницах надо заботиться не больше, чем вороны, а об одежде меньше, чем лилии, что ударившему раз надо предоставить ударить второй раз? Кто лжет - Моисей или Иисус? Или отец, посылая последнего, забыл, что он предписал Моисею? Или, осудив свои собственные законы, он изменил свое мнение и послал вестника для (проповеди) противоположных (заповедей) (VII, 18)?.. Они говорят, что бог обладает телесной природой, и даже именно человекообразным телом (VII, 27)... (Если спросить их), куда они идут, на что надеются, (они ответят): "В другую страну, лучше этой". Боговдохновенные древние люди рассказывали о блаженной жизни для блаженных душ; одни называли (место пребывания блаженных) островами блаженных, другие - елисейскими полями, так как (они сулят) освобождение от всех зол; так и Гомер говорит:

Ты за пределы земли, на поля елисейские будешь

Послан богами...

Где пробегают светло беспечальные дни...

Одиссея.

А Платон, считая душу бессмертной, назвал эту страну, куда она направляется, как раз землей; именно, он говорит: "Она очень велика, мы населяем незначительный какой-то участок от Геркулесовых столбов до Фасиды вокруг моря, как муравьи или лягушки вокруг болота;

многие другие живут во многих других подобных местах. Крайними пределами

Античные критики христианства А. Б. Ранович filosoff.org земли считали в то время, в эпоху Платона, Геркулесовы столбы (Гибралтар) на Западе и Фасиду (Поти) на Востоке. Всюду вокруг земли имеется много разнообразных по виду и величине впадин, куда стекается вода, туман и воздух; самая же чистая земля расположена в чистом небе" (VII, 28). На что (Платон) этими словами указывает, не всякому легко понять, если только он не сумеет вникнуть в следующие его высказывания: "Из-за нашей слабости и тяжеловесности мы не способны подняться к пределам воздуха", "если бы природа (человека) способна была вынести это зрелище, он бы познал, что то есть истинное небо, истинный свет" (VII, 31). (Но христиане не могут этого понять, они все это принимают грубо чувственно); плохо поняв теорию переселения душ, они создали учение о воскресении, говорят о "семени", о "хижине души", о том, чтоб "совлечься" и "облечься" (VII, 32). (2 Кор., 5:4) А когда их выбивают со всех позиций и опровергают, они опять как ни в чем не бывало возвращаются к тому же вопросу: "Как же нам познать и узреть бога? И как нам к нему идти?" (VII, 33). Они рассчитывают, (очевидно), увидеть бога телесными глазами, услышать его голос ушами, чувственными руками касаться его (VII, 34). (Так пусть они пойдут) в святилища Трофония, Амфиарая и Мопса, где можно видеть человекообразных богов, притом без обмана, настоящих; их можно видеть не один раз, мимоходом, как христианского обольстителя, но они всегда общаются с желающими (VII, 35).

Но они опять-таки спросят: как же им познать бога, не воспринимая его чувством? Что (можно познать) вне чувства? На это я отвечу: это (голос) не человека и не души, а голос плоти. Пусть, однако, они послушают, если только этот низкий, преданный телесному род (людей) в состоянии понять. Если, заставив умолкнуть чувство, вы воззрите умом и, оторвавшись от тела, раскроете очи души, то только таким образом вы увидите бога. Если вам нужен проводник по этому пути, вам следует избегать обманщиков, шарлатанов, подсовывающих призраки, чтобы вы не стали посмешищем во всех отношениях, ругая идолами прочих богов, которые себя проявляют, но почитая того, кто воистину более жалок, чем те призраки, и является даже не призраком, а настоящим трупом, и стремясь к подобному ему отцу (VII, 36). (Приняв всерьез) этот обман и те диковинные символы и бесовские призывы к льву, амфибии, ослинообразному и прочим и к дивным привратникам, имена которых вы с трудом выучили, вы, несчастные, приходите в злое неистовство и вас вешают на кресте (VII, 40).

(Если вам нужен руководитель), то нет недостатка в древних руководителях и святых людях; следуйте боговдохновенным поэтам и мудрым философам, от которых можно услышать много божественного (VII, 41). Наиболее сильный учитель - Платон, (который) в "Тимее" (пишет): "Найти творца и отца всего этого - труд; а найдя, невозможно изъяснить перед всеми". Вы видите, как выразители воли богов ищут пути к истине и как Платон знал, что всем идти по этому пути невозможно. Но так как (путь этот) открыт мудрыми людьми для того, чтобы мы получили некоторое понятие о неизреченном и первом, выявляя его путем синтеза с прочим или выделения из прочего или анализа, то я хотел бы ознакомить (вас) с вообще неизреченным, но был бы удивлен, если б вы оказались в состоянии следить (за моей мыслью), так как вы полностью связаны плотью и ничего чистого не видите (VII, 42).

(Итак) есть сущность и становление, умопостигаемое и видимое. В сущности - истина, в становлении - заблуждение. С истиной связано знание, с другим - мнение;

об умопостигаемом (складывается) понятие, видимое (воспринимается) зрением. Умопостигаемое познается разумом, видимое - глазом. И вот подобно тому, как в мире видимом солнце, не будучи ни глазом, ни зрением, является причиной того, что глаз видит, что знание существует, что видимое видно, что чувственное возникает и даже что оно само доступно зрению, - точно так же в мире умопостигаемом тот, не будучи ни умом, ни разумом, ни мышлением, ни знанием, является причиной того, что разум понимает, что мышление благодаря ему существует, что знание благодаря ему познает; для всего умопостигаемого, для самой истины и самой сущности оно причина их бытия, будучи выше всего, мыслимое (лишь) благодаря какой-то несказанной силе.

Все это говорится для людей, обладающих разумом;

если и вы кое-что в этом понимаете, благо вам. И если вы думаете, что какой-то дух, исходящий от бога, возвещает божественное (учение), то пусть был им этот дух, провозглашающий (то, что я изложил); ведь преисполненные им древние (мудрецы) сообщили много хорошего. А если вы этого не в

Античные критики христианства А. Б. Ранович filosoff.org
состоянии понять, молчите и не называйте зрячих слепыми и скороходов
хромыми, сами-то вы хромаете душой и изувечены, и живете вы для тела, то
есть для трупа (VII, 45).

Если же вам захотелось ввести что-то новое, вам было бы гораздо лучше
заняться кем-либо другим из тех, кто умер благородно и кто способен принять
на себя миф о боге. Что же, если вам не нравился Геракл, или Асклепий, или
(другие), прославившиеся в древности, у вас был Орфей, человек, по общему
признанию, осененный божественным духом и тоже умерший насильственной
смертью; но, может быть, (вам не понравилось, что) им до вас завладели
другие? Тогда (вы могли бы взять) Анаксарха, который, когда его бросили в
ступку и стали непозволительным образом толочь, решительно презрел
наказание, говоря: "Мели, мели мешок Анаксарха, самого-то его ты не
смелешь". Анаксарх – Греческий философ, последователь Демокрита, состоял в
свите Александра Македонского. Легенда о его казни царем Никокреоном и о
проявленной философом стойкости часто приводится в древней литературе как
достойный подражания образец. Это, несомненно, речь какого-то духа. Но и за
ним до вас последовали некоторые естествоиспытатели. А почему не взять
Эпиктета? Эпиктет – философ-стоик (ок. 60-140 гг.), беседы которого
записаны Аррианом. Эпиктет был рабом; владелец отпустил его на волю, когда
он проявил способности философа. Когда его владелец выворачивал ему ногу,
он, бесстрашно улыбаясь, сказал ему: "Сломаешь", а когда тот (действительно
ее) сломал, он сказал: "А не говорил я тебе, что ломаешь?" Сказал ваш бог
что-либо подобное, когда его подвергали казни? А вы, естественно, объявили
бы дочерью божьей даже Сивиллу, которой некоторые из вас пользуются; ныне
вы вписываете в нее (пророчества), не задумываясь, много богохульств, а
богом объявляете (человека), прожившего самую бесславную жизнь и умершего
самой жалкой смертью. Не подошел ли бы вам гораздо лучше Иона с его тыквой
или Даниил, (спасшийся) от зверей, или еще более замечательные чудотворцы в
этом роде (VII, 53)?

Есть у них и такое предписание – не противиться обидчику. "Если тебя ударят
в одну щеку, подставь и другую". И это старо, гораздо раньше уже сказано,
они лишь грубо это воспроизводят. У Платона Сократ следующим образом
беседует с Критоном: "Ни в каком случае не следует поступать несправедливо?
– Ни в каком.– Даже если с тобой поступают несправедливо, нельзя ответить
несправедливостью, как большинство привыкло думать, раз ни в каком случае
нельзя обижать? – Думаю, что нет.– Так как же, Критон, следует делать зло
или нет? – Ни в каком случае, Сократ.– А что же, воздать злом за зло, как
это принято говорить, справедливо или несправедливо? Безусловно
несправедливо, делать как-нибудь зло человеку ничем не отличается от
совершения несправедливости.– Верно. Следовательно, нельзя отвечать
несправедливостью и нельзя делать зло ни одному человеку, даже когда
терпишь от него". Вот как говорит Платон, и далее: "Поразмысли, согласен ли
ты и сходишься ли со мною,– и начнем с этого пункта рассуждать,– что
никогда не бывает правильно ни поступать несправедливо, ни отвечать
несправедливостью, ни защищаться против зла, отвечая злом. Или ты
отказываешься и не соглашаешься с исходным положением? Я-то всегда был того
мнения и теперь при нем остаюсь". Таково было убеждение Платона, но еще
раньше тому же учили божественные люди.

Но относительно этого и других учений, искажаемых (христианами), достаточно
того, что я сказал: кому хочется глубже исследовать их учение, (сам) сумеет
узнать (VII, 58).

часть 4.

О НЕОБХОДИМОСТИ СОБЛЮДАТЬ ОФИЦИАЛЬНЫЙ КУЛЬТ.

Перейдем к другому. Они не выносят вида храмов, жертвенников и изображений,
так же как скифы, номады, ливийцы, не знающие бога серы, (китайцы) и другие
преступные и незаконные народы; что и персы такого мнения, об этом
рассказывает Геродот в следующих выражениях:

"О персах мне известны следующие обычаи: воздвигать статуи, жертвенники и
храмы у них не дозволяется; поступающих так они обзывают глупцами. Мне
кажется, что это оттого, что они не считали богов человекоподобными, как
считают греки". Да и Гераклит как-то высказался следующим образом: "И они
поклоняются статуям этим, как если б кто беседовал с домами, не зная, что
такое боги и герои". Итак, они учат нас чему-нибудь более мудрому, чем
Гераклит? Он, во всяком случае, очень туманно указывает, что глупо молиться

Античные критики христианства А. Б. Ранович filosoff.org
статуям, если не знаешь, что такое боги и герои.

Таково мнение Гераклита; эти же решительно поносят статуи. Если (они так думают) на том основании, что камень, дерево, бронза или золото, которое обработал такой-то (мастер), - не бог, то это смехотворная мудрость. Ведь кто, если не круглый дурак, стал бы считать их богами, а не подношениями богам и их изображениями? Если же на том основании, что нельзя постигнуть образы богов - ибо у богов образ другой, как считали и персы, то они не замечают, что сами себя обличают, когда говорят, что бог создал человека по образу и подобию своему. Таким образом, они должны будут признать, что статуи (воздвигаются) в честь некоторых - подобных или неподобных видом своим, что те, кому их посвящают, не боги, а демоны; но что служить демонам не должен тот, кто чтит бога (VII, 62). (Но и тут) они сами себя опровергают, поскольку они явным образом почитают даже не демона, а труп.

Но прежде всего я спрошу: почему нельзя почитать демонов? Разве не все устроено по решению бога, и разве не от него (исходит) всякое провидение? Ведь все, что есть во вселенной, будь то творение бога, или ангелов, или других демонов, или героев, - все это получает свой закон от величайшего бога, к каждой вещи приставлен некто, удостоенный (этого), облеченный властью. Так разве чтущий бога не может по справедливости почитать (и) этих, получивших свои полномочия оттуда? "но, - говорит (Христос), - один и тот же человек не может служить нескольким господам" (VII, 68). Это - голос мятежа, (исходящий от людей), которые отгородились стеной и оторвались от прочих людей. Рассуждающие таким образом переносят, насколько это в их власти, свои страсти на бога. Конечно, среди людей имеет смысл, что, кто служит кому-либо, не может в согласии с рассудком служить и другому человеку, так как тот другой понесет ущерб от разделения службы; точно так же (неудобно), дав уже обязательство одному, связаться обязательством и с другим, ибо это было бы в ущерб (первому); и есть основание не служить одновременно разным героям и такого рода демонам. В отношении же бога, которому не может быть причинен ущерб или огорчение, бессмысленно остерегаться почитать нескольких богов, как это принято в отношении людей, героев и такого же рода демонов. Кто почитает нескольких богов, тем самым делает приятное ему, поскольку он почитает нечто от великого бога. Ведь никто не может пользоваться почитанием, если это не дано ему от бога. Поэтому если кто почитает и боготворит всех (приближенных бога), он не оскорбляет бога, которому все они принадлежат (VIII, 2). Право же, тот, кто, говоря о боге, утверждает, что только одного можно назвать господом, поступает нечестиво, так как он (тем самым) разделяет царство божие, создает в нем раздор, как будто бы существовали (две) партии и имелся бы какой-то другой, противостоящий богу (VIII, II).

Может быть, у них имел бы оправдание их непримиримый спор против других, если бы они в самом деле не почитали никого другого, кроме одного бога; но ведь они сверх меры чтут этого недавно явившегося и, однако, не считают, что прегрешают против бога, поклоняясь даже его служителю (VIII, 12).

Если ты им разъяснишь, что этот - не сын бога, но, что зато бог - отец всего и что его одного следует чтить, они не согласятся (чтить бога), если одновременно не поклоняться и (сыну), который явился вождем мятежа у них. И прозвали они его сыном божьим не потому, что крепко почитают бога, а потому, что сильно выдвигают "сына" (VIII, 14). А чтобы (ясно было, что) я не сообщаю ничего, не относящегося к цели (моего исследования), я приведу их подлинные слова. В одном месте в каком-то "Небесном диалоге" (не дошедшее до нас произведение, по-видимому, офитов) они выражаются следующим образом: "Если сын божий сильнее, если сын человеческий его господин, - кому другому властвовать над владычествующим богом? - Почему же многие вокруг кладезя, а в кладезе никто? Почему, совершив столь длинный путь, ты не имеешь мужества? - Ты ошибаешься, есть у меня мужество и меч". Таким образом, у них задание почитать не небесного бога, а подставного отца того, кого они единодушно признали, чтобы под видом великого отца, которого ставят во главе, поклоняться только сыну человеческому, которого объявляют более могучим властителем, "властителем владычествующего бога". Вот откуда их заповедь, что нельзя служить двум господам, - чтобы сохранить позицию для одного этого (VIII, 15).

Они избегают сооружения жертвенников, статуй и храмов; (вместо этого) признаком (общности культа) служит у них уговор насчет скрытного, тайного сообщества. (Но, как я уже говорил, я не вижу оснований, почему бы им не приносить жертв демонам), ведь бог, конечно, - общий для всех, благой, ни в

Античные критики христианства А. Б. Ранович filosoff.org чем не нуждается и чужд зависти; что же, следовательно, мешает наиболее преданным ему участвовать в публичных празднествах (VIII, 21)? Если эти изображения – ничто, то что страшного в том, чтобы участвовать в общем пиру? То есть вкушать мяса от жертвенных животных – "идоложертвенного. А если какие-нибудь демоны есть, то они, очевидно, тоже от бога и им следует верить, приносить согласно законам жертвы при благоприятных предзнаменованиях и молиться им, чтобы они были милостивы (VIII, 24). Если же они действительно по какой-то исконной традиции воздерживаются от некоторых таких жертвенных животных, им бы следовало вовсе воздерживаться от всякой животной пищи; таково было убеждение Пифагора, почитавшего душу и ее органы. Если же (они отказываются от жертвенного мяса), чтобы, как они говорят, не участвовать в трапезе с демонами, то поздравляю их за их мудрость, что они с трудом начинают понимать, что они всегда сотрапезники демонов; в самом деле, они только тогда остерегаются этого, когда видят закалываемое жертвенное животное; (ну), а когда они едят хлеб, пьют вино, вкушают фрукты или даже воду или даже только вдыхают воздух, то разве они все это не получают от неких демонов, каждому из которых поручено заведование отдельным участком (VIII, 28)?

Таким образом, либо надо вовсе никак не жить и не ступать по земле, либо, если уж получил жизнь, как она есть, надо благодарить демонов, получивших (в свое ведение) земное, отдавать им первинки и возносить молитвы, пока живем, чтоб добиться их благорасположения к людям (VIII, 33). (Ведь, подумайте), сатрап, наместник, претор или прокуратор персидского или римского царя, имея и менее значительную власть, полномочия или должность, сильно могли бы повредить, если им выказывать пренебрежение, а воздушные и надземные сатрапы и служители мало могут повредить, если их оскорблять (VIII, 35)? "Или, может быть, если их называть варварскими именами, они имеют силу, а если по-гречески и по-латыни, то они уже не (имеют силы) (VIII, 37)? (Но христианин) говорит: "Вот я стал перед статуей Зевса, или Аполлона, или какого-нибудь другого бога, богохульствую и бью его, а он не мстит за себя?" (VIII, 38). Но ты не видишь, милейший, что и твоего демона всякий не только ругает, но и изгоняет со всей земли и моря, а тебя, преданного ему, как болван, заковыдают, уводят и вешают, а твой демон, или, как ты его называешь, сын божий, нисколько за себя не заступается (VIII, 39). А жрец Аполлона и Зевса (возразил бы тебе, что) "поздно мелют мельницы богов" (древняя пословица, означающая примерно: бог правду видит, да не скоро скажет) или

"и сыны от сынов, имущие поздно родиться". Илиада.

Ты вот поносишь и осмеиваешь статуи их, а если б ты оскорбил лично хотя бы Диониса или Геракла, ты бы, может быть, не отделался благополучно. А вот те, которые распяли и казнили твоего бога лично, нисколько не пострадали и впоследствии в течение столь долгого времени. А что замечательного произошло благодаря ему с теми, которые уверовали, что он не человек-обманщик, а сын божий? А тот, кто послал своего сына ради каких-то "вестей", не обратил внимания на то, что его столь сурово наказали, что "вести" его погибли с ним вместе, и не откликнулся, хотя прошло уже так много времени. Какой отец бывает столь бессердечен?

Тот хотел этого, говоришь ты, и потому он подвергся со всех сторон обидам. Но и о тех, кого ты хулишь, тоже можно было сказать, что они хотя и этого и потому терпят, когда против них богохульствуют; ведь лучше всего к одинаковым вещам подходить одинаково. Но, впрочем, эти) мстят и) даже сильно мстят богохульнику, который из-за этого бежит, скрывается, попадает и гибнет (VIII, 41).

Стоит ли перечислять все, что предсказали во вдохновенной речи из прорицалищ пророки и пророчицы или другие одержимые мужчины и женщины? Сколько чудесного доносилось из их святилищ? Сколько было открыто на основании (мантики) по жертвенным животным и жертвам, обращавшимся к ним, сколько – на основании других чудесных знамений? Некоторым являлись наяву призраки. Вся жизнь полна ими. Сколько городов воздвигнуто было на основании оракулов и избавились от болезней и мора, и сколько (городов, напротив), за то, что не считались с ними или забыли о них, жалким образом погибли? Сколько (городов) основали по их указанию колонии и преуспевали, следуя их наставлениям? Сколько властителей и частных лиц благодаря этому кончили лучше или хуже? Сколько (людей), страдавших от бездетности, получили, чего просили, сколько избежали гнева демонов? Сколько излечилось от телесного недуга? Наоборот, сколько людей, насмехавшихся над святыней,

Античные критики христианства А. Б. Ранович filosoff.org немедленно поплавились - одни на месте сходили с ума, другие - разглашали свои деяния, третьи - сами себя убивали, иных скрутила неизлечимая болезнь. (Случалось) даже, (что) суровый голос из глубины святилища кое-кого уничтожал (VIII, 45).

(Христиане до смерти готовы защищать свое учение и грозят небесными карами своим противникам; но), милейший, так же как ты веришь в вечные муки, так верят и истолкователи, священнослужители и мистагоги и тех святых. А какие из них истиннее и действительнее, это можно разобрать. Словами и та и другая сторона одинаково ручаются за свое учение. А если требуются доказательства, те предъявляют много явного, выдвигая дела некоторых демонических сил и прорицалищ и (сведения) о различных пророчествах (VIII, 43).

Дальше, разве не бессмысленна ваша тоска по телу и надежда, что оно таким же воскреснет? и нет для вас ничего более желанного и ценного; и наоборот, отдачу его на казнь (вы рассматриваете) как бесчестье. Но с приверженцами таких убеждений, с (людьми), сросшимися с телом, не стоит беседовать на эту тему; ибо такие люди и в остальных отношениях грубы, нечисты и без рассуждения отдаются болезненной склонности к мятежу. Мы будем беседовать с теми, кто надеется обрести с богом вечную душу или разум - все равно, угодно ли будет называть его духовным или духом умопостигаемым, святым, блаженным, или живой душой, или небесным и бессмертным отпрыском божественной бестелесной природы, или как кому больше нравится называть. Во всяком случае, они правильно рассуждают в том смысле, что прожившие хорошо будут блаженствовать, а неправедные целиком будут во власти вечного зла; от этого учения ни они и никто другой никогда не сумеет отойти (VIII, 49).

Люди оказываются привязанными к телу, то ли ради распорядка вселенной, то ли в наказание за грехи, то ли потому что душа обременена страстями, пока она в установленные периоды не очистится; согласно Эмпедоклу, всякая душа (idea) смертных, постепенно меняясь, "30 тысяч лет блуждала вдали от блаженных". Поэтому приходится верить, что люди поручены некоторым надзирателям этого узилища (VIII, 53). (А христиане без всяких оснований) поносят (распоряжающихся) на земле демонов и (за это) отдают свое тело на терзания и пытки;

(они видят в этом особый подвиг, не понимая, что и) разбойники стойко переносят то, что им приходится претерпеть за разбой (VIII, 54).

Логика требует одного из двух. Либо они считают недостойным совершать принятые церемонии и почитать их блюстителей, тогда пусть они не превращаются в мужей, не женятся, не берут на руки детей, ничего не делают в жизни, пусть поспешно уходят отсюда, не оставив никакого потомства, так чтобы это племя их совершенно истребилось с лица земли.

Если же они берут жен, производят детей, вкушают плоды, пользуются жизнью и выносят доставшиеся им бедствия, - природа такова, что все люди испытывают бедствия: ведь зло необходимо, а другой почвы (для проявления) у него нет, - тогда нужно воздать подобающие почести тем, кто управляет этим, и выполнять надлежащие обязанности в жизни, пока они не освободятся от этих оков, иначе они окажутся неблагодарными по отношению к ним; да и несправедливо ведь, чтобы, пользуясь тем, что им (демонам) принадлежит, ничем им не отплачивать (VIII, 55). Для всего на земле, вплоть до мельчайших вещей, есть некто, кому дана над этим власть. В этом можно убедиться из того, что, как говорят египтяне, тело человека распределено на 36 участков - некоторые насчитывают гораздо больше, - и оно распределено среди 36 демонов или каких-то эфирных богов, и каждый ведает чем-либо другим. Они знают и имена этих демонов на местном языке, как Хнумен, Хнахумен, Кнат, Сикат, Хиу, Эребиу, Раманор, Рейаноор и всякие другие туземные имена. И вот, призывая их, они исцеляют болезни (отдельных) частей тела. Что же мешает, если кому угодно, ублажать этих и других и скорее быть здоровым, чем болеть, иметь удачи, чем неудачи, и по возможности избавиться от орудий пытки и наказания (VIII, 58)?

(Правда, у практикующих культ демонов возможен уклон в чародейство; и) конечно, надо остерегаться, чтоб вследствие общения с ними не отдаться целиком служению им ради всего этого, чтобы, возлюбив тело и отклонившись от более ценного, не предать (этого ценного) забвению. Может быть, надо не игнорировать мудрых людей, которые говорят, что большинство окружающих землю демонов слилось с творением; будучи прикованы к крови, к туку, к песнопениям и привязаны к другим подобным вещам, они ничего лучшего не

Античные критики христианства А. Б. Ранович filosoff.org умеют, как исцелять тело, предсказывать будущую судьбу человеку и городу, знают и могут лишь то, что относится к земным делам (VIII, 60). Надо отдавать им (поэтому) должное почитание, поскольку это полезно, но исключительно этим заниматься разум не советует (VIII, 62). (Впрочем), скорее надо думать, что демоны ни в чем не нуждаются и ничего не просят, но им приятно, когда соблюдают благочестие по отношению к ним. С богом же не следует расставаться нигде и никак, ни днем, ни ночью, ни в обществе, ни наедине, ни в речи, ни в каком деле без исключения; во всех этих (случаях) и вне их пусть душа будет устремлена к богу.

Поскольку это обстоит таким образом, что страшного в том, чтоб расположить к себе распорядящихся здесь и других (демонов)? да и из среды людей – властителей и царей? Ведь и они удостоились власти здесь не без демонической силы (VIII, 63).

Конечно, если бы кто-нибудь приказал кому-либо, чтущему бога, бесчестить бога или произнести что-нибудь другое постыдное, то этому ни в каком случае не следует повиноваться, но надо скорее перенести все пытки и подвергнуться любой смерти, чем не только произнести, но и помыслить нечестивое о боге. Но если прикажут хвалить Гелиоса (Гелиос – солнце и бог солнца) или усерднейшим образом славословить в прекрасном пэане Афины, то ты проявишь (лишь) больше благочестия по отношению к великому богу, если ты воспоешь и этих. Пэан – культовое песнопение (первоначально в честь Аполлона), где хор вступал после запевалы с возгласом: *ie raian*; пэан сопровождался магической пляской. Ибо богопочитание, пронизывая все, становится совершеннее (VIII, 66). И если тебе прикажут клясться именем царя среди людей, то и это не страшно. Ему поручено то, что на земле, и все, что ты получаешь в жизни, ты получаешь от него (VIII, 67).

Надо относиться с доверием к древнему мужу, давно провозгласившему:

Царь нам да будет единый, которому Зевс прозорливый Скиптр даровал и законы. Илиада.

Ведь если ты нарушишь это правило, царь на законном основании тебя накажет. Ибо если все будет поступать, как ты, то не будет препятствий к тому, чтоб он остался один, всеми покинутый, а все на земле досталось беззаконнейшим и самым диким варварам, и у людей не останется славы ни о твоём благочестии, ни об истинной мудрости (VIII, 68).

Ты ведь, конечно, не скажешь, что если бы римляне, послушавшись тебя, пренебрегли установленными у них законами в отношении богов и людей и стали призывать твоего всевышнего или кого хочешь, то он сойдет с неба и будет сражаться за них, и никакой другой силы не потребуется. Ведь этот самый бог, обещавший своим приверженцам это и гораздо больше этого, (сами) видите, насколько помог тем (то есть евреям) и вам: у тех, вместо того, чтобы им стать владыками всей земли, не осталось ни клочка земли ни очага, а из вас если кто еще бродит, скрываясь, то его разыскивают, чтоб наказать смертью (VIII, 69). Право же невыносимо, когда ты говоришь, что, если ныне у нас царствующие поддадутся твоим убеждениям и погибнут, ты убедишь тех, кто потом будут царствовать, а затем, если и эти погибнут, – других и так далее одних за другими, пока наконец, когда все убежденные тобою погибнут, некая умудренная власть, заранее провидя, что произойдет, истребит поголовно всех вас, прежде чем погибнуть самой (VIII, 71).

(Они рассчитывают обратить в свою веру всех людей). Если бы возможно было, чтобы Азия, Европа и Ливия, эллины и варвары, до предела расходящиеся между собою, приняли один закон! (Но это невозможно), и думающий так ничего не знает (VIII, 72).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Надо защищать царя всей силой, делить с ним справедливо труд, сражаться за него, участвовать в его походах, когда это требуется, и вместе с ним командовать войском (VIII, 73); надо участвовать в управлении отечеством, если и это надо делать ради блага законов и благочестия (VIII, 75).

Я намерен написать и другое сочинение, (в котором) научу, как должны жить те, кто хочет и может послушаться меня (VIII, 76).

ЦЕЦИЛИЙ.

Если в трактате Оригена мы имеем апологию против обвинений, выдвинутых определенным автором – Цельсом, то книжка другого апологета, Минуция Феликса, не называет ни своего противника, ни названия того произведения или произведений, откуда заимствованы выдвигаемые против христиан обвинения. Многочисленные совпадения с Цельсом, на которые указывает Кейм (Celsus' wahres wort. S. 153), отнюдь не означают, что Минуций Феликс использовал Цельса, тем более что Цельс опровергает христианство преимущественно с точки зрения платоновского идеализма, тогда как Цецилий в "Октавии" исходит из учения эпикурейцев (гл. 5) и скептиков Новой академии (гл. 12-13). Апологет, надо полагать, имел в своем распоряжении неизвестное нам антихристианское сочинение, но использовал его умело, так как, будучи юристом по профессии и обладая несомненным литературным талантом, сумел изложить доводы противника по-своему.

"Октавий" написан, по образцу цicerоновского трактата "О природе богов", в виде диалога между автором, его другом христианином Октавием и язычником Цецилием. От Цицерона же, примыкавшего к Академии, заимствовал Минуций Феликс и академический скепсис, и, надо полагать, приписываемые Цецилию эпикурейские мысли, и даже ряд приводимых им в книжке исторических примеров.

Если допустить вместе с Дессау, что Цецилий тождествен с упоминаемым в надписях из Цирты в Африке, относящихся к 200-217 гг., Caecilius Natalis, то диалог Минуция Феликса написан в первой четверти III в. Ту же дату пришлось бы принять и в том случае, если б удалось доказать, что Минуций Феликс заимствовал аргументацию Октавия против Цецилия из "Apologeticus" Тертуллиана, а не наоборот. Однако общий тон и обстановка, которая рисуется в диалоге, больше подходит для II в.:

самые поздние авторы, которых цитирует Минуций, относятся к середине II в.; наконец, автор прямо ссылается (гл. 9 и 31) на софиста, ратора и юриста М. Корнелия Фронтана, бывшего консулом в 143 г. и умершего приблизительно в 168-169 г.;

при этом Цецилий называет Фронтана *Cyrtensis noster* (наш циртинец), как человека близкого не только по воззрениям, но и по времени. Несомненно, Минуций Феликс имел перед собою не дошедшую до нас речь Фронтана против христиан, которую в основном использовал для речи Цецилия. Использование Фронтана сказывается и в том, что автор относительно мало места уделяет философским аргументам: Фронтон относился отрицательно к философии; идеализация римской старины – также в духе Фронтана. Таким образом, правильно будет отнести "Октавию" к концу II в., примерно к тому же времени, что и книгу Цельса.

Аргументация Цецилия во многом не потеряла своей убедительности до сих пор (о воскресении, о целесообразности в природе), хотя главное внимание Минуций Феликс уделяет тем обвинениям политического и уголовного характера, которые облегчают его задачу апологета. Во всяком случае, небольшая речь Цецилия позволяет судить о том, какими являлись христиане конца II в. в глазах просвещенного римлянина.

Перевод сделан по тексту – "M. Minucii Felicis Octavius" rec. J. Cornelissen. Lugd.-Batav. 1882. В тех случаях, когда конъектуры Корнелиссена казались слишком смелыми и палеографически не оправданными (XI в. *pec laboro* – *pec ita bonus*, IX в. *multas-unctas* и др.), мы следуем Oehler'у и Halm'у.

M. MINUCIUS FELIX OCTAVIUS.

1. Когда я размышляю и мысленно перебираю воспоминания о моем добром и преданнейшем сотоварище Октавии, во мне настолько живо обаяние этого человека и любовь к нему, что мне кажется, будто я не в памяти вновь переживаю то, что было уже и прошло, а как бы сам возвращаюсь в прошлое. Так, чем дальше от глаз, тем сильнее запечатлелся его образ в моем сердце, в самой глубине души. Покойный превосходный благочестивый муж недаром оставил во мне такую тоску по себе; ведь и сам он всегда пылал такой любовью ко мне, что и в забавах, и в серьезных делах его желания сходились с моими; можно было думать, что у нас обоих была одна душа. Он был единственным поверенным в моих любовных делах, единственным соучастником в ошибках. А когда рассеялся туман и я из глубины мрака вырвался к свету

Античные критики христианства А. Б. Ранович filosoff.org мудрости и истины, он не отверг моей дружбы, а напротив, что еще похвальнее, опередил меня. Когда я в уме перебираю все годы совместной жизни и нашей близости, мое внимание задерживается больше всего на той его речи, которой он благодаря весьма основательной аргументации обратил в истинную веру Цецилия, погрязавшего тогда еще в суете суеверия.

2. По делам и чтобы повидаться со мной, он направился в Рим, покинув дом, жену и детей, оторвавшись от самого дорогого, что есть в детях, когда они еще в невинном возрасте и еще только пытаются лепетать и в самом коверкании ими языка заключается особая прелесть. Не могу выразить словами, какую живейшую радость вызвал у меня этот его приезд, и удовольствие было тем больше, что приезд этого милейшего человека был для меня неожиданным. Через день-два, когда непрерывное общение утолило жадное желание, когда во взаимных излияниях мы сообщили друг другу о себе все, чего не знали, за период разлуки, мы решили отправиться в Остию, приятнейшую местность, чтобы там в морских купаниях доставить приятное и благотворное лечение для моего тела, высушив вредные соки. Остия – город на левом берегу Тибра, при впадении его в море;

служил гаванью для г. Рима. Кстати, к периоду уборки винограда перерыв в судебных делах давал мне свободу от забот, а в то время летний зной уже сменялся осенней прохладой. Итак, на рассвете мы направились к морю, прогуливаясь по направлению к берегу, где легкое дуновение бриза бодрило тело и особое наслаждение доставлял мягкий песок, оседающий под нашими шагами. И вот Цецилий, заметив статую Сараписа, по обычаю суеверной черни поднес руку к устами и запечатлел на ней поцелуй. Сарапис – древнее божество, культ которого после Александра Македонского распространился в Египте, где его называли Серапис, сближая его с богами Осирисом и Аписом. В римскую эпоху на Сараписа были перенесены черты ряда римских богов, и наметилась тенденция превратить его в единого бога.

3. Тогда Октавий сказал: "Нехорошо, брат Марк, человека, находящегося при тебе неотлучно и дома и на улице, оставлять во мраке грубого невежества, допустить, чтоб он в такой великолепный день задерживался на каких-то камнях, хотя бы и отделанных в виде статуи, помазанных елеем и украшенных венками; ведь ты знаешь, что позор этот падает не в меньшей степени на тебя, чем на него".

Когда Октавий это говорил, мы успели уже быстро пройти половину пути и вышли уже к открытому берегу. Там легкая волна набегала на край песчаного берега, как бы утрамбовывая его для гулянья, и так как море всегда беспокойно, даже когда нет волнения, то хотя на берег не взлетали седые пенные гребни, однако нас безмерно восхищали причудливые, многократно повторявшиеся всплески водяной массы; когда мы, стоя у самой воды, погружали в море ступни, волна то, набегая, ласкала наши ноги, то отступая, бесследно поглощалась морем.

Медленно и незаметно продвинувшись, мы шли вдоль слегка извилистого морского берега, сокращая путь занимательными рассказами. Поводом для этих рассказов послужили рассуждения Октавия о мореплавании. Когда мы, беседуя, прошли достаточно солидное расстояние, мы повернули и пошли той же дорогой обратно. Когда мы дошли до места, где покоились вытянутые на берег суденышки, положенные на бревна для защиты от разлагающего действия сырой земли, мы увидели мальчиков, забавлявшихся тем, что взапуски бросали камушки в море. Игра заключается в том, что выбирают на берегу гладкий черепок, обкатанный волнами, камушек этот захватывают плоской стороной пальцами и, наклонившись возможно ниже, швыряют поверх волн, так что этот снаряд либо скользит по поверхности моря, если он катится легко, либо срезает вершину волн и подскакивает, если его подбрасывает непрерывная сила толчка. Победителем в этой игре считает себя тот мальчик, чей камушек пролетел дальше и подпрыгнул большее число раз.

4. Итак, в то время, когда все наслаждались этим зрелищем, Цецилий не обращал на него внимания, не смеялся по поводу хода состязаний, но, молчаливый, озабоченный, в стороне от нас, всем лицом выражал какое-то неведомое горе. "В чем дело? – сказал я ему, – почему я не узнаю обычной твоей живости? почему я не вижу в твоих глазах обычной у тебя даже в серьезных делах веселости?" Тот ответил: "Меня давно уже огорчает и покою не дает речь нашего Октавия: обрушившись на тебя, он упрекнул тебя в нерадении, чтобы тем самым обвинить меня косвенно в невежестве. Что ж, пойду дальше – у меня с Октавием дело идет о всем мировоззрении в целом.

Античные критики христианства А. Б. Ранович filosoff.org

Если и он на то согласен, чтобы я вступил с ним в спор как представитель школы, то он, конечно, убедится, что легче спорить в товарищеском кругу, чем вести прения так, как это принято у философов. Давайте только сядем на эти каменные выступы, служащие оградой для купален и выдающиеся в море; так мы сумеем и отдохнуть с дороги, и более внимательно вести наш диспут". Когда он это сказал, мы уселись так, что из нас троих мне отвели место посередине, - не из любезности, или ради порядка, или ради почета - ведь дружба всегда всех уравнивает, - а для того, чтоб я, как арбитр, слушал каждого из них возможно ближе и, сидя посередине, разделял обоих спорщиков.

5. Тогда Цецилий начал так: "У тебя, брат Марк, предмет нашего спора не вызывает сомнений, поскольку ты, испытав оба жизненных пути и отвергнув один, одобрил другой; однако в данное время ты должен настроить себя таким образом, чтоб держать весы беспристрастного правосудия, не склоняясь в ту или иную сторону, чтоб не вышло так, что твое решение не продиктовано нашими доводами, а вытекает из твоих собственных убеждений.

Итак, если ты будешь вести себя здесь так, как если бы ты был новичком, как бы не знающим ни той ни другой стороны, для меня не составит труда показать, что все человеческое сомнительно, неизвестно, неверно и вообще скорее правдоподобно, чем истинно. Тем более странно, что некоторые, не давая себе труда глубоко исследовать истину, поддаются без рассуждения любому мнению вместо того, чтобы упорно и настойчиво производить тщательное исследование. Особенно должно вызывать всеобщее негодование и сожаление, что некоторые, притом несведущие в науках, невежды, незнакомые даже с низменным искусством, дерзают высказывать определенные суждения о сущности вещей и о величии бога, о чем сама философия всех направлений в течение стольких веков до сих пор остается в нерешительности, и это понятно: ограниченный человеческий ум не только не в состоянии исследовать божественное, но даже о том, что парит над нами в небе или глубоко сокрыто в недрах земли, не дано ему знать, не позволено изыскивать и нечестиво допытываться; нам кажется, что мы были бы достаточно счастливы и достаточно мудры, если б согласно знаменитому древнему изречению поближе познали самих себя. "Познан самого себя" принадлежит к изречениям легендарных "семи мудрецов" и приписывается Солону (VI в. до новой эры). Но уже если мы, предаваясь бессмысленному и напрасному труду, выходим за пределы нашей ограниченности и, поверженные на землю, переносимся в дерзком порыве на самое небо, на самые звезды, то не будем, по крайней мере, осложнять эту ошибку нашу, придумывая пустые устрашающие фантазии. Допустим, в основе всего лежат сгустившиеся зачатки, (Первичные элементы, то, что Лукреции называет "primordia re-rum") слияние элементов природы; какой же здесь бог - творец? Признаем, что части вселенной уплотнились, расположились и сформировались благодаря случайным столкновениям (элементов), какой же здесь бог - создатель? Предположим, звезды зажег огонь, небо повисло благодаря своему веществу, земля, допустим, утвердилась благодаря собственному весу, а море образовалось из стечения жидкости; откуда же религия, откуда страх перед богом? К чему это суеверие? Человек и всякое животное, которое дышит, рождается и растет, есть непроезizableное сочетание элементов, на которых человек и всякое животное опять распадаются, разлагаются; таким образом, они вновь возвращаются к истоку, и все возвращается в круговороте к самому себе, без всякого создателя, руководителя или творца. Так, мы видим, что благодаря соединению элементов огня всегда сияют все новые и новые светила, от выдыхаемых землею паров возникают постоянно разные туманы; от их сгущения и соединения вверху образуются тучи, при их падении льют дожди, дуют ветры, стучит град; когда ветры сталкивают тучи, - грохочет гром, сверкают молнии, падая где попало, ударяя в горы, обрушиваясь на деревья, попадая без разбору и в священные и в частные здания, поражая часто людей порочных, но часто людей набожных. Речь идет не об образовании новых светил, о чередовании и смене видимых на небе светил. Надо ли упоминать о различных неожиданных стихийных явлениях, которые без порядка и без разбору вносят смятение во всеобщее движение? о кораблекрушениях, при которых хороших и дурных людей постигает одинаковая судьба и заслуги стираются? о пожарах, в которых одинаково гибнут виновные и невинные? Когда воздух заражен смертоносной заразой, разве не гибнут все без различия? Когда свирепствует ярость войны, разве не падают в первую очередь наилучшие? А в мирное время порок не только в таких же условиях, что и добродетель, но даже бывает в почете, так что часто не знаешь, надо ли презирать бесчестие негодяев или желать себе их удачи. Ведь, если бы мир управлялся божественным провидением или властью какого-либо божества, никогда Фаларид и Дионисий не заслужили бы царства, Рутилий и Камилл - изгнания, Сократ яда. Фаларид - тиран Агригента в Сицилии (VI в. до новой эры),

Античные критики христианства А. Б. Ранович filosoff.org прославившийся своей жестокостью; в частности, существовала легенда, что у него был полый медный бык, куда он заключал своих врагов и медленно их зажаривал. Дионисий – могущественный тиран сиракузский (430–367 до новой эры). П. Рутилий Руф (конец II–начало I в. до новой эры) – философ–стоик, политический и военный деятель, отличавшийся высокими личными качествами, не сумел угодить сословию всадников и был осужден на изгнание (92 г. до новой эры). М. Фурий Камилл–римский национальный герой, "спаситель" Рима после жестокого поражения римских войск галлами при Аллии, окруженный в легенде ореолом героя и мученика; около 300 г. до новой эры Камилл был обвинен в присвоении военной добычи, приговорен к высокому денежному штрафу и сослан. Приговоренный к смерти философ Сократ (см. прим. на с. 233) мужественно выпил поднесенный ему яд (цикуту). Сцена смерти Сократа описана Платоном в "Федоне". Вот увешанные плодами деревья, уже желтеющую ниву, уже созревший виноград повреждает дождь, побивает град; приходится думать, что либо неизвестная нам истина скрыта от нас, либо – а это более вероятно что господствует свободная от законов судьба, проявляясь в различных ускользающих от нас случайностях.

6. Итак, раз либо судьба слепа, либо природа непонятна, разве не почетнее и лучше, оставаясь в нерешительности насчет истины, перенять опыт предков, держаться принятой по традиции религии, поклоняться богам, которых родители внушали тебе скорее бояться, чем ближе познать, и не составлять себе собственного мнения о божествах, а верить древним, которые еще в грубый век младенчества мира удостоились иметь богов своими согражданами или царями? Мы видим, что с тех пор по всем государствам, провинциям и городам существуют особые национальные религиозные обряды и культ местных богов: так, элевсинцы чтут Цереру, фригийцы – мать богов, эпидаврийцы Эскулапа, халдеи – Бела, сирийцы – Астарту, таврийцы – Диану, галлы Меркурия, римляне – всех богов. Церера – латинское имя греческой богини земли и плодородия Деметры, мистерии которой имели своим центром г. Элевсин. Фригийская Великая мать. Мать богов – Кибела. Бел–Мардук верховный бог вавилонян. По преданию, сообщаемому Геродотом (IV, 103), тавры, древние жители Крыма, почитали некую девственную богиню, которой приносили человеческие жертвы. Греки отождествляли ее с Артемидой–Дианой. Цезарь, описывая (в VI кн. "Записок о галльской войне") религию кельтов, называет главным богом их Меркурия, именем которого он обозначил, очевидно, ряд туземных богов, функции которых сходны были с функциями римского Меркурия. Таких богов Мак Куллох насчитывает 16. Власть и могущество римлян охватили весь мир, их владычество протекло дальше путей солнца и границ самого океана, покуда они и под оружием блюдают религиозную добродетель, защищают город религиозными святынями, непорочными девами, жрицы (весталки) богини домашнего очага и покровительницы Рима – Весты должны были соблюдать девственность) почестями и уважением, воздаваемыми жрецам; покуда они, осажденные и заключенные в пределах Капитолия, почитают богов, которых другой в гневе отверг бы, и проходят, безоружные, вооруженные лишь благочестием, сквозь строй галлов, пораженных отвагой, внушаемой суеверием; покуда они, захватив неприятельскую крепость, в пылу победы все же преклоняются перед побежденными божествами; пока они отовсюду разыскивают чужих богов и делают их своими; пока они строят жертвенники даже неизвестным и неслыханным божествам. По римскому преданию, во время осады Капитолия галлами некий Фабий Дорсуон, чтобы принести установленную жертву богам рода Фабиев, вышел из крепости, прошел безоружный через ряды осаждавших, совершил на Квиринале установленный обряд и вернулся в Капитолий. Так, присваивая святыни всех народов, они стали обладать и царствами. Отсюда непрерывная нить религиозности, которая от долгого времени не разрывается, а увеличивается, так как доставшимся от древности обрядам и святыням обычно приписывается тем больше святости, чем больше на них налет древности.

7. Я, между прочим, готов допустить, что я ошибаюсь, хоть и в лучшую сторону; но не напрасно наши предки прилагали столько стараний в соблюдении птицегадания, в гадании по внутренностям животных, в установлении священных обрядов, в посвящении храмов. Справимся в исторических книгах, и ты увидишь, что римляне совершали священные обряды всех религий либо для того, чтобы отблагодарить за милость богов, либо чтобы отвратить угрожающий гнев или утишить уже бушующий и свирепствующий гнев. Тому свидетельница Идейская Мать, которая своим прибытием доказала целомудрие матроны и вместе с тем избавила Рим от неприятельской угрозы; тому свидетели статуи братьев–всадников, поставленные у озера Ютурны, изображающие их такими, как они явились на взмыленных и дымящихся конях, возвестив о победе над Персеем в тот же день, когда победа была одержана; о том свидетельствует повторение игры в честь оскорбленного Юпитера на основании сновидения, бывшего у

Античные критики христианства А. Б. Ранович filosoff.org одного плебея; о том свидетельствует Курций, который заполнил глубокую пропасть и тяжестью и честью своей и коня. Согласно римской легенде, юноша М. Курций в 362 г. до новой эры на основании оракула, чтобы умилостивить богов, принес себя в жертву, бросившись вместе с конем своим в пропасть. Культ "идейской матери" (по имени горы Иды) кибелы был введен в Риме в 204 г. по указанию сивиллиных книг; оракул предвещал Риму победу над карфагенянами, если священный камень богини будет перенесен из Пессинунта (во Фригии) в Рим. Когда корабль с богиней, гласит легенда, прибыл в Остию, он зарылся в песок, и никакими усилиями его не удалось сдвинуть с места. Тогда весталка Клавдия Квинта, над которой тяготело обвинение в нарушении целомудрия, помолилась богине и своим поясом сдвинула корабль; таким образом богиня засвидетельствовала невинность весталки.

По преданию, небесные близнецы Диоскуры (Кастор и Поллукс) помчались на конях возвестить о победе консула Л. Эмилия Павла над македонским царем Персеем в 168 г. до новой эры; у озера Ютурны они купали своих коней.

Ливий рассказывает, что в 490 г. до новой эры игры в честь Юпитера произошли при дурном предзнаменовании (по цирку прошел хозяин, который гнал перед собою закованного в колодку раба и сек его). Разгневанный Юпитер явился во сне плебею Т. Латинию и потребовал вторичного празднования. Случаи пренебрежения к ауспициям чаще, чем мы того хотели, обнаруживали присутствие богов. Оттого имя Аллии злославно, оттого операция Клавдия и Юния против пунийцев была не сражением, а губительным крахом; как бы специально для того, чтобы Тразимен стал для римлян более кровавым и позорным, фламний не обратил внимания на предсказание. В 217 г. до новой эры римское войско потерпело при Тразименском озере поражение от карфагенян. Командовавший римским войском Кай фламний пал в бою. Поражение приписали тому, что фламний отвергал древних богов. Аллия – приток Тибра недалеко от Рима, где римляне потерпели в 387 г. до новой эры жестокое поражение от галлов; день этот (18 июня) всегда считался в Риме траурным. Поражение, конечно, объяснили гневом богов за оскорбление галльских послов и за невнимание к знаменам.

Публии Клавдии Пульхер в 249 г. до новой эры понес жестокое поражение от карфагенского флота. В поражении усмотрели наказание за пренебрежение Клавдия к религиозным обрядам; рассказывают, что, когда священные куры, по которым гадали, отказались есть, он велел бросить их в море: "Если они не хотят есть, пускай пьют". В том же году коллега Клавдия Л. Юний Пулл потерял в походе против карфагенян весь флот и покончил жизнь самоубийством. Это также приписали тому, что он пренебрег ауспициями. Оттого, что Красс вызвал и затем осмелел проклятия фурий, нам пришлось отбивать свои знамена от парфян. М. Лициний Красс Богатый в 53 г. до новой эры в войне с парфянами попал в ловушку, почти все его войско было уничтожено, а сам он был захвачен и убит. Захваченные парфянами знамена были отбиты лишь при Августе (Светоний, Авг. XXI). По преданию, перед сражением Крассу подали вместо обычного белого или пурпурного – черный плащ, а орел на знамени легиона сам повернулся в противоположную сторону. Однако Красс посмеялся над этими дурными предзнаменованиями. Не стану говорить о многочисленных древних преданиях, пропущу стихи поэтов о рождениях, дарах и милостях богов, перескочу через предсказания судьбы оракулами, а то вам древность покажется слишком сказочной. Обрати внимание на храмы и святилища богов, которые ограждают и украшают Рим: они скорее величественны благодаря тому, что в них живут, присутствуют, обитают боги, чем богаты украшениями, убранством и дарами. Оттуда вдохновенные, близкие к богу прорицатели предвещают будущее, дают предостережения от опасностей, исцеление болезням, надежду угнетенным, помощь несчастным, утешение в беде, облегчение в труде. Даже в часы сна мы видим, слышим, узнаем богов, которых днем нечестиво отрицаем, устраним, отвергаем.

8. Таким образом, у всех народов сохраняется прочное согласие насчет бессмертных богов, хотя их смысл и происхождение неизвестно; я поэтому не терплю никого столь дерзкого, столь распираемого неведомой мне какой-то нечестивой мудростью, что он пытается разрушить или ослабить столь древнюю, столь полезную, столь спасительную религию. Был, правда, известный Феодор киренский или живший до него Диагор Мелийский, кому древность дала прозвище атеиста, и оба они, не признавая никаких богов, окончательно упразднили страх и благоговение, которыми управляется человечество: но никогда они с этой нечестивой проповедью мнимой философии не будут пользоваться почетом и авторитетом. Диагор Мелийский – поэт и философ V в. до новой эры, последователь материалиста Демокрита, отрицал богов. В своем произведении

Античные критики христианства А. Б. Ранович filosoff.org Phrygioi logoi подверг резкой критике фригийские и эллинские мистерии. За свое безбожие он подвергся преследованиям, его сочинения были уничтожены. Спасаясь от преследований, бежал и, по преданию, погиб в пути. Феодор из Кирены (Северная Африка), философ IV в, до новой эры, получил в древности прозвание "atheos" (безбожник). Феодор отрицал богов и установленную мораль, считая, что отечеством служит весь мир. Если афиняне изгнали из своей страны Протагора из Абдеры за то, что он рассуждал о богах скорее с предубеждением, чем безбожно, и сожгли публично его писания, как же можно не возмущаться, когда против богов выступают люди, - вы позволите мне в пылу начатой обвинительной речи говорить свободнее, - люди, повторяю, жалкой, запрещенной, отчаянной секты? Протагор из Абдеры (480-411 гг. до новой эры) - знаменитый софист. Считая человеческое познание относительным ("человек мера всех вещей"), он утверждал, что о богах ничего нельзя знать существуют ли они или нет, так как предмет этот темный, а жизнь человеческая слишком коротка для решения этой проблемы. Они составляют клику для безбожного заговора, набрав из самых подонков наиболее невежественных людей и легковверных женщин, склонных к заблуждению по легкомыслию своего пола; заговорщики, устраивая ночные сборища, торжественные посты, бесчеловечные трапезы, объединяются не для религиозной церемонии, а для преступления; это - скрытый, боящийся света народ; на людях они немые, в укромных уголках болтливы; они презирают древние храмы, плюют на богов, смеются над святынями; жалкие сами, они выражают, когда это возможно, свою жалость к жрецам; сами полуголые, они отвергают почести и пурпур и - какая удивительная глупость и невероятная дерзость! - презирают верные мучения в настоящем, но боятся неизвестных в будущем; они боятся умереть после смерти, а пока они умереть не боятся: вот до чего у них надежда заглушает страх, обольщая утешительной мечтой о воскресении.

9. Так как дурное развивается успешнее, то по мере того, как падение нравов возрастает с каждым днем, отвратительнейшие очаги этого нечестивого общества растут в числе уже на всей земле. Они узнают друг друга по тайным знакам и отличиям и начинают питать друг к другу любовь чуть ли не до того, как познакомились;

всюду среди них возникает как бы религиозная страсть, и они называют друг друга без разбора братьями и сестрами, так что даже обычное прелюбодеяние из-за применения этого священного имени становится кровосмесительством. Так пустое и бессмысленное их суеверие хвалится преступлениями. Ведь если бы под этим не скрывалась истина, проницательная молва не говорила бы про них самые отвратительные и неудобопроизносимые вещи. Я слышал, что по какому-то нелепому убеждению они поклоняются священной голове самого низкого животного - осла, - достойное верование, вытекающее из таких нравов. Другие говорят, что они почитают половые органы своего предсгоятеля и жреца и благоговеют перед ним, как перед родителем. Рассказывают, что объектом их обрядов является человек, подвергнутый смертной казни за преступление, и дерево креста для казни; им приписывают алтари, подобающие погибшим и преступным людям, они почитают то, чего заслуживают. То есть поклоняются кресту, на котором они заслуживают быть распяты. Рассказы о посвящении новичков ужасны и всем известны. Перед лицом, посвящаемым в их таинства, кладут младенца, покрытого мукой, чтоб обмануть неосторожных;

новичку предлагают нанести по поверхности муки невинные по видимости удары, и он убивает младенца, нанося ему невидные, незаметные раны. Его кровь - о ужас! - жадно слизывают, тело с остервенением разрывают на части. Вот какой жертвой скрепляется их союз, это соучастие в преступлении дает им залог взаимного молчания. Вот так священнодействия - отвратительнее любого святотатства! Об их трапезах также известно, об этом свидетельствует речь нашего циртинца. Фронтон. В торжественный день они сходятся для пиршества с женами, детьми, сестрами, матерями - люди обоих полов и всякого возраста. Там после обильной еды, когда пир разгорается и жар вина разжигает темные страсти, собаке, привязанной к подсвечнику, бросают кость на расстояние большее, чем веревка, которой она привязана, и тем побуждают ее рвануться и прыгнуть. Когда таким образом опрокидывается и гаснет заставляющий сдерживаться светильник, они в бесстыдной темноте предаются без разбора объятиям гнусной похоти, и если телесно не все, то по совести все одинаково становятся кровосмесителями, так как все, что может случиться на деле у отдельных участников, является желанием всех.

10. Я нарочно многое опускаю; уж того, что я сказал, слишком много; а что все это или большая часть - правда, доказывается таинственностью самой этой бесчестной религии. В самом деле, почему они так стараются скрыть и сделать

Античные критики христианства А. Б. Ранович filosoff.org тайной то, что они чтут? Ведь честное любит гласность, а тайной облекается преступление. Почему у них нет никаких жертвенных храмов, всем известным изображениям, почему они никогда не выступают публично, никогда не допускают свободных собраний, если то, что они прячут и скрывают, не преступно или позорно? А откуда или кто этот их единственный бог, одинокий, покинутый, которого не знает ни один свободный народ, ни одно царство, ни, наконец, римское суеверие? Одна только жалкая иудейская народность тоже почитала единого бога, но – открыто, имея храмы, жертвенники, жертвоприношения и обряды; но и он оказался столь бессильным и безвластным, что он вместе со своим народом в плену у людей – римлян. А христиане каких только не выдумывают чудовищных вещей и чудес! Этот их бог, которого они не могут ни другим показать, ни сами видеть, тщательно вникает в поведение и действия всех людей, даже в слова и тайные помышления. Выходит, что, по их представлению, бог, находясь в разгоне и присутствуя всюду, озабочен, беспокоен и беззастенчиво любопытен, раз он наблюдает за всякими делами и бродит повсюду: он не может заняться всем миром, отдаваясь отдельным вещам, а занятый мелочами, не может охватить всего в целом.

11. Мало того, они угрожают всей земле и самой вселенной с ее светилами пожаром, предсказывают им гибель, как будто бы установленный божественным законом вечный порядок может нарушиться, связь всех элементов – порваться, система небесная – распасться, та масса, которая ее поддерживает и окружает, – обрушиться. Не довольствуясь этим безумным представлением, они придумывают и прибавляют бабьи сказки: они заявляют, что они возродятся после смерти, когда превратятся уже в прах и пепел, и с какой-то непонятной уверенностью сами верят в свои измышления: можно подумать, что они уже пробовали оживать. Двойное зло, двойное безумие:

небу и звездам, которые мы покидаем такими, какими застали, они предвещают гибель, а себе, рождающимся и умирающим, как и все мы, они обещают вечность после того, как помрут и будут уничтожены! Поэтому-то, очевидно, они гнушаются костров и осуждают огненное погребение, как будто бы тело, даже если его не предадут огню, не превращается целиком в прах с течением лет и веков, как будто бы есть разница, растерзают ли тело звери, или поглотит море, или покроет земля, или пожрет огонь; ведь для трупов, если они способны чувствовать, всякое погребение мука, а если они не чувствуют, то огонь целителен тем самым, что ускоряет разрушение. Обманутые этим заблуждением, они обещают себе, как людям хорошим, вечную жизнь после смерти, а прочим, как неправедным, вечную муку. Многое я еще мог бы прибавить, если бы не торопился закончить речь. Я уже указал, что скорее они сами неправедны, и не о том теперь стараюсь. Даже если допустить, что они праведники, то я, однако, знаю, что большинство приписывает вину или невинность судьбе; и вы с этим согласитесь; ведь все, что мы делаем, вы называете делом бога, как другие – делом судьбы... даже последователи вашей секты становятся ими не по добровольному желанию, но по избранию божию. Итак, выходит, что вы воображаете неправедного судью, наказывающего людей за их участь, а не за злую волю. Я хотел бы все-таки узнать, воскреснут ли с телом или без тела, а если с телом, то с каким, тем самым или обновленным? Без тела? Но без него, насколько я знаю, нет ни мысли, ни души, ни жизни. С тем самым телом? Но оно давно разложилось. С новым телом? Но это означает, что рождается новый человек, а не воскресает прежний. Далее, прошел такой период, протекли бесчисленные века: кто из умерших, хотя бы один, вернулся к жизни, хотя бы так, как Протесилай, получив возможность вернуться, по крайней мере, на несколько часов, чтоб мы могли на его примере уверовать? Все эти нелепые выдумки воображения, глупые утешения, вложенные лживыми поэтами в приятные стихи, вы в своем чрезмерном легковерии бесстыдно переносите на своего бога.

12. Вы, наконец, из настоящего не извлекаете опыта насчет того, насколько вас обманывают пустые обетования тщетной надежды. Подумайте, несчастные, пока еще живете, о том, что ждет вас после смерти. Ведь вот большая часть из вас, лучшая, как вы говорите, нуждается и страдает, терпит лишения и голод, а бог терпит и не замечает, не хочет или не может помочь своим; таким образом, он либо бессилен, либо несправедлив. Ты, мечтающий о посмертном бессмертии, неужели не понимаешь своего положения, когда тебя трясет озноб, сжигает лихорадка, терзает боль? Неужели ты еще не сознаешь своей брэнности? Все невольно обличает твою немощность, несчастный, а ты не признаешься. Уж не буду говорить о прочем, но вот перед вами угрозы, казнь, пытки, крест – уже не как предмет поклонения, а как орудие казни, а также огонь, который вы предсказываете и которого вместе с тем боитесь: где же тот бог, который способен воскресить мертвых, но не может помочь живым? А

Античные критики христианства А. Б. Ранович filosoff.org разве римляне без вашего бога не управляют, не царствуют, не господствуют над всей землей и не владуют над вами? А вы тем временем, живя в страхе, в тревоге, отказываетесь от приличных наслаждений, не посещаете зрелищ, не участвуете в празднествах, публичные пиршества – не для вас, вы гнушаетесь священных игр, в рот вам не попадает пища и питье, возливаемое на жертвенники. Вот до чего вы боитесь богов, которых отрицаете. Вы не украшаете головы цветами, не холите тела благовониями, вы бережете умащения для погребений, а венки вы не допускаете даже для могил; бледные, запуганные, вы достойны жалости – со стороны, впрочем, наших богов. Итак, вы и после смерти не воскресаете и здесь не живете. Поэтому, если в вас есть хоть капля разума и стыда, перестаньте исследовать небесные сферы, судьбы мира и тайны веков: достаточно видеть то, что у вас под ногами, особенно для вас, людей невежественных, невоспитанных, грубых, неотесанных; если вам не дано понимать земное, тем более вам недоступно рассуждать о божественном.

13. Уж если у вас такая страсть к философствованию, то пусть каждый из вас, если сможет, подражает в точности Сократу, первому из мудрецов; известен ответ этого человека, когда его спрашивали о небесном: "Что над нами, то нас не касается". Он поэтому недаром заслужил от оракула свидетельство особой мудрости. Как и оракул, он и сам понял, что его не потому превознесли над всеми, что он все познал, а потому, что он понял, что ничего не знает; итак, сознание своего неведения – высшая мудрость. Отсюда и произошло спасительное сомнение по основным вопросам у Аркесилая, а вскоре после него у Карнеада, Пиррона и большинства академиков;

в этом роде необразованные могут философствовать без риска, а ученые со славой. Академией в древности называлась философская школа, учрежденная Платоном в местности, называвшейся Академия. В середине III в. до новой эры во главе Академии стоял Аркесилай (315–241 гг. до новой эры), утверждавший, что объективное познание невозможно и что поэтому философ не должен высказывать категорических утверждений; на практике надо руководствоваться вероятностью. Аркесилай считался основателем Средней академии. Карнеад (11 в. до новой эры), основатель Третьей академии, развивая скептицизм Аркесилая, доказывал недостоверность познания и чувственного восприятия. Пиррон (умер около 270 г. до новой эры), не принадлежавший к Академии, довел скептицизм до абсурда, до сомнения в самом сомнении. Он поэтому проповедовал воздержание от суждения (*epoche*) и высказываний (*aphasia*). А разве не достойна всеобщего удивления и подражания осторожность поэта Симонида? Когда тиран Гиерон спросил у него, что и как он думает о богах, он сначала попросил день на размышление, на другой день он потребовал отсрочки на два дня, а когда ему напомнили о сроке, он прибавил еще два дня. Когда наконец тиран спросил о причинах такой медлительности, тот ответил, что, чем дольше у него продолжается исследование, тем темнее для него становится истина. По моему мнению, тоже надо оставить сомнительное, как оно есть, и, в то время как столько великих людей колеблются, не принимать необдуманно и дерзко то или иное решение, а то либо придешь к бабьему суеверию, либо всякая религия рухнет.

ПОРФИРИЙ.

Порфирий – один из наиболее выдающихся философов неоплатонической школы, непосредственный ученик Плотина, общепризнанный глава неоплатоников. Порфирий не только продолжил и развил в своих произведениях идеи своего учителя, но и в свою очередь воспитал поколение философов. От него сохранилось значительное литературное наследство.

Порфирий оставил немало материалов для своей биографии – в послании к своей жене Марцелле, в "Жизнеописании Плотина" и др. Подробные сведения о нем сообщает лексикограф Свида и софист Евнапий; но в биографию этого философа проникло много легендарного, т. к. христиане старались его очернить, тогда как Евнапий со свойственной софистам того времени любовью к пустой риторике сильно разукрасил в ущерб исторической истине образ Порфирия. В частности, к христианским легендам относится сообщение историка церкви Сократа (III, 23), будто Порфирий был христианином, но, избитый однажды христианами, он воспытал к ним ненавистью и из мести выступил с книгой против христианства.

Порфирий – сириец, родом из Тира, и часто его называют просто "тирийцем". Его сирийское имя – Малх ("царь"), переделанное впоследствии Платином в греческое Порфирий. Родился он в 232–233 г., умер около 304 г. Получив

Античные критики христианства А. Б. Ранович filosoff.org хорошее образование, он долгое время слушал знаменитого философа Кассия Лонгина, от которого он сохранил склонность и способность к литературной критике и экзегетике. В 262 г. он переехал в Рим, где примкнул к школе Плотина. Будучи популяризатором Плотина, он вместе с тем пытался внести новое в систему своего учителя, увязывая ее с формальной аристотелевской логикой.

Порфирий писал много. В 301 г. он написал "Жизнеописание Плотина" и введение к изданным Плотиним "Эннеадам". От его "Истории философии" сохранилась глава "Жизнь Пифагора";

Евсевий цитирует его "Историю филологии": сохранилась его книга "О воздержании от мясного", нравоучительное "Послание к Марцелле", "О пещере нимф", "К аристотелевским категориям" и др., всего 9 произведений. Но перечень его произведений, известных по заглавиям или по отдельным отрывкам и цитатам, достигает 77 названий и касается не только философии, но и истории, грамматики, риторики, мифологии, религии, математики, астрономии.

Неоплатоновская философия была идеологией упадка. Захваченные безжалостным колесом римской колесницы, давившей все на своем пути, многочисленные большие и малые народности, попавшие под иго Рима, утратили вместе с политической независимостью также свою национальную, подчас весьма древнюю, культуру, свою национальную религию и даже язык. Нивелирующая сила Римской империи лишила господствующие классы покоренных государств прежнего политического могущества и заставляла их приспосабливаться к новым условиям, получать свои привилегии из рук римских чиновников, делиться с ними. Право римского гражданства, которое теперь широко раздавалось "варварам", потеряло свою ценность в глазах тех, кого сенат и цезари удостаивали этого права; оно означало лишь уравнивание в бесправии. "К потере независимости и самобытной организации прибавились насилия, грабеж со стороны военных и гражданских властей, которые сперва отнимали у покоренных их богатства, а затем снова давали им их взаймы под ростовщические проценты, чтобы дать им возможность выплачивать новые поборы" (Ф. Энгельс). Устремившийся в провинции ростовщический капитал действовал со страшной разрушительной силой, не вызывая, по выражению Маркса, "ничего иного, кроме экономического упадка и политической коррупции". Результатом такого положения вещей была полная деморализация – бегство в самое пошрое чувственное наслаждение для меньшинства и тупая покорность перед неизбежным – для большинства. Отсюда пышный расцвет мистики, магии, всякой чертовщины. Отсюда – стремление оправдать зло, для борьбы с которым не было ни сил, ни желания. Отсюда романтические мечтания о потустороннем мире, бледным, преходящим подобием которого является мир земной. Получив свое первое оформление в туманной экзегетике Филона Александрийского, эти религиозно-философские идеи нашли свое завершение в "Эннеадах" Плотина. Но если Плотин старался теоретически обосновать свою философию на реакционном идеализме Платона, то Порфирий пытался найти формы приложения неоплатоновской философии на практике. Поэтому центром его внимания была мораль, нормы поведения, а осуществить в жизни идеи Плотина он пытался, с одной стороны, путем пропаганды магии (или, как он ее называл, теургии), мантики и тому подобной чепухи, с другой стороны, путем аллегорического толкования эллинской мифологии и религии. С одной стороны, уступка культовой практике, с другой стороны, попытка поднять богословие до уровня философской дисциплины.

В сущности, христианство шло по тому же пути, и оно многое позаимствовало из платоновского идеализма. Учение неоплатоников о Логосе заняло центральное место в христианском богословии; разработанная ими демонология вполне подходила и к христианской догматике. Но если неоплатоники, в частности Порфирий, пытались сохранить старую религию, утратившую уже свою социально-экономическую базу, то христианские богословы и апологеты III-IV вв. были глашатаями идущей к власти новой, не помнящей родства провинциальной земельной и чиновной знати: христиане искали в неоплатоновской философии философского венца для своей воинствующей и побеждающей церкви;

неоплатоники цеплялись за древнюю религию, чтобы удержать любыми средствами распадавшиеся античные мировые порядки. Поэтому христиане и неоплатоники, говоря как будто одно и то же, фактически говорили на разных языках и ставили себе противоположные задачи. Исследователи, отмечая идейную близость Порфирия к христианству, недоумевают, откуда у него такая ожесточенная ненависть к этой религии. Недоумение это объясняется неумением этих исследователей видеть политическую и – в конечном счете экономическую

Античные критики христианства А. Б. Ранович filosoff.org
подоплеку идейной борьбы Порфирия против христианства. "Торжествующий зверь" христианства не мог не вызывать ненависти у идеолога истекающего кровью, гибнущего эксплуататорского класса.

Труд Порфирия "Против христиан" в 15 книгах, судя по отзывам церковников и сохранившимся отрывкам, представлял собою выдающееся произведение. Автор обнаруживает огромную эрудицию, крупный полемический талант, глубокое знакомство с христианской и иудейской литературой. Пожалуй, среди аргументов, приводимых Порфирием, не найдется такого, который не был бы использован позднейшей буржуазной критикой евангелий, вплоть до Дрекса. Судя по сохранившимся у Иеронима скудным цитатам и намекам, Порфирий подверг детальному анализу весь Ветхий завет; в частности, в своем разборе книги "Даниил" он предвосхитил выводы современной библейской критики; он установил, что книга эта написана при Антиохе Епифане (около 165 г.), что ее "пророчества" относятся к истекшим уже событиям, а "видения" содержат намеки на современные автору события. Порфирий впервые указал, что так называемые Моисеевы книги не написаны Моисеем, а спустя, как он считает, 1180 лет, Ездрой и его учениками; что это у него не просто догадка, а результат серьезного исследования, можно умозаключить из отрывка у Евсевия и Феодорита; очевидно, Порфирий изучал источники по древней истории евреев. Столь же детально он разбирает и новозаветную литературу. Необходимо отметить, что Порфирий, в отличие от других, вовсе, по-видимому, не прибегал к приему опорочивания личности отдельных христиан или христианской организации в целом и не возводил на них обвинений во всякого рода уголовных преступлениях. Его аргументация достаточно убедительна и без такого рода доводов.

Неудивительно, что отцы церкви наделяют Порфирия самыми оскорбительными эпитетами. Его книга вызвала весьма обстоятельные возражения со стороны церковников. С ответными работами выступили Мефодий Тирский, Евсевий, Аполлинарий и Филосторгий, причем Евсевий посвятил опровержению Порфирия 20 книг, Аполлинарий - 30.

Наиболее сильным, хоть и наиболее кратким, было, однако, опровержение императоров Валентиниана III и Феодосия, которые в 448 г. издали следующий указ: "Императоры Феодосий и Валентиниан Августы - префекту претория Гормизду. Предписываем все, что Порфирий (или кто-либо другой), гонимый своим безумием, написал против благочестивой веры христианской, где бы оно ни было обнаружено, предать огню. Ибо мы хотим, чтобы всякие произведения, вызывающие гнев божий и оскорбляющие душу, не достигали даже до слуха людей". Cod. Just. I, 1, 3; включенные нами в скобки слова "или кто-либо другой" включены, по-видимому, в текст указа уже при Юстиниане. В Cod. Theod. XVI, 5, 66, в эдикте Феодосия и Валентиниана против несториан от 3 августа 435 г., имеется указание на то, что уже для Константина Порфирий был символом нечестивости: "...согласно закону божественной памяти Константина ариане вследствие сходства в нечестивости именуется порфирианами по имени Порфирия..." Указ этот был проведен в жизнь неукоснительно и быстро - уже в апреле того же года он был опубликован даже в самых отдаленных уголках Египта. В результате от огромного труда Порфирия почти ничего не сохранилось. Не лучшая участь постигла и его противников; их опровержения были слишком слабы, чтоб их стоило сохранять, да и, по-видимому, сочли за благо искоренить самое воспоминание об этом противнике, на сокрушительные аргументы которого церковники могли ответить лишь жалким лепетом и апелляцией к "писанию".

Таким образом, если мы в состоянии восстановить больше половины книги Цельса и около трети книги Юлиана против христиан, то от Порфирия мы можем процитировать едва несколько строк. В приведенных ниже отрывках, заключенных нами в скобки, полемизирующие с Порфирием церковники передают лишь мысль Порфирия, но не его подлинное слово. Буквальные цитаты из Порфирия мы имеем лишь у Евсевия (Н. е. VI, 19 и Praer. ev. I, 9 и в параллельных текстах) и, возможно, Иеронима (Comm. in Dan. XI, 44-45). Но если прямых цитат из труда Порфирия почти нет, то косвенных - довольно много, так как у Августина и особенно в найденном лишь в 1867 г. произведении Макария Магнета содержится полемика против возражений язычников и противников христианства, причем эти возражения, несомненно (в некоторых случаях это прямо указано), заимствованы в конечном счете из книги Порфирия.

Установить теперь, какова была композиция труда Порфирия, невозможно. Более или менее определенные данные мы имеем лишь о некоторых книгах из тех 15,

Античные критики христианства А. Б. Ранович filosoff.org которые сохранил труд Порфирия, поскольку у нас есть цитаты со ссылками на книги I, III, IV, XII и XIII (римская цифра перед цитатами в приведенных ниже текстах означает книгу Порфирия, к которой эта цитата относится). Поэтому в расположении материала мы не пытались держаться последовательно порядка книг Порфирия и дали текст Августина и Макария в том порядке, в каком он имеется у этих авторов. Цитаты из Иеронима и Феодорита даны нами по соответствующим томам *Patrologia Latina* (PL) и *Patrologia Graeca* (PG); остальные тексты – по специальным изданиям. Сохранившиеся отрывки составляют лишь незначительную долю труда Порфирия, но они дают довольно ясное представление о характере этого труда, и – главное – содержащаяся в них критика "священного писания" и христианских догматов не утратила своего значения и в наше время. "Еще и теперь Порфирий не опровергнут" – этот вывод виднейшего

протестантского богослова свидетельствует о силе аргументации этого философа.

О ФИЛОСОФИИ ИЗ ОРАКУЛОВ. DE PHILOS. EX ORAC. NAUR.

На вопрос, какого бога надо молить, чтоб отвлечь жену от христианства, Аполлон ответил в стихах следующее:

Легче тебе письма начертать на поверхности моря,

Легче взлетишь ты, как птица, поднявшись на крыльях воздушных,

Нежели женщины ум нечестивый, нечистый исправишь.

Пусть же и дальше она в бессмысленной лжи погрязает,

Пусть воспекает в обманчивых жалобах мертвого бога,

Коего судьи в решении мудром своем осудили,

И среди славных позорная смерть и железо сразили.

Кельнер и Клеффнер полагают, что "in speciosis" относится к Иисусу и означает: "во цвете лет"; мне представляется это толкование неправильным; "in speciosis" здесь противопоставляется "pesima" и относится к слову "смерть".

В этих стихах бог открыл упорство их неисправимой веры, говоря, что иудеи больше чтут бога, чем те...

(...На вопрос, заданный Аполлону, – что лучше, бог, то есть Логос, или закон, Аполлон) ответил стихами, говоря так:

В бога – творца и царя всего сущего, перед которым небо трепещет и море, земля и подземное царство, коего боги боятся; отец – закон для них высший, верно и свято евреями благочестивыми чтимый.

Aug., Civ. Dei XIX 23,2

Конечно, кое-кому покажется неожиданным то, что я скажу: боги провозгласили Христа весьма праведным и вспоминают о нем с большой похвалой; но они говорят, что христиане осквернены, запятнаны и погрязли в заблуждении; они применяют к ним много такой брани... А когда спросили, бог ли Христос, Геката сказала:

Путь бессмертной души, покинувшей тело, ты знаешь.

Если ее отделить от ума, она вечно блуждает.

Благочестивейший муж обладал той душою; а ныне

Чтут ее люди, чья вера совсем на нее не похожа.

Итак, оракул сказал, что он – благочестивейший муж, что душа его, как и души других праведников, обрела после кончины бессмертие и ее чтут невежественные христиане.

Античные критики христианства А. Б. Ранович filosoff.org
А на вопрос, почему же он был осужден, богиня ответила оракулом:

Бренное тело всегда поддается жестоким мученьям,

Души же праведников в небесах обретают обитель.

Но тем существам, которым судьбой не дано обрести дары богов и познание бессмертного Юпитера, та душа (душа Иисуса) дала погрязнуть в заблуждении. Поэтому-то они ненавистны богам - потому что, поскольку им не дано судьбой познать бога и получить дары богов, он (Иисус) роковым образом дал им погрязнуть в заблуждении. Сам же он - праведник и, как все праведники, поднялся на небо. Поэтому его не надо хулить, а надо сожалеть о безумии людей, о возникшей из-за него для них серьезной, неотвратимой опасности.

Евсевий, *Demonstr. ev. Ill* 6,39-7,2 Dindorf

(Что ты можешь считать более заслуживающим доверия, чем признание автора направленного против нас сочинения, которое он дал в третьей книге своего произведения "О философии из оракулов", - вот как это место гласит): Кое-кому покажется парадоксом то, что я намерен сказать. Боги признали Христа весьма праведным и получившим бессмертие и вспоминают о нем с большой похвалой... Когда спросили, бог ли Христос, Геката сказала:

Путь бессмертной души, покинувшей тело, ты знаешь.

Если ее отделить от души, она вечно блуждает.

Благочестивейший муж обладал той душою...

Таким образом (оракул) назвал его благочестивейшим и сказал, что душа его, как и других, после смерти обрела бессмертие, и ей поклоняются невежественные христиане. А когда спросили, за что его казнили, оракул ответил:

Бренное тело всегда поддается жестоким мученьям,

Души же праведников в небесах обретают обитель.

(Вслед за этим оракулом он прибавляет): Итак, сам он праведник и, как все праведники, удалился на небеса; поэтому его не надо хулить, а надо сожалеть о неразумии людей.

(Ср. также лактанций, *Inst. div. IV* 13).

Августин. *Civ. Dei XIX* 23,4

Есть где-то низшие земные духи, подчиненные власти злых демонов. Еврейские мудрецы - а к ним принадлежал и тот Иисус, как ты знаешь по божественным оракулам Аполлона, изложенным выше, - так вот евреи запрещали верующим сноситься с этими злейшими низшими демонами и держали верующих вдали от них; они предписывали почитать больше небесных богов, больше всего бога-отца. Этому и боги наставляют, и мы выше показали, как они убеждают обратить свою душу к богу и приказывают всюду его почитать. Но невежды, нечестивые по природе, которым действительно не дано судьбой получить дары от богов и обрести познание бессмертного Юпитера, не слушают ни богов, ни божественных людей; всех богов они отвергли, а запрещенных демонов не ненавидят, а чтут. Бога же они почитают притворно, не делая того, чем единственно можно выразить поклонение богу. Ведь бог, как отец всего, ни в чем не нуждается, но для нас благо, если мы его почитаем справедливостью, целомудрием и другими добродетелями, тем, что мы самую жизнь превращаем в молитву ему, подражая ему и исследуя его. Ибо исследование очищает, а подражание вызывает любовь к нему, делает нас богами.

ПРОТИВ ХРИСТИАН. CONTRA CHRISTIANOS.

Иероним, *Epist. LVII ad Pammachium* 9=PL, v. 22, p. 575

(Я на этом останавливаюсь не для того, чтобы обличить евангелистов во лжи, - это дело нечестивцев, Цельса, Порфирия, Юлиана, - но чтоб уличить моих противников в невежестве.)

Античные критики христианства А. Б. Ранович filosoff.org
I. Иероним, С от м. in Is., 1.XIV (кис.LIII 12) = PL, v. 24, p. 513

(Те, кто утверждают, что организационные разногласия между Петром и Павлом были действительно ссорой и дракой, угождая таким образом богохульствующему Порфирию...)

I. Иероним, Comm. in en ad Gal., Prologus = PL, v. 26, p. 310-311

(Не поняв этого, (Гал., 2) известный батанеот преступный Порфирий в первой книге своего произведения, направленного против нас, указывает, что Павел порицал Петра за то, что он неправильным путем распространял евангелие; этим он хочет заклеить заблуждение последнего и нахальство первого, а обоих обвинить в измышлении ложных догматов, поскольку князя церкви не согласны между собою.) По-видимому, по имени города Батанея в Сирии, но вместе с тем означает по созвучию также "бодливый".

I. Иероним, Comm. in Matth., 1. I, c. IX = PL, v. 26, p. 56

(В этом месте Порфирий и Юлиан Август обличают либо невежество лживого рассказчика, либо глупость тех, которые сейчас же последовали за спасителем, потому что они якобы без размышления пошли за первым показавшимся человеком, который позвал их.)

III. Евсевий, Hist. eccl. VI 19, 4-8 Dindorf

Некоторые, желая, вместо того чтобы отвергнуть жалкие иудейские писания, найти решение их, обратились к нескладным и несоответствующим (тексту) толкованиям, которые не столько служат оправданию чужих писаний, сколько приносят одобрение и похвалу их собственным. Хвастливо заявив, что ясно сказанное у Моисея представляет собою иносказания, и окружая их благоговением, как оракулы, полные скрытых тайн, они навязывают свои толкования, заглушив в своей ереси способность суждения.

Основоположником этого вида нелепости был весьма прославившийся человек, с которым и я встречался еще в молодости, пользующийся еще и теперь известностью за оставленные им сочинения, - Ориген; он в большой чести у учителей этого направления. Он был слушателем Аммония, который больше всех сделал для успеха философии в наше время. Аммония (умер приблизительно в 242 г.) - основоположник школы неоплатоников, учитель Плотина; никаких сочинений, по-видимому, не оставил, так как пропагандировал свое учение, как Сократ, устно. От этого учителя он получил большую пользу в смысле научной подготовки, но в отношении правильности выбора жизненного пути он пошел по направлению, противоположному от него. Аммоний, будучи христианином и воспитанный в христианской семье, когда стал мыслителем и философом, вернулся к законному образу жизни; то есть к государственной религии, Ориген же, будучи эллином и получив эллинское образование, сбился на дерзостное учение варваров. Отдав ему всего себя и продав ему свои способности ученого, он в личной жизни жил, как христианин и в беззаконии, а в своих воззрениях на общественные дела и богословие остался эллинствующим, приспособляя к эллинским взглядам чуждые им мифы. Он никогда не расставался с Платоном и хорошо был знаком с сочинениями Нумения, Крония, Аполлофана, Лонгина, Модерата, Никомаха и прославленных пифагорейцев. Он пользовался также книгами стоика Херемона и Корнута. Нумений из Апамеи - философ конца II в.; его философия - смесь пифагореизма и платонизма с явно выраженным дуализмом. Сохранились отрывки из его сочинений. Его друг Кроний - комментатор Гомера, которого толковал аллегорически. Аполлофан - софист I в. Кассий Лонгин (213-273 гг.) крупный филолог и литературовед, неоплатоники называли его "ходячим музеем" и "живой библиотекой". Модерат - неопифагореец, вероятно I в., о его жизни и сочинениях мало известно. Никомах (середина II в.) - неопифагореец, писал по вопросам музыки и математики. Его "Введение в арифметику" (метафизическая теория чисел) еще в XII-XIII вв. служило школьным пособием. Херемон, учитель Нерона, писал по грамматике и истории. Его "История Египта" - попытка сочетать египетское богословие со стоической философией. Корнут - стоик I в.; сохранилось его сочинение, содержащее аллегорическое толкование эллинского учения о богах. Ознакомившись с их методом объяснения греческих мистерий, он применил его к иудейским писаниям.

IV. Евсевий, Praep. ev. 19, 20-21 Dindorf = X. 9, 12 Dindorf = Феодорит, Graec. aff. cur. II 27 (PG, v. 83, p. 839). В X, 9 приведенная цитата из Порфирия кончается словами "ассирийской царицы Семирамиды". Текст в обоих

Античные критики христианства А. Б. Ранович filosoff.org местах у Евсевия полностью совпадает с одним только исключением: в 1, 9 царь Бейрута назван Абибал, в X, 9 – Абелбал. По новейшим археологическим данным, правильным надо считать чтение "Аибаал". У Феодорита тоже "Абелбал".

(Упоминает об этом автор направленного против нас произведения в четвертой книге сочинения о нас, свидетельствуя об этом человеке (то есть о Санхуниатоне) в следующих словах):

Весьма достоверную историю иудеев, вполне согласующуюся с местами и именами их, дает Санхуниатон из Берита, получивший записки Гиеромбала, жреца бога Иево; последний передал свою историю беритскому царю Абибалу, а тот и его приближенные исследователи истины одобрили ее. Иево – имя бога Яхве греческие авторы пишут разное: Иаве, Иао и др. У Феодорита здесь "Иао". Санхуниатон – финикийский автор, собравший и истолковавший древнейшее предание, космогонию и теогонию. Известен он только по тем отрывкам, которые приводит из него историк Филон из Библоса (родился в 64 году);

исследователи полагают, без достаточного, впрочем, основания, что Филон выдумал Санхуниатона и издал под его именем свои измышления. Время их падает на эпоху, предшествующую троянской войне, и приблизительно подходит к эпохе Моисея, как об этом говорят списки финикийских рыцарей. Санхуниатон, собравший добросовестно и записавший на финикийском языке всю древнюю историю на основании официальных памятников и жреческих записей, жил во времена ассирийской царицы Семирамиды, которая, как пишут, жила или до троянской войны, или в одно время с ней. Сочинение Санхуниатона перевел на греческий язык Филон из Библоса. Семирамида – мифическая царица Ниневии, про которую всякого рода легенды (о ее богатстве и роскоши) сообщает древний историк Ктесий. Упоминает о ней и Геродот (I, 184).

XII. Иероним, *Apol. adv. libr. Rufini*, 33= PL, v. 23, p. 455

(Впрочем на основании моего утверждения, что Порфирий много высказал против этого пророка, (речь идет о библейском пророке Данииле) причем я сослался на Мефодия, Евсевия и Аполлинария, которые возразили его безумию во многих тысячах строк, – меня можно обвинить за то, что я в своем небольшом предисловии не выступил против книг Порфирия.)

XII. Иероним, *Comm. in Dan. II 46*= PL, v. 25, p. 504

("Тогда царь Навуходоносор пал на лицо и поклонился Даниилу и велел принести ему дары и благовонные курения". На это место клеветает Порфирий): Весьма гордый царь не стал бы поклоняться пленнику, ведь и ликаонцы не захотели принести жертвы ради великих знамений Павла и Варнавы. Порфирий имеет в виду текст Деяний апостолов.

XII. Иероним, *Comm. in Dan. VII 7*= PL, v. 25, p. 530

(Порфирий помещает обоих зверей – Македонского и Римского – в одном царстве – Македонском и различает в них двоих: под барсом ему угодно понимать самого Александра, а зверь, отличный от прочих зверей, – четыре преемника Александра; затем, до Антиоха, по прозванию Епифан, он насчитывает десять царей, которые были весьма свирепы; а самих царей он помещает не в одном царстве, напр.: Македонии, Сирии, Азии, Египте, а помещает в один ряд царей различных царств – для того, очевидно, чтобы сказанное в писании: "уста, говорящие высокомерно", можно было отнести не к Антихристу, а к Антиоху.) (Дан., 7:8). Порфирий, по-видимому, опровергал и вполне правильно – христианское толкование апокалиптических видений в книге Даниила как пророчеств об Антихристе. Порфирий правильно полагает, что автор книги Даниила, живший во второй половине II в. до новой эры, мог иметь в виду только македонских и сирийских властителей, а отнюдь не римских императоров.

XII Иероним, *Comm. in Dan., Praefatio* = PL, v. 25, p. 491

(Даниил не только пишет, что Христос придет, – это у него общее с прочими пророками, – но и указывает время, когда он придет, он называет по порядку царей, перечисляет годы и предвещает вполне явные знамения. Порфирий, видя, что все это исполнилось, и не будучи в состоянии отрицать факты, под давлением исторической истины ударился в клевету и утверждает на том основании, что деяния кое в чем сходны, будто) то, что говорится об

Античные критики христианства А. Б. Ранович filosoff.org
Антихристе и должно совершиться при конце света, уже совершилось при Антиохе. (Слова Даниила внушают такое доверие, что даже неверующие считают, что пророк не говорил зря, а рассказал то, что уже было.) В этом отношении Порфирий вполне прав: как и вся апокалиптика и "пророческие" книги, автор книг Даниила дает *vaticinium post eventum*, то есть, приписав авторство книги мифическому лицу, жившему якобы при царе Навуходоносоре, он сообщает об истекших событиях вплоть до своего времени (приблизительно 165 г. до новой эры) как о событиях будущих, которые пророк "предвидел" и "предсказал".

XII. Иероним, *Comm. in Dan.* XI 44-45 = PL, v. 25, p. 573

(И в этом месте Порфирий несет какой-то невероятный вздор об Антиохе): Сражаясь против египтян и проникши в Ливию и Эфиопию, он услышит, что против него затеваются бои с севера и востока; он поэтому возвратится, сломит сопротивление арадийцев и произведет опустошения на морском берегу в финикийской провинции. Немедленно он выступит против армянского царя Артаксия, который двинется с востока и, перебив значительную часть его войска, раскинет свою палатку в местности Апедно, которая расположена между двумя широчайшими реками - Тигром и Евфратом... "И дойдет до вершины той горы" в провинции Элимаиде, составляющей крайнюю восточную область Персии. Там, желая разграбить храм Дианы, владевший неисчислимыми богатствами приношений, он был обращен в бегство варварами, относившимися к этому святилищу с редким благоговением, и умер с горя в персидском городе Табес. Этот отрывок, который Иероним передает, по-видимому, буквально, показывает, что Порфирий, основательно комментируя книгу Даниила, старается перевести сумбурные "видения" автора на язык исторических фактов.

XIII Иероним, *Comm. in Is.*, 1. IX (к и с. XXX 2) = PL, v. 24, p. 339

(Сила фараона здесь выражена словом *maoz*, так же как в конце видения Даниила, (Дан., 11:38) *mauzim* мы должны понимать не, как болтает Порфирий), "бог селения Модин", (а - "могучий", "сильный" бог).

XIV. Иероним, *Comm. in Malh.*, 1. IV = PL, v. 26, p. 178

(К XXIV, 16. По поводу этого места, то есть "о мерзости запустения", о которой говорит пророк Даниил как о находящейся в святом месте, много богохульствовал Порфирий в тринадцатой книге своего сочинения против нас;

ему ответил Евсевий, епископ Кесарейский, в трех томах -восемнадцатом, девятнадцатом и двадцатом. Аполлинарий тоже написал обширный труд.)

Иероним, *Hebr. Quaest. in Genesim* (к I 10) = PL, v. 23, p. 939

(Напрасно Порфирий клеветает на евангелистов, что они, желая создать у неосведомленных людей представление о чуде, когда господь ходил по морю, назвали Генисаретское озеро морем.)

Иероним, *adv. Pelag.* II 17 = PL, v. 23, p. 553

(Ев. Иоанна 7: 10 гласит: "Но когда пришли братья Его, тогда и Он пришел на праздник, не явно, а как бы тайно", а раньше он сказал, что не пойдет (VII, 8). Сказал, что не пойдет, и сделал то, что раньше отрицал. Порфирий ругает его за непостоянство и обвиняет в изменчивости.)

Иероним, *Comm. in Dan.* 11 = PL, v. 25, p. 495

(Порфирий, не зная этого, (Порфирий полагает, что в Евангелии от Матфея (1:11-12) пропущено после Иоакима одно звено в родословной Иисуса) сочиняет клевету против церкви, обнаруживая свое невежество в своих попытках доказать лживость евангелиста Матфея.)

Евсевий, *Praep. ev.* VI, 10 Dindorf = Феодорит, *Graec. aff. cur.* XII 179 (PG, v. 83, p. 1151)

Ныне удивляются, почему, когда в течение стольких лет постигла город болезнь, не видно еще пришествия Асклепия и других богов. Потому что, когда почитают Иисуса, никто не чувствует никакой общественной пользы от богов.

Августин, *Civ. Dei* X28

(Невежество и многие вытекающие из него пороки никакими таинствами очистить нельзя, а только посредством разума отца (patríkos nous), который знает отцовскую волю. Но Христос не есть этот разум. Разум божий не стал бы рождаться из чрева женщины, не снес бы позорной казни.)

Феодорит, Graec. aff. cur. 16=PG, v. 83, p. 793

(...варвары узнали об истинном боге не только в Египте от египтян, но и от евреев. Об этом говорит и беотиец Плутарх, об этом учил и Порфирий, бесновавшийся против истины.)

Виламовиц-Меллендорф думает, что отрывок из антихристианского произведения мы имеем, кроме того, у Евсевия Praer. ev. 4. Правильно отмечая, что корявая конструкция фразы у Евсевия в этом месте свидетельствует о включении им в свое изложение чужой речи, Виламовиц пытается сконструировать примерно такую цитату: "В качестве кого христиане пришли к своему учению - в качестве эллинов или варваров (третьего ведь нет)? Что у них за программа и образ жизни (об их проповеди я не говорю она для всех ясна)? Ведь мы видим, что они и по-эллински не мыслят, и варварского учения не придерживаются..."

Они - нечестивые безбожники, отвергнувшие отечественных богов, благодаря которым держится всякий народ и всякое государство... Какое оправдание возможно для тех, кто отвернулся от богов, которых почитают от века эллины и варвары по городам и весям, цари, законодатели, философы, совершающие в их честь жертвоприношения, процессии и таинства, а для себя отобрали то нечестивое и безбожное, что есть в людях?" и так далее

Аргументация Виламовица, доказывающего, что здесь не просто изложение обычного довода против христианства, а буквальная цитата, звучит убедительно. Но что касается Порфирия как автора приведенной цитаты, то здесь знаменитый филолог руководствуется исключительно своей интуицией и никаких конкретных положительных доводов не приводит. Поэтому нет основания включить эту цитату (даже если это действительно цитата) в число отрывков из книги Порфирия: См. U. von Wilamowitz-Möllendorf - Ein Bruchstück aus des Schrift des Porphyrius gegen die Christen. "Zeitschr. für Neutest. Wiss." I, 1900, с. 101 ff.

В 408 г. Августин написал в виде письма к пресвитеру Деограциасу ответ на 6 "вопросов", задаваемых язычниками (Sex quaestiones contra paganos expositae). Послание построено таким образом, что сначала излагается "вопрос" или возражение язычника, а затем дается опровержение, 5-й и 6-й вопросы не принадлежат Порфирию, об этом прямо говорит Августин (с. 28, 30), но в вопросах 2-м и 4-м Августин прямо ссылается на Порфирия, от которого исходят, по-видимому, и вопросы 1-й и 3-й (qui eas ex Porphyrio proposuit с. 28). Однако вряд ли все вопросы представляют собою буквальные цитаты из книги Порфирия.

Августин, е р. 102 (49), с. 2. Вопрос первый

Некоторых беспокоит и они допытываются, какое из двух воскресений соответствует обещанному верующим - воскресение Христа или Лазаря. Если, говорят они, - Христа, то как может воскресение того, кто родился без всякого семени, походить на воскресение рожденных от семени? Если же утверждать, что воскресение Лазаря соответствует, то и это, по-видимому, нескладно получается. Ведь воскресение Лазаря произошло при еще не разложившемся теле (Ин., 11: 43), тогда как наше воскресение произойдет через много веков, когда тело распадется. Далее, если после воскресения будет блаженное состояние, когда тело не будет знать повреждений, не будет нужды в голоде, то что означает, что Христос ел и показал свои раны? После воскресения. Если он сделал это (притворно) ради неверующего, (апостола Фомы, прозванного "неверующим") то он совершил обман. Если же он показал то, что есть на самом деле, то, значит, после воскресения возможны еще раны?

Августин, I. c., с. 28. Вопрос второй

Если Христос называет себя путем ко спасению, благодатью и истиной, если только в себе одном полагает возможность возврата для душ, в него верующих, - то что же делали люди столько веков до Христа? Уж не стану

Античные критики христианства А. Б. Ранович filosoff.org говорить о временах, предшествующих основанию царства в Лациуме; допустим, что человечество существует только со времен Лациума. Согласно римской традиции, основанием римской державы послужило образование царства в Лациуме, где главным городом была Альба-Лонга. Так ведь в самом этом Лациуме богов почитали еще до основания Альбы. В Альбе также была религия и храмовые обряды. Немалое число столетий сам Рим просуществовал в течение долгих веков без христианского закона. Что же случилось со столь неисчислимыми душами, которые все были безгрешны, – ведь тот, в кого можно было уверовать, не удостоил еще людей своим пришествием? Весь мир и сам Рим блистали обрядами и храмами. Почему же так называемый спаситель в течение стольких веков скрывался? Пусть не говорят, что о роде человеческом имел попечение Ветхий завет иудеев; ведь иудейский закон появился гораздо позже и действовал в небольшой области Сирии; лишь впоследствии он проник в пределы Италии, но это было уже после цезаря Гая (Калигулы) или, во всяком случае, в его правление. Что же, в таком случае, случилось с римскими или латинскими душами, которые лишены были милости еще не явившегося Христа до эпохи цезарей?

Августин, I. c., с. 16. Вопрос третий

Они осуждают богослужebные обряды, жертвы, курения и прочее, применяющееся в храмовом культе, а ведь этот самый культ создан ими или богом, которого они почитают, в самые древние времена; бог, по их представлениям, нуждался даже в первинках!

Августин, 1. c., с. 22. Вопрос четвертый

Христос угрожает тем, кто в него не верует, вечными муками, а в другом месте он говорит: "Какой мерой мерите, и вам будут мерить" (Мф., 7: 2). Довольно смешно и противоречиво. Ибо, если он намерен наказать в меру, а всякая мера ограничена пределом времени, то какой смысл имеют угрозы вечными муками?

С 1876 г. к сохранившимся отрывкам из книги Порфирия прибавился значительный по объему и содержанию материал, заключенный в апологетическом труде Макария Магнета "Αροκρίτικος". Интересна судьба этой книги. В XVI в. иезуит Франциск Турриснус цитировал рукопись Макария, находившуюся в венецианской библиотеке; но впоследствии рукопись пропала. В 1867 г. француз Blondel обнаружил другую рукопись книги Макария у хранителя афинской библиотеки Апостолидеса. Blondel тщательно скопировал рукопись и стал готовить книгу Макария для печати, но умер, не успев довести дело до конца. Издана была книга лишь в 1876 г. другом Blondel Фукаром. Когда после смерти Апостолидеса вдова захотела продать рукопись, ее в бумагах покойного не оказалось; не нашли ее также ни в делах Blondel, ни в афинской библиотеке, и где она сейчас находится, – неизвестно. Но печатное издание сделано Blondel и Фукаром настолько тщательно и добросовестно (Blondel сохранил даже имевшиеся в рукописи явные описки и орфографические ошибки), что пропажа рукописи существенного значения не имеет.

От труда Макария, состоявшего из 5 книг, сохранились только кн. II (без первых 6 глав), III и IV. Автор построил свою книгу в виде диспута, который в течение 5 дней ведут между собою язычник и христианин в присутствии многочисленной аудитории, причем язычник ставит ряд вопросов, вернее – выдвигает ряд возражений, на которые потом Макарий отвечает (пример этого мы видели в послании Августина к Деограциасу). Совершенно очевидно, что *quaestiones* язычника Макарий заимствовал из книги, направленной против христиан, так как сам он не мог их выдумать в столь развитом виде и в столь резком тоне. Там, где Макарий пишет сам, то есть в своих ответах, он значительно слабее во всех отношениях, чем его мнимый противник. Что автором антихристианского сочинения, которым воспользовался Макарий, был – прямо или посредственно – Порфирий, сомнений нет. К тем весьма веским аргументам в пользу этого мнения, которые приводит Гарнак, мы считаем необходимым присоединить еще и тот довод, что, как это совершенно очевидно при чтении Макария, книга, которой он пользовался, была значительна по объему, содержала подробную критику христианского учения и автор ее, несомненно, хорошо знал Библию, греческую литературу и эллинскую философию; между тем, если бы существовала когда-либо другая книга против христиан, столь же солидная, как и труд Порфирия, то совершенно невозможно, чтоб даже имя ее автора не сохранилось.

Другое дело, пользовался ли Макарий трудом Порфирия непосредственно или из

Античные критики христианства А. Б. Ранович filosoff.org вторых рук. Последнее более правдоподобно, так как сам Макарий, по-видимому, не знал, что имеет дело именно с Порфирием. Из многочисленных высказываний Евсевия, Иеронима и Августина мы знаем, что Порфирий имел много последователей, что наиболее меткие его аргументы ходили по рукам и, без сомнения, в обращении находились более или менее обширные выдержки из его книг против христиан. Такой сокращенный Порфирий был, надо полагать, в распоряжении Макария.

Книга Макария была написана в конце IV в.; автор ее, вероятно, тождествен с епископом Макарием из Магнезии, участником Эфесского собора 403 г.

Приводимые отрывки переведены с греческого текста, опубликованного Ад. Гарнаком: Harnack Ad. Die im Apocriticus des Macarius Magnes enthaltene Streitschrift. Texte u. Untersuchungen B XXXVII, N. 4, Leipzig, 1911.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Кн. I потеряна. Никифор I, патриарх константинопольский (806-815), цитирует гл. 6 книги I в своем "Antirrhētica"; из цитаты видно, что Порфирий подвергает критике сообщение ев. Матфея (9:20 сл.) о кровоточащей женщине.

КНИГА ВТОРАЯ

Главы 1-6, содержавшие вопросы противника, отсутствуют. Из ответов Макария (гл. 7-11) видно, что противник выдвигал следующие аргументы:

1) Мф., 10:34 сл. - "не мир пришел я принести, но меч" и так далее Порфирий находит меч неподходящим оружием для пропаганды веры.

2) Мф., 12:48 - 49 - "кто Матерь Моя? и кто братья Мои?" и так далее. В чем в точности заключалось возражение Порфирия, нельзя установить; возможно, что он критиковал это место с той же точки зрения, что и Цельс.

3-4) М.к., 10:18 - "никто не благ, как только один Бог". Лк., 6:45 "добрый человек из доброго сокровища сердца своего выносит доброе". Порфирий, по-видимому, указал на противоречивость этих положений.

5) Мф., 17:15 - "господи! помилуй сына моего; он в новолуния беснуется" (по-гречески - *selēnīazetai*, от слова *selene* - луна); Порфирий отсюда заключил, что христиане считают луну причиной бесноватости.

6) Ин., 5:31 - "если я свидетельствую Сам о Себе, то свидетельство Мое не есть истинно"; отсюда Порфирий заключил, что Иисус сам свидетельствует о ложности показаний о нем.

Гл. 12. Евангелисты - выдумщики, а не историки деяний Иисуса. Все они написали отчеты о страстях, не согласующиеся между собою, а совершенно разноречивые. Один рассказывает, что распятому некто поднес губку, напитанную уксусом (это - Марк), (Мк., 15:36; слова "это - Марк" отсутствуют в тексте, но, как видно из дальнейшего, эта вставка необходима) другой рассказывает иначе: "Пришедши, говорит, на место, называемое Голгофа, дали ему пить вино, смешанное с желчью; и, отведав, не хотел пить" и вслед за тем: "А около девятого часа возопил Иисус громким голосом: элоим, элоим, лема савахтани, то есть - Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?" Это - Матфей. Мф., 27:34, 46; в русском тексте вместо "вино" читают "уксус";

вместо "элоим" в каноническом тексте читаем "эли". Другой говорит: "Тут стоял сосуд, полный уксуса, и вот, привязав сосуд, полный уксуса, к иссопу, (в каноническом тексте Евангелия от Иоанна (19:29) сказано:

"напоив уксусом губку и наложив на иссоп") поднесли к устам его. Когда же Иисус вкусил уксуса, он сказал: "Свершилось" и, наклонив голову, испустил дух". Это Иоанн. Другой рассказывает:

"И, возгласив громким голосом, сказал: "Отче! в руки Твои предаю дух Мой". Лк., 23:46. Это, оказывается, Лука. Из этого блеклого и противоречивого рассказа можно сделать вывод, что речь идет не об одном, а о нескольких пострадавших. В самом деле, если один говорит: "В руки Твои предаю дух мой", другой: "Свершилось", третий:

Античные критики христианства А. Б. Ранович filosoff.org
"Боже Мой, Боже Мой, для чего Ты Меня оставил?", а другой: "Бог, Бог Мой, для чего Ты Меня поносишь?", то очевидно, что это противоречивое повествование относится к нескольким распятым либо к одному, но столь тяжело борющемуся со смертью, что не мог дать присутствующим ясного представления о своем страдании. В каноническом тексте Евангелия от Матфея этой фразы нет, но она имеется в некоторых рукописях. Если же евангелисты, не будучи в состоянии рассказать правду о способе его смерти, сочинили поэму об этом, то и обо всем остальном они не могли сообщить ничего достоверного.

13. А что они насчет всех обстоятельств его смерти высказали только догадки, доказывается и из другой главы; в самом деле, Иоанн пишет: "Но, придя к Иисусу, как увидели Его уже умершим, не перебили у Него голени, но один из воинов копьем пронзил Ему ребра, и тотчас истекла кровь и вода". (Ин., 19:33-34) Это говорит только Иоанн, а из прочих никто. Поэтому он хочет сам быть для себя свидетелем; он говорит: "И видевший засвидетельствовал, и истинно свидетельство его"; (Ин., 19:35) это, на мой взгляд, заявление пустослова, ибо как может быть истинным свидетельство, если то, к чему оно относится, не имело места? Свидетельствовать можно о том, что есть, а о том, чего нет, как можно дать показание?

14. Есть и другой рассказ, который может изобличить беспочвенность этого учения, - рассказ о его воскресении, о котором болтают. Чего ради Иисус после страстей своих и, как вы говорите, воскресения своего не явился Пилату, казнившему его, хотя и заявившему, что тот ничего не совершил достойного смерти, или Ироду, царю иудейскому, или первосвященнику иудейскому, или сразу многим достойным доверия лицам, особенно римскому сенату и народу, чтобы они прониклись удивлением перед его деяниями и не стали общим приговором осуждать на смерть его последователей за нечестивость? А между тем он является Марии Магдалине, простой женщине, которая прибыла из какой-то весьма жалкой деревушки и была некогда одержима семью демонами, а с нею - другой Марии, тоже совершенно ничтожной деревенской женщине, и нескольким другим не очень приметным людям; а ведь Матфей говорит, что Иисус предвещал иудейскому первосвященнику, говоря: "Отныне узрите Сына Человеческого, сидящего одесную силы и грядущего на облаках небесных" (Мф., 26:64). Если б он явился людям значительным, то через них все уверовали бы, и ни один судья не стал бы наказывать их, как измышляющих диковинные сказки; а ведь ни богу, ни разумному человеку не должно быть приятно, чтобы многие из-за него подвергались наихудшим наказаниям.

15. Если кто прочтет и следующий написанный в евангелии вздор, он вполне узнает, что там сказано нечто чудовищное, там, где говорится: "Ныне суд миру сему;

ныне князь мира сего изгнан будет вон" (Ин" 12:31). В самом деле, скажи мне, ради бога, что это за суд тогда свершился и что это за князь мира сего? Если вы скажете - император, то он ведь не единый владыка, в мире много властителей, - да и он не был изгнан. Если же вы скажете, что речь идет о некоем уопостигаемом, бестелесном, то такого нельзя изгнать вон; ибо куда можно выгнать того, кто является властителем мира? Если бы вы сказали, что есть где-то другой мир, куда князь будет изгнан, то это еще было бы для нас правдоподобным рассказом. Но раз нет другого - ведь невозможно, чтобы существовали два мира, - то куда будет изгнан князь, если не в тот же мир, где он находится? Но как может кто-либо быть изгнан туда, где он находится? Не так ли, как глиняный сосуд, который, если его разбить, выбрасывает свое содержимое? Однако ведь не в пустое пространство, но в другое тело - в воздух ли, в землю или во что-нибудь другое. Итак, если бы подобным образом - что невозможно - мир разбился и его содержимое было выброшено вовне, каково же то внешнее пространство, куда оно будет выброшено? Какова особенность этого пространства, какова его высота, глубина, длина, ширина? Ведь только обладая этим, если оно все это имеет, оно является миром. А какова причина изгнания князя, как чуждого миру? И как это он, будучи чужим, мог обладать властью? Далее, как его изгоняют добровольно или насильно? Очевидно, насильно; это явствует из способа выражения: изгоняемое изгоняется против воли. А ведь несправедливость совершает тот, кто творит насилие, а не тот, кто терпит насилие! Такую нелепость евангелий можно преподносить бабам, а не мужчинам. Если бы мы хотели подробнее исследовать подобные (евангельские рассказы), мы бы нашли тысячи нелепых рассказов, не содержащих ни одной крупинки разума.

16. Давай послушаем и ту речь к иудеям во время праздника кущей, которая

Античные критики христианства А. Б. Ранович filosoff.org гласит так: "Вы не можете слышать слова Моего. Ваш отец диавол; и вы хотите исполнять похоти отца вашего" (Ин., 8:43-44). Что же это за дьявол – отец иудеев? Разъясни нам это. А те, кто исполняют "похоти" отца, поступают порядочно, подчиняясь мнению отца и выказывая ему почтение. Если же отец дурной, то не следует винить в этом зле детей. Кто же этот отец, чьи похоти они исполняли и потому не слушали Христа? В то время как иудеи говорят: "Одного отца имеем – бога", Иисус отменяет это утверждение, говоря: "Ваш отец – диавол", то есть вы происходите от дьявола. Итак, кто же он, этот дьявол, где он и кого он оклеветал, что получил это прозвище? Первоначальное значение греческого слова *diabolos* – "клеветник"; мы поэтому в дальнейшем до конца главы вместо "дьявол" переводим "клеветник", иначе все возражения Порфирия будут непонятны. По-видимому, это не основное его имя и он получил его по какому-то поводу. Расследуем надлежащим образом, что можно здесь узнать. Если он называется клеветником за клевету, то перед кем он совершил этот предосудительный поступок? Придется признать и в данном случае того, кто приемлет клевету, легкомысленным, а сильнее всего обиженным оклеветанного. Мы увидим, что совершившим несправедливость является отнюдь не клеветник, но давший повод к клевете. Ведь тот, кто ночью положил на дороге столб, подлежит ответственности, а не тот, кто наткнулся на него и упал; обвинение падает на того, кто водрузил столб; точно так же тот, кто дал повод к клевете, сам больше виноват, а не тот, кто ее подносит и кто ее подхватывает. Вот что еще скажи: клеветующий одержим страстями или бесстрастен? Если он бесстрастен, он не стал бы клеветать; если же он одержим страстями, он заслуживает снисхождения. Ведь никого не судят как преступника, если он страдает от физических болезней, напротив – все его жалеют как страдальца.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

1. Как это Иисус дал себя распять с позором? Почему Христос, когда его привели к первосвященнику и к прокуратору, ничего не сказал, что было бы достойно мудрого и божественного человека, нечто такое, что могло бы просветить судью и присутствующих и исправить их, а позволил, чтоб его били тростью, чтоб на него плевали и увенчали его терниями. Почему он не поступил, как Аполлоний, который, произнесши смелую речь перед императором Домицианом, исчез из дворца и через несколько часов открыто показался всем в городе Дикеархии, называющемся теперь Путеоли? В жизнеописании легендарного греческого философа и чудотворца Аполлония Тианского рассказывается, что, когда Домициан вызвал его на суд по обвинению в колдовстве, он произнес смелую защитительную речь и исчез чудесным образом из зала суда (Филострат). А если уж Христос должен был пострадать по предписанию бога, то ему следовало подчиниться наказанию, но претерпеть страдания, по крайней мере, после яркой, свободной речи:

ему следовало произнести перед судьей Пилатом серьезные, мудрые слова, а не подвергнуться поношениям, как первый встречный из подонков общества.

2. Как понимать: "Если возможно, да минет меня чаша"?

Право, полны неясности, проникнуты невежеством и те слова, которые Иисус сказал своим ученикам: "Не бойтесь убивающих тело" (Мф., 10:28); а сам он в смертной тревоге в ожидании страшного не спал, в молитве просил, чтоб миновало его страдание, а ученикам сказал: "Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение" (Мк" 14:38). Эти речи недостойны сына божьего и даже (просто) мудрого человека, презирающего смерть.

3. Как понимать: "Если бы верили Моисею, то поверили бы и мне"?

Верхом неясности мне представляется также сказанное в евангелии: "Если бы вы верили Моисею, то поверили бы и мне, потому что он писал о мне" (Ин., 5:46), а между тем от Моисея ничего не сохранилось, ибо все его произведения, говорят, сгорели вместе с храмом, а то, что написано под именем Моисея, написано через 1180 лет после смерти Моисея Ездрой и его людьми. А если бы даже допустить, что это сочинения Моисея, то нельзя доказать, что где-нибудь Христос назван богом, или богом-словом, или демиургом. Вообще, кто говорил о распятии Христа?

4. Что это за рассказ о свиньях и бесах? Если же, желая поговорить и о том повествовании, – ...то, что там сказано, представляется действительно ловким враньем, так как Матфей говорит, что два беса вышли из могил навстречу Иисусу, затем, испугавшись Христа, вошли в свиней и многих убили; а Марк,

Античные критики христианства А. Б. Ранович filosoff.org
не задумываясь, присочинил колоссальное число свиней. Вот как он пишет
(Мк., 5:8-13; текст здесь сильно расходится с каноническим

как по изложению, так и по строению фраз и грамматическим формам): "Он сказал ему: выйди, дух нечистый, из сего человека. И спросили его: как твое имя? И тот ответил... потому что много... И просил его, чтобы он не выслал его вон из страны. Находилось же там пасущееся стадо свиней; и просили его бесы, чтобы он позволил им войти в свиней. И низринулись со скалы в море около 2000 и утонули, а пастухи бежали". Какая сказка, какой вздор, какая воистину чрезмерно смехотворная выдумка! Двухтысячное стадо свиней побежало в море и погибло, утонув! Как можно, слушая, как бесы просят, чтоб их не отправили в бездну, а Христос затем по их просьбе не отправил их, а наслал их на свиней, - как можно не воскликнуть: фу, какое невежество! фу, какое комическое заблуждение - внять просьбе духов-убийц, причиняющих большой вред миру, и позволить им то, чего они хотели! А хотели эти бесы веселиться в жизни и неустанно превращать мир в забаву; они хотели смешать землю и море и превратить вселенную в печальное зрелище; они хотели потрясти стихии в их основах и привести к гибели мироздание. Поэтому этих умысливших зло против человека, этих архизлодеев следовало бросить в ту самую пропасть, которой они страшились, а не, разжалобившись их мольбами, позволить им натворить другую беду. Ибо, если это действительно правда, а не, как мы доказываем, выдумка, то рассказ этот уличает Христа в большом грехе - что он, изгнав бесов из одного человека, наслал их на бессловесных свиней, напугал всякими страхами пастухов, заставил их бежать в смятении, без памяти и навести ужас на город слухами о происшедшем. А ведь следовало загладить вред, причиненный не одному, двум, трем или тридцати людям, а всем людям, тем более что, согласно свидетельствам о нем, Христос ради этого и явился в мир. А просто одного освободить от невидимых оков, чтоб незаметно наложить их на других, или благополучно избавить кое-кого от страхов, чтоб ввергнуть в страх других, - это нелепо; ибо это правильно будет назвать не исправлением зла, а злодеянием. Далее, тот, кто удовлетворяет просьбу врагов поселиться и жить в другой местности, поступает подобно царю, который, не будучи в состоянии изгнать варваров из всей страны, переводит их на жительство из одного места в другое и, освобождая от бедствия одну область, отдает другую во власть бедствия. Если, следовательно, и Христос подобным образом, не будучи в состоянии тогда прогнать беса из пределов области, направил его в стадо свиней, то это поистине чудовищно и может осквернить слух; но вместе с тем это вызывает и дурное подозрение. Всякий здравомыслящий человек, услышав об этом и сразу оценив этот рассказ, вынес бы свой приговор об этом деле в таком смысле: если он освобождает от зла не всю поднебесную, но прогоняет вредоносные силы в разные страны и о некоторых печется, а о других не заботится, то бежать к нему и искать у него спасения - дело неверное; ибо спасенный огорчается судьбой неспасенного, а неспасенный винит спасенного. Поэтому, на мой взгляд, изложение этой истории - выдумка. Если же это не выдумка, а близко к истине, то здесь есть над чем посмеяться любителю. Исследуем вот хотя бы следующее: как это в стране иудейской паслось тогда такое множество свиней - самых грязных животных, издавна ненавидимых иудеями, и как это все эти свиньи утонули при наличии не глубокого моря, а озера? Но в этом предоставим разбираться младенцам!

5. Что значит: "легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, чем богатому в царство божие"? Приводимые здесь и ниже выдержки из Библии не всегда соответствуют русскому синодальному переводу.

Разберем еще одно речение, еще более нелепое, а именно: "удобнее верблюду пройти сквозь игольное ушко, чем богатому в царство божие". (Мф., 19:24) Таким образом, если какой-нибудь богач, воздерживавшийся в жизни от грехов - убийства, воровства, прелюбодеяния, отравлений, клятвопреступления, осквернения могил, порока святотатства, не может войти в так называемое царство небесное, то какая польза праведнику от его праведности, если он случайно богат? С другой стороны, что препятствует беднякам совершать всякие нечестивые преступления? Ведь (по-вашему) не добродетель открывает человеку небеса, а бедность и материальная нужда; ибо если богатство запирает небо перед богатым, то на основании принципа противоположности бедность вводит в него бедных. Естественно, что человек, воспринявший это учение, ни во что не будет ставить добродетель и будет неуклонно стремиться только к бедности и к самому позорному, раз бедность способна спасти бедного, а богатство закрывает перед богатым чистую обитель. Мне поэтому думается, что эти слова исходят не от Христа, если он вообще преподал образец истины, а от наших бедняков, желавших путем такой болтовни отнять

Античные критики христианства А. Б. Ранович filosoff.org имущество богатых. Действительно, совсем недавно, всего только вчера, они читали перед благообразными женщинами: "Продай свое имущество и отдай нищим и будешь иметь сокровище на небесах" (Мф., 19:21) и убедили их раздать бедным имения, которыми они владели, и имущество, а самим, впав в нужду, побираться, перейти от независимости к низкому попрошайничеству, сменить благосостояние на жалостливое лицо и в конце концов быть вынужденными скитаться при домах имущих. А ведь это первая, вернее, последняя обида и несчастье – под предлогом благочестия лишиться имущества и под давлением нужды желать чужого. Поэтому это изречение кажется мне исходящим от унылой женщины.

6. Что значит: "около же четвертой стражи ночи он пошел по морю"? Мк" 6:48.

Давай раскроем и тот евангельский текст, который и вообще написан смехотворно, особенно же смехотворно повествование, что, когда Иисус после трапезы послал вперед своих учеников плыть по морю, он явился к ним в четвертую ночную стражу, когда они бедствовали от сильной бури, так как всю ночь боролись с яростью волн (а четвертая ночная стража, это – десятый час ночи, после которой остается еще три часа). Так вот те, кто правильно сообщают об этой местности, говорят, что там нет моря, а небольшое образовавшееся из реки озеро под горою в направлении Галилеи у города Тивериады; даже на маленьком челноке легко переплыть его не больше чем в два часа, и ни волнение, ни буря на нем не могут разыграться. Итак, Марк выходит далеко за пределы истины, когда пишет весьма нелепым образом этот рассказ о том, что, когда прошло десять часов, Иисус в десятый час, то есть в четвертую ночную стражу, явился и нашел своих учеников приплывающими по луже. Далее, он называет ее морем, и не просто морем, но бурным, свирепствующим, яростно бушующим в смятении волн, чтоб затем вывести Иисуса как свершившего какое-то великое чудо тем, что укротил сильную, необыкновенную бурю и спас учеников, находившихся на краю гибели, от бездны и моря. По таким детским рассказам мы видим, что евангелие – ловкая комедия. Мы разберем каждый рассказ подробнее.

7. Что значит: "нищих всегда имеете, а меня не всегда имеете"?

Сейчас, нашедши другое несообразное словечко, сказанное Христом ученикам своим, мы решили и его не обойти молчанием; он говорит: "Нищих всегда имеете, меня же не всегда". Поводом для этого заявления послужило следующее: некая женщина, принеши сосуд с миром, вылила его на его голову, а когда ученики увидели это и стали порицать неуместность этого поступка, он сказал: "Что смущаете женщину? она доброе дело сделала для Меня: ибо нищих всегда имеете с собою, а Меня не всегда имеете". Мф., 26:10-11.

Те немало роптали, что лучше не продали миро за большую цену и не роздали нищим на пропитание; за эти неуместные якобы речи он и произнес эту глупую фразу, сказав, что не всегда будет с ними, а ведь он в другом месте уверял их и говорил: "Я буду с вами до скончания века". Мф., 28:20; в каноническом тексте вместо "я буду с вами": "я с вами". Но, когда он обиделся за миро, он стал отрицать, что будет всегда с ними.

15. Много разговоров вызвало речение учителя, которое гласит: "Если не будете есть плоти моей и пить крови моей, то не будете иметь жизни в себе". Ин., 6:53; в каноническом тексте вместо "плоти моей": "плоти сына человеческого". Это уже действительно не зверство и не нелепость, но нелепее всякой нелепости и более дико, чем любое зверство, – вкушать человеческое мясо, пить кровь единоплеменника и единокровного и, поступая так, иметь жизнь вечную! Какую, скажи мне, чудовищную дикость вы вводите в жизнь, делая это? Какое другое вы можете совершить новое преступление, более проклятое, чем эта гнусность? Ухо не переносит – не говоря уже о самом этом деянии, – но даже речи об этом новом, неслыханном мерзостном деле;

даже фантазии эриний не внушили живущим в изгнании такого бреда, даже жители Потидеи, если бы их не истощил нечеловеческий голод, не пошли бы на это. Было когда-то такое тиестово пиршество из-за братской вражды: фракиец Тереи невольнo насытился такой пищей; Гарпаг, обманутый Астиагом, поел мяса любимейшего (сына); но все они невольнo подчинились этой мерзости. Эринии в греческой мифологии женские божества, демоны мести, преследующие убийц и внушающие им бред и страшные видения. По преданию, во время осады Потидеи (431-429 гг. до новой эры) жители города вынуждены были прибегнуть к

Античные критики христианства А. Б. Ранович filosoff.org людоедству. Согласно греческому мифу, жена фракийского царя Терей из ревности убила его сына Итиса и мясо подала Терее к обеду. Греческий историк Геродот рассказывает (I, 119), что персидский царь Астиаг, желая наказать своего приближенного Гарпага, велел убить его сына, мясо сварить, и во время пира "Гарпагу подали мясо его родного сына, кроме головы, ручных и ножных пальцев, которые лежали отдельно в закрытой корзине. Когда, казалось, Гарпаг насытился, Астиаг спросил, доволен ли он яством; тот отвечал, что очень доволен. Тогда слуги поднесли Гарпагу прикрытую голову, его сына, руки и ноги, предлагая открыть корзину. Гарпаг последовал приглашению и, открыв корзину, увидел останки своего дитяти..." Фтейрофаги – пожиратели вшей – и ризофаги – травоядные люди – плоды фантазии невежественных древних географов. Никто, конечно, живя в мирной обстановке, не устраивает в жизни подобной трапезы; ни один учитель не преподавал ученику такого мерзкого учения. Если ты в своих исторических изысканиях обратишься к скифам или доберешься до долговечных эфиопов, если ты объедешь вокруг океана, ты найдешь фтейрофагов и ризофагов, услышишь о людях, питающихся гадами и мышами, но от человеческого мяса всюду воздерживаются. Что же означает та фраза? Если она в аллегорическом смысле даже содержит что-то более таинственное и ценное, то запах этого изречения, проникая как-то внутрь, оскверняет самую душу, возмущая ее чувством отвращения, портит весь смысл тайны, настраивая человека так, что у него в глазах темнеет от такого удара. Даже природа неразумных тварей не терпит этого даже ввиду неумолимого, невыносимого голода: собака не ест мяса собаки, и ни одно другое животное не ест никогда мяса того же вида. Многие другие из учителей возвещают странные вещи, но никто из учителей не придумал более неслыханную трагическую выдумку – ни историк, ни философ, ни из варваров, ни из древних эллинов. Посмотрите же, во имя чего вы рассудку вопреки увещеваете легковверных людей примкнуть к вам! Посмотрите, какой порок вторгся не только в селения, но и в города! Вот почему, я думаю, ни Лука, ни Матфей этого не написали, признав это изречение неприличным, странным, режущим слух, никак не совместимым с культурной жизнью. Да и ты сам, прочтя это место, не был бы доволен, как и всякий другой, получивший свободное образование.

16. Разбери также подробно ту главу, где говорится:

"Уверовавших же будут сопровождать сии знамения: возложат руки на больных, и они будут здоровы; и, если выпьют смертоносный яд, не повредит им". Сравните Мк., 16:17-18. Цитата отличается от канонического текста расположением фраз. Таким образом, следовало бы, чтобы выборные представители духовенства, особенно помогающиеся епископства или председательствования, применяли такой способ избрания: предложить смертельный яд, с тем чтоб тот, кому яд не повредит, был предпочтен другим. Если же они не рискнут согласиться на этот способ, они тем самым признают, что не верят сказанному Иисусом. Ибо если вера обладает свойством побеждать отраву яда и уничтожать страдания болящего, то верующий, но не поступающий так либо не имеет искренней веры, либо верит искренно, но считает предмет своей веры чем-то не могущественным, а слабым.

17. Посмотри также на подобное и близкое по смыслу речение: "Если будете иметь веру с горчичное зерно, то, истинно вам говорю, скажете горе сей: встань и кинься в море, и ничего не будет невозможного для вас". Мф., 17:20. Очевидно, следовательно, что, кто не может, согласно этой заповеди, сдвинуть гору, не достоин считаться в числе верных членов общины. Отсюда видно, что не только большинство христиан явно не может быть причислено к верующим, но даже из епископов и пресвитеров ни один не достоин этого имени.

18. Рассмотрим также и следующее место: почему, когда искушавший Иисуса сказал: "Бросься вниз с храма", Иисус этого не сделал, а сказал ему: "Не искушай Господа Бога твоего". Мф., 17:20. Мне кажется, что он сказал это, испугавшись опасности падения. Ведь, если он, как вы говорите, совершил много других чудес и действительно одним лишь словом воскрешал даже трупы, ему следовало бы тут же показать, что он способен и других защитить от опасности, бросившись с высоты вниз и не получив при этом никакого телесного повреждения, тем более что он где-то отнес к себе одно место в писании, гласящее: "На руках понесут Тебя, да не преткнешься о камень ногою Твоею". Мф., 17:20, Пс., 90:11-12. Поэтому было действительно правильно, чтоб он доказал находившимся в храме, что он сын божий

Там же. 4:7. и может защитить себя и своих ближних от всякой опасности.

19. Эти столь часто и пышно прославленные речи вызывают сильное отвращение, а сопоставляемые между собою, разжигают борьбу противоречий. В самом деле, пусть кто-нибудь, первый встречный, захочет истолковать те евангельские слова, которые Иисус говорит Петру:

"Отойди от Меня, сатана! ты мне соблазн! потому что думаешь не о том, что божье, а о том, что человеческое"; затем в другом месте: "Ты - Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою... и дам тебе ключи Царства Небесного"... Мф" 16:23, 18-19. Ведь если он до такой степени презирал Петра, что назвал его сатаной, которого отгоняют прочь, и соблазном, человеком, ни в малейшей степени не обладающим божественным разумением, если он послал его к черту, как ярого грешника, не желая впредь иметь его у себя перед глазами, и отбросил его от себя в толпу отверженных и безвестных людей, - то после такой характеристики какой мы еще можем вынести приговор этому корифею, первому среди учеников? Конечно, если кто в здравом уме хорошенько разжует это, а затем, как если б Христос забыл слова, произнесенные против Петра, услышит: "Ты - Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою" и "дам тебе ключи Царства Небесного", то разве он не будет смеяться до колик? Разве он не будет хохотать, как в театре? Разве не будет ругаться и сильно свистеть? Не крикнет ли он громко окружающим: либо он, называя Петра сатаной, был пьян и одурманен вином и болтал вздор, либо, назначая его ключарем царства небесного, он живописал сновидения в сонной фантазии? Как это Петр был способен поддерживать фундамент церкви, если он по легкомыслию тысячи раз колебался в своем мнении? Какое видели у него крепкое размышление, или где он проявил непреклонное убеждение? Из-за какой-то жалкой рабыни, услышав словечко "Иисус", он насмерть перепугался; трижды он нарушил клятву, хотя его не принуждала к этому серьезная необходимость. Если, таким образом, (Иисус) сначала правильно назвал того, кто споткнулся на основном пункте благочестия, сатаной, он потом нелепым образом, как бы не зная, что он сделал, дает ему власть над самым главным!

20. А что Петр повинен во многих грехах, ясно и из того места, где Иисус ему говорит: "не говорю тебе: до семи, но до семижды семидесяти" (Мф" 18:22) ты отпустишь грешнику грех. А он, получив эту заповедь и закон, ударяет в ухо ничем не согрешившего раба первосвященника (Мф., 26:51) и издевается над ним, хотя он ни в чем не повинен. Разве он в чем-либо согрешил, если по приказанию своего господина участвовал в тогдашнем походе против Христа?

21. Этого же Петра можно уличить и в других несправедливостях. Он умертвил ничем не согрешивших некоего мужа по имени Ананий и его жену Сапфиру за то, что они не сдали всей выручки за участок, а отделили себе кое-что на неотложные нужды. Порфирий имеет в виду Деяния апостолов (5:1-11). Какое они совершили преступление, если не пожелали подарить все свое имущество? А если б даже это считалось несправедливостью, то ему следовало, руководствуясь заповедью Иисуса, учившего, что нужно терпеть до 490 грехов, простить этот один, если действительно содеянное было грехом. Ему следовало бы задуматься, между прочим, и о том, что сам он, поклявшись, что не знает Иисуса, не только солгал, но и произнес ложную клятву, презрев страшный суд и воскресение.

22. Этот регент хора учеников, которого бог учил презирать смерть, бежал, когда Ирод его схватил, и стал виновником казни стражников; бежал он ночью: "По наступлении же дня между воинами сделалась большая тревога о том, как ушел Петр. Ирод же, поискав его и не нашедши, судил стражей и велел их повести", (Деян., 12:18-19 (цитата неточная)) то есть казнить. Воистину удивительно, как это Иисус такому человеку, как Петр, отдал ключи неба, как это он человеку, потерявшему голову от тревоги и при стольких обстоятельствах оказавшемуся ничтожеством, сказал: "Паси агнцев Моих"! Ин., 21:15. Если овцы - это верующие, достигшие таинства совершенства, (в подлиннике игра слов: probaton - овцы; достигшие - probantes) то агнцы толпа оглашенных, питающихся пока нежным молоком учения. Однако сообщается, что, после того как Петр немного месяцев пас овец, он был распят, хотя Иисус сказал, что "врата адавы не одолеют его". Мф., 16:18 (в синодальном переводе: "врата ада не одолеют ее", то есть церковь). И Павел осудил Петра, говоря: "Ибо, до прибытия некоторых от Иакова, ел вместе с язычниками; а когда же пришли, стал устраняться, опасаясь обрезанных. Вместе с ним лицемерили многие иудеи". Гал., 2:12 сл. В этом заключается серьезное обвинение, когда человек, ставший проповедником слова божьего, живет в лицемерии и устраивает свою жизнь так, чтобы угодить людям, да еще

Античные критики христианства А. Б. Ранович filosoff.org
водит с собою жену, так как и об этом говорит Павел:

"Разве мы не имеем власти иметь спутницей сестру жену, как другие апостолы и Петр?" (1 Кор., 9:5) – и затем прибавляет:

"Ибо таковы лжеапостолы, лукавые делатели". 2 Кор., 11:13. Итак, если, как об этом рассказывают, он погряз в стольких пороках, то как не ужасаться при мысли, что он владеет ключами неба, связывает и разрешает, когда он сам одержим тысячами прегрешений!

30. Что значат слова Павла: "Будучи свободен, я всем поработил себя, чтоб всех приобрести"? 1 Кор., 9:19. И как это тот, кто говорит, что обрезание – разрезание, (Флп., 3:2; в греческом оригинале послания вместо *peritome* (обрезание) сказано *katatome* (разрезание)) сам в Листрах обрезает некоего Тимофея, как повествуют "Деяния апостолов"? Деян., 16:2 сл. Bravo, вот поистине тупоумие в речах! Такие трюки, такие выдумки для смеха показывает театральная сцена! Настоящие кунштштюки волшебников! Ведь как может "свободный" быть "поработенным всем"? И как может "всех приобрести" тот, кто всем покоряется? Ведь если он, как он говорит, "для чуждых закона чужд закона", "для иудеев – как иудей" и "со всеми" вел себя подобно им, (1 Кор., 9:20 сл) то он действительно был рабом многообразного порока и был чужд свободе, не имел с ней общего, в сущности, был пособником и служителем чужих пороков, замечательным ревнителем непристойного, так как он при каждом случае сживался с пороком беззаконных людей и превращал их дела в свои. Это – не принципы здоровой души, это не выражение свободной мысли; это – основа суждений лихорадочного больного, у которого ослабел ум и способность рассуждать. Ведь если он живет с чуждыми закона и письменно одобряет иудаизм, будучи, таким образом, причастным и к тем и к другим, он сливается и смешивается с ними и вместе с ними делает себя повинным в прегрешениях черни. Под законом имеется в виду Тора, Ветхий завет. Тот, кто до такой степени осуждает обрезание, что проклинает желающих его совершать, и вместе с тем сам совершает обрезание, сам выступает самым суровым обвинителем против себя, говоря: "Если я снова создаю, что разрушил, то сам себя делаю преступником". Гал., 2:18.

31. Этот самый человек, сильный в речах, однажды, как бы забыв свои собственные слова, сказал тысяченачальнику, что он не иудей, а римлянин, (Деян., 22:25) хотя перед этим сказал: "Я иудеянин, родившийся в Тарсе Киликийском, воспитанный в сем городе при ногах Гамалиила, тщательно наставленный в отеческом законе". Деян 22:3. Итак, сказавши "я римлянин" и "я иудей", он ни то, ни другое, потому что причисляет себя к тем и к другим. Кто лицемерит и говорит то, чего нет, тот старается хитростью укрепить положение и, надев на себя обманчивую маску, искажает правду и похищает истину, то так, то этак подавляя настроение своей души, и поработает легкомысленных людей искусством обманщика. Усвоивший в жизни такой образ мыслей ничем не отличается от непримиримого, жестокого врага, который, лицемерно подделавшись под образ мыслей своих соседей, всех их нечеловеческим образом обращает в рабов. Итак, если Павел лицемерно объявляет себя то иудеем, то римлянином, то чуждым закона, то эллином, а когда ему угодно, оказывается чуждым и враждебным и тем и другим, то это значит, что он вкрался в душу тем и другим и всем им навредил, льстиво присваивая себе убеждения их. Таким образом, он лжет и явно в ладах с ложью, и напрасно он говорит: "Истину говорю во Христе, не лгу"; (Рим., 9:1) ибо, кто вчера облачался в тогу закона, а сегодня – евангелия, тот по справедливости и в личной и в общественной жизни – злодей и зловерный человек.

32. А что он лицемерно принимает евангелие из тщеславия и закон – из корыстолюбия, явно вытекает из того, что он говорит: "Какой воин служит когда-либо на своем содержании?.. кто, пася стадо, не ест молока от стада?" 1 Кор., 9:7. А чтобы подкрепить это, он в защиту своей алчности призывает закон, говоря: "Ибо в Моисеевом законе сказано: не заграждай рта у вола молотящего". 1 Кор. 9:9. Затем присоединяет сюда глупое пустословие, отвергая божественное провидение для неразумных тварей; он говорит:

"О волах ли бог печется? или для нас говорится? Ведь для нас это написано". 1 Кор., 9:9 сл. Мне кажется, что, говоря так, он серьезно оскорбляет мудрость творца, которая якобы не печется о ранее сотворенном. Ведь если бог не заботился о быках, почему же написано: "Все положил под ноги его: овец и волов, и домашний скот, и рыбы"? Пс., 8:7 сл. Если он помнит о рыбах, тем более о пашущих и работающих волах. Поэтому меня поражает этот

Античные критики христианства А. Б. Ранович filosoff.org столь (бессовестный) шарлатан, который, ради своей ненасытности и чтоб получить от подчиненных достаточную плату, так великолепно манипулирует законом.

33. Затем он внезапно поворачивается, как вскакивает со сна человек, напуганный сновидением, и говорит:

"Вот я, Павел, свидетельствую, что если кто сделал одно по закону, то он должен исполнить весь закон", (Гал., 5:3; автор здесь, вероятно, цитирует на память и прихватил часть от. 2. "Закон" здесь и далее означает иудейский, ветхозаветный закон) желая этим сказать, что вовсе не нужно следовать велениям закона. Этот наилучший, мудрец, разумник, "тщательно наставленный в отечественном законе", (Деян., 22:3) столько раз ловко поминающий Моисея, своим учением, как пропитанный вином и пьянством, отменяет предписание закона, говоря галатам: "кто прельстил вас не покоряться истине?", (Гал., 3:1) то есть евангелию; затем, напугивая и устрашая тех, кто повинуется закону, он говорит: "Все, утверждающиеся на делах закона, находятся под проклятием"; (Гал. 3:10) тот самый Павел, который римлянам писал, что "закон духовен", (Рим., 7:14) и, далее: "Закон свят, и заповедь свята и праведна", (Рим. 7:12) ставит под проклятие тех, кто повинуется святому. Затем запутывая во всех направлениях суть дела, смешивает все в одну кашу и опутывает это мраком, так что у слушателя почти в глазах темнеет и, как во тьме ночной, он спотыкается об то и другое: и против закона грешит, и евангелие нарушает в этой путанице из-за неразумия руководителя.

34. Вы только послушайте рассуждения этого мудреца! После того как он взял из закона тысячи цитат для связи, (то есть использовал ветхозаветные цитаты для установления преемственности между Ветхим и Новым заветами) он лишает силы и значения свои собственные высказывания, заявляя: "Закон же пришел после, чтобы умножилось преступление" (Рим., 5:20) и раньше: "Жало же смерти - грех, а сила греха - закон"; (1 Кор., 15:56) отточив свой собственный язык чуть ли не как меч, он нещадно режет закон на части; а ведь он же многократно увещевает повиноваться закону и говорит, что жить сообразно с ним похвально. Но, как бы усвоив себе привычку выражать невежественные суждения, он всюду сам опровергает собственные положения.

35. Без всякого сомнения, запрещая вкушать идоложертвенное, он, с другой стороны, учит относиться к этому безразлично, говоря, что не надо допытываться и расспрашивать, а есть, если бы даже то было идоложертвенное, если только никто тебя не предупредил. Поэтому он, как сообщают, говорил: "То, что (язычники) приносят в жертву, приносят бесам, а я не хочу, чтобы вы были в общении с бесами". 1 Кор. 10:20. И вот, хотя он так говорит и пишет, он, с другой стороны, пишет об этом вкушении как о безразличном; он говорит: "Мы знаем, что идол в мире ничто и что нет иного бога, кроме единого", (1 Кор. 8:4) и вслед за этим:

"Пища не приближает нас к богу; когда мы едим, мы ничего не приобретаем, а когда не едим - ничего не теряем". 1 Кор. 8:8. Затем, после такой болтовни, он отрыгнул, как возлежащий за столом, такую остроту: "Все, что продается на торгу, ешьте для спокойствия совести без всякого исследования; ибо господня земля и что наполняет ее". 1 Кор. 10:25-26. Вот театральная шутка, никем еще не выдуманная! Вот так чудовищное и противоречивое изречение! Вот так рассуждение, которое само себя режет ножом! Вот так диковинный выстрел, который возвращается и поражает стрелка!

36. В его посланиях мы найдем другое высказывание, подобное этим, именно когда он хвалит девство, а вслед за этим, изменив свое мнение, пишет: "В последние времена отступят некоторые от веры, внимая духам обольстительным... запрещая вступать в брак и (проповедуя) воздержание от пищи", (1 Тим., 4:1) а в Послании к коринфянам он говорит: "Относительно девства я не имею повеления господина". 1 Кор., 7:25. Выходит, что соблюдающий девство не поступает хорошо, а также тот, кто воздерживается от брака, повинувшись указанию кого-либо дурного, так как от Иисуса не получили предписания насчет девства;

но почему же некоторые девственницы так величаются и говорят, что они исполнены духа святого, как родительница Иисуса? Но перестанем говорить против Павла, ведь мы убедились, что он сам против себя снарядил словесную гигантомахию. Гигантомахия - борьба гигантов против богов, мифологический образ жестокой борьбы. Но, если ты в состоянии что-либо на это ответить,

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

1. Как это Павел говорит, что "проходит образ мира сего"? и как это возможно, чтобы "имеющие были как не имеющие, а радующиеся как не радующиеся" (1 Кор., 7:31, 30) и чтобы остальные подобные старушечьи рассказы были верны? Как это возможно, чтоб имеющий оказался не имеющим? Как можно верить, что радующийся - как бы не радующийся? И как может пройти образ мира сего? Кто его заставит пройти и во имя чего? Если творец это сделает, то он заслужит осуждения за то, что приводит в движение и изменяет прочно установившееся. Если он изменяет его к лучшему, то и в этом случае на него падает обвинение, что при сотворении мира он не нашел гармоничного, подходящего образа для мира, а создал его хуже, чем лучший проект, как бы не совершенным. Да и откуда можно знать, что в позднейшие времена природа мира изменится к лучшему и перестанет существовать (в нынешнем виде)? И что толку в изменении порядка явлений? А если видимый мир мрачен и причиняет печаль, то опять-таки в смешном положении творец, и над ним на разумном основании можно посмеяться, что он соорудил части вселенной печальными и наводящими страх по своему плану, а затем, раскаявшись, решил все изменить. Не в этом ли смысле Павел учит, что имеющий - как бы не имеющий, поскольку творец, имеющий вселенную, как бы не имея ее, меняет ее образ? а "радующийся как не радующийся", - поскольку творец, взирая на свое приятное и блестящее творение, не радуется и решил переделать и изменить его, так как сильно огорчается им? Итак, наградим это рассужденье достойным смехом!

2. Рассмотрим и другой его бестолковый и ошибочный софизм, когда он говорит: "Мы, живущие, оставшиеся, не предупредим умерших при пришествии господина. Потому что сам господь при возвещении, при гласе архангела и трубе божией сойдет с неба и мертвые во Христе воскреснут прежде; потом мы, оставшиеся в живых, вместе с ними вознесены будем на облаках, в сретение господу на воздухе, и так всегда с господом будем". Фес. 4:15-17. Действительно, нечто простирающееся до неба, нечто необыкновенно высокое нестерпимое, исключительное вранье! Если такое продекламировать со сцены, то даже неразумные твари вынуждены будут заблестеть и закаркать, поднимая невообразимый шум, когда узнают, что люди во плоти летают, как птицы, по воздуху и уносятся на облаке. Ведь это верх наглости (утверждать), что животные, отягощенные бременем тяжести тела, приобретают свойства крылатых птиц и плавают по воздуху как по какому-то морю, пользуясь облаком вместо корабля. Если бы это было возможно, это было бы чудом и противоречило бы порядку вещей. Ведь высшая творческая природа определила для всех существ соответствующие места и установила для каждого свое местопребывание - для водяных море, для земных сушу, для птиц воздух, для светил эфир. И если б одно из них было вырвано из обычной среды, оно погибло бы, перенесенное в чуждую обстановку и среду. Если, например, ты захочешь взять водяное животное и заставить его жить на суше, оно легко погибнет и умрет. С другой стороны, если земное, живущее на тверди животное бросить в воду, оно задохнется. И если лишить птицу воздуха, она этого не переживет; а если звездное тело удалить из эфира, оно не выдержит. Но божественный и творящий божественное разум ничего подобного не делал и никогда не сделает, хотя он в состоянии изменить судьбу творений; ибо в своих действиях и желаниях он руководится не тем, на что он способен, а тем, чтоб вещи сохранили свою последовательность, и для этого он соблюдает закон распорядка. Он поэтому не допускает, хотя бы и мог, чтобы по земле плыли корабли, чтобы море пахали и возделывали, он не превращает, хотя это в его власти добродетель в порок, а порок, в свою очередь, в добродетель, он не снаряжает человека так, чтоб он стал птицей, не перемещает звезды вниз, а землю вверх. Отсюда, очевидно, следует, что совершенно нелепо говорить, будто люди будут восхищены когда-нибудь на воздух. Совершенно ясна ложь Павла, когда он говорит: "Мы, живые";

ведь с того времени, как он это сказал, прошло лет тридцать, (Здесь очевидная описка: должно быть либо "триста", либо (что менее вероятно) "триста тридцать") и нигде никто, ни сам Павел с другими телами не вознеслись на воздух. Итак, пусть молчание покроет это совершенно уничтоженное речение Павла.

3. Надо также упомянуть и то, что сказал Матфей, как лежащий на мельнице: (Гарнак понимает это как "мельничный раб"; но представляется более вероятным, что это выражение связано с какой-то поговоркой и означает

Античные критики христианства А. Б. Ранович filosoff.org человека, видящего сны, бредящего) "И проповедано будет, говорит он, евангелие царствия по всей земле... и тогда придет конец". (Мф" 24:14)

Но вот каждая улица на земле знакома с евангелием, все пределы и границы мира обладают всем евангелием, а конца нигде нет и не будет. Приходится допустить, что и это сказано с тайным смыслом!

4. Посмотрим также известные слова, сказанные Павлу: "Господь же в видении ночью сказал Павлу: не бойся, но говори... ибо я с тобой, и никто не сделает тебе зла". Деян., 18:9-10. Как же, разве не был схвачен в Риме и обезглавлен этот хвостун, говорящий, что "будет судить ангелов"? 1 Кор., 6:3. Мало того, и Петр, взявший власть "пасти агнцев", (Ин" 21:16) пригвожден к кресту и распят. И многие другие их единоверцы частью были сожжены, частью погибли после истязаний и поругания. Это недостойно решения бога или даже (просто) благочестивого человека, чтоб из-за любви и верности ему множество людей подвергалось жестокой казни, тогда как ожидаемого воскресения и пришествия не видно.

5. Можно взять и другое явно двусмысленное словечко,- там, где Христос говорит: "Смотрите, чтобы кто не прельстил вас; ибо многие придут под именем моим и будут говорить: я Христос, и многих прельстят". Мф., 24:4 сл. Но вот прошло триста или больше лет, и нигде не явилось ни одного такого. Не сошлетесь же вы на Аполлония Тианского, человека, отличившегося всеми видами мудрости? Другого вы не найдете. А ведь он не об одном, а о многих говорит: "Выступят".

6. В придачу скажем и о том, что сказано в Апокалипсисе Петра; он изображает, как небо будет судиться вместе с землей, и говорит так: "Земля в день суда представит всех богу, и сама она будет судима вместе с окружающим ее небом". В сохранившихся отрывках Апокалипсиса Петра этой цитаты нет. Нет человека, столь невежественного, столь глупого, который бы не знал, что если все земное беспорядочно и не обладает свойством сохранять порядок, а является превратным, то небесные тела постоянно сохраняют одинаковый порядок, всегда движутся по одним и тем же законам, никогда не меняются и никогда не изменяются, ибо являются самым точным произведением бога. Поэтому немислимо, чтоб они, удостоившиеся лучшей участи, распались, поскольку они закреплены божественным совершенным законом. Да и за что станут судить небо? в чем может оно оказаться грешным, раз оно с самого начала соблюдает порядок, установленный богом, и всегда пребывает само себе равным? Разве только кто-нибудь оклеветает небо, что оно заслуживает быть судимым, и донесет творцу,- как будто судья потерпит, чтоб кто-нибудь выступил против него и морочил его столь необычайными неверными сообщениями!

7. Далее он говорит слова, проникнутые нечестивостью; он говорит: "И растает вся сила неба, и небо свернется, как свиток книжный; и все звезды упадут, как падает лист с виноградной лозы и как падает лист со смоковницы". Здесь Апокалипсис Петра, очевидно, цитирует книгу Исаии (34:4). Такой же чудовищной лживостью и исключительной наглостью продиктовано хвастливое: "Небо и земля прейдут, мои же слова не прейдут". Мф" 24:35. Кто же тогда мог бы установить, что слова Иисуса сохраняют силу, раз ни неба, ни земли не будет больше? С другой стороны, если б Христос совершил это и разрушил небо, он тем самым сравнялся бы с самыми нечестивыми из людей, убивающими своих детей. Ведь сын признает, что бог отец неба и земли. "Отче, господи неба и земли", (Мф" 11:25) - говорит он. А Иоанн Креститель возвеличивает небо и говорит, что от него посылается благодать: "человек ничего не может сделать, если не будет дано ему с неба"; (Ин., 3:27) пророки говорят, что небо является жилищем бога: "воззри из жилища святых твоих и благослови народ твой Израиля". Втор., 26:15. А если небо, которое в этих свидетельствах выставляется столь великим и важным, "прейdet", какое останется сиденье у владыки? и, если и земная стихия погибнет, что будет служить подножием для сидящего бога, который говорит: "небо - престол мой, а земля - подножие ногам моим"? Ис" 66:1. Вот что (я могу сказать) о гибели неба и земли.

8. Другое, еще более чудовищное, учение, как бы ощупью взятое ночью, мы имеем в словах: "Подобно есть царство небесное горчичному зерну"; и в другом месте:

"Царство небесное подобно закваске", а затем: "Подобно царство небесное купцу, ищущему хорошие жемчужины"; (Мф., 13:31 сл) это разговорчики,

Античные критики христианства А. Б. Ранович filosoff.org достойные не мужчин, а женщин-снотолковательниц. Ведь когда кто говорит о великом и божественном, ему следует для ясности пользоваться простыми житейскими средствами, а не такими низкими и непонятными. Эти речения, помимо того, что они низменны и неподобающи для таких важных вещей, не заключают в себе никакого понятного смысла и ясности. А ведь они должны были быть очень ясными, ибо Они написаны ведь не для мудрых и разумных, а для младенцев. Мф. 11:25.

9. Надо ли пережевывать тот рассказ, где Иисус говорит: "Слаблю тебя, отче, господи неба и земли, что ты утаил сие от мудрых и разумных и открыл то младенцам", (Мф. 11:25) а во Второзаконии сказано: "Сокрытое – господу богу нашему, а открытое – нам". Втор., 29:28. Более ясным и незагадочным должно быть то, что пишется для младенцев и неразумных. Ведь если тайны скрыты от мудрых и вопреки рассудку расточаются младенцам, еще не отнятым от груди, тогда лучше стремиться к неразумию и невежеству. Значит, великое дело мудрости явившегося (Иисуса) состоит в том, чтоб скрыть от мудрых луч знания и открыть его для глупцов и младенцев!

10. Еще одно место, более разумное – говорю в обратном смысле – нам следует рассмотреть. "Не здоровые имеют нужду во враче, но больные". Лк., 5:31. Это Иисус продекларировал толпе по поводу своего пришествия в мир. Итак, если он занялся грехами ради больных, как он говорит, то разве отцы наши не болели, а предки не страдали грехами? Если же здоровые не имеют нужды во враче и если он "пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию", (Мф., 9:13) так что и Павел имел основание сказать: "Иисус Христос пришел в мир спасти грешников, из которых я первый", (1 Тим., 1:15) если так обстоит дело, если призывается грешник и лечится болящий, если призывается неправедный, а праведник не призывается, – то непризванного и не нуждающегося в христианском лечении надо признать безгрешным и праведником. Ибо, кто не нуждается в лечении, – отклоняет учение верующих, и, чем решительнее он его отклоняет, тем, значит, он окажется более праведным, здоровым и безгрешным.

19. Правильно Гомер велел успокоиться мужеству эллинов, соединенному с образованием, и огласил необоснованное мнение Гектора, обращаясь к эллинам в следующих строках:

Стойте, аргивцы-друзья! не стреляйте, ахейские мужи!

Слово намерен вещать шлемоблещущий Гектор великий.

Илиада.

Точно так же и мы теперь сядем спокойно: ибо толкователь христианских догматов обещает и заверяет, что он разъяснит темные места писания. Скажи же нам, любезный, внимательно следящим за твоим изложением, что значат слова апостола: "И такими были некоторые из вас (очевидно, имеются в виду дурные люди), но омылись, но освятились, но оправдались именем господина нашего Иисуса Христа и духом бога нашего". 1 Кор., 6:11. Мы в недоумении и по этому поводу поражены до глубины души: неужели от стольких осквернений и мерзостей человек окажется чистым, один раз омывшись? Неужели запятанный в жизни такой грязью – блудом, любодеем, пьянством, воровством, мужеложеством, отравлениями и тысячами дурных и позорных дел – тем только, что крестился и призвал имя Христа, легко освобождается и сбрасывает с себя преступления, как змея старую кожу? Кто после этого не решится на выразимые и невыразимые преступления и не будет совершать вещи, которых словами не выразить и на деле не стерпеть, раз он знает, что будет оправдан после таких гнуснейших дел, – стоит только уверовать и креститься – и обретет надежду впоследствии получить прощение и от того, кто собирается судить живых и мертвых? Такие речи зовут слушателя грешить, они учат совершать при всяком случае беззаконие; они умеют отстранять наставления закона и приводят к тому, что сама справедливость не имеет вовсе никакой силы против неправедного; такие речи вводят в мире развратную жизнь, учат тому, что вовсе не следует бояться нечестивости, ибо достаточно человеку раз креститься, чтоб сбросить с себя кучу тысяч пороков. Вот какова нарядная личина этой догмы!

20. Разберемся подробно и в вопросе о монархии единого бога и многовластии почитаемых богов, так как ты не умеешь даже определить понятие монархии. Монархом называется не тот, кто существует один, а тот, кто правит один, и правит, очевидно, соплеменниками и себе подобными; Адриан, например, был

Античные критики христианства А. Б. Ранович filosoff.org монархом не потому, что был один, и не потому, что правил быками или овцами, – ими правят пастухи, – но потому, что царствовал над единородными, обладающими той же природой, что и он. Поэтому и бог не мог бы на законном основании быть назван монархом, если б он не правил богами; ибо это подобает божьему величию и высокому небесному достоинству.

21. Ведь если вы говорите, что при боге состоят ангелы, недоступные страстям, бессмертные и по природе своей нетленные, которых мы называем богами вследствие их близости к божеству, то стоит ли спорить об имени, и не приходится ли думать, что разница только в названии? Ведь вот ту, которую эллины называли Афиной, римляне называют Минервой, египтяне, сирийцы и фракийцы кличут по-иному; однако из-за разницы в имени она не становится отдельным образом (у каждого из этих народов) и не лишается титула божества. Поэтому, называть ли их богами или ангелами, это не составит большой разницы, поскольку их божественная природа засвидетельствована;

пишет же Матфей так: "Иисус сказал им в ответ: заблуждаетесь, не зная писаний, ни силы божьей. Ибо в воскресении ни женятся, ни выходят замуж, но пребывают, как ангелы на небе". Мф., 22:29-30. Итак, (с одной стороны), признаю, что ангелы обладают божественной природой; (с другой стороны), воздающие богам подобающее почитание вовсе не считают, что бог заключается в дереве, камне или бронзе, из которых изготавливается статуя, и не думают, что если от изображения отломался кусок, от этого уменьшилась сила бога. Ибо древние воздвигли статуи и храмы для памяти, для того, чтоб прохожие, придя туда, обратили свои помышления к богу или чтобы в праздники, очистившись от всего прочего, возносили обеты и молитвы, прося у бога чего кто хочет. Ведь если кто изготавливает изображение друга, он ведь отнюдь не думает, что друг этот находится в этом изображении или что отдельные члены его тела заключены в (соответствующих) частях портрета, но он посредством изображения обнаруживает свое почтение к другу.

(Что касается приносимых богам жертв, то этим не столько выражается почтение к богам, сколько доказательство расположения верующих и их желания не казаться неблагодарными). Слова, заключенные в квадратные скобки, разрывают последовательность изложения и представляют, по-видимому, вставку переписчика или читателя рукописи. А внешность статуи, естественно, человекоподобна, так как человек считается красивейшим из животных и образом божьим; это положение можно подкрепить другим текстом, утверждающим, что бог имеет пальцы; там сказано: "И дал Моисею две каменные скрижали, написанные перстом Божиим". Исх., 31:18. Да и христиане, подражая устройству храмов, сооружают огромные дома и, сходясь в них, молятся, хотя никто не мешает им делать это у себя дома – господь ведь, очевидно, всюду слышит.

22. Если и среди эллинов попадаются столь тупоумные люди, что думают, будто боги обитают внутри статуй, то у них все же более чистое представление о боге, чем у того, кто верует, будто бог вошел в чрево девы Марии, стал зародышем, родился и его спеленали, перепачканного кровью детского места, мерзостью и кое-чем еще более неприличным, чем это.

23. Я мог бы и в законе показать тебе ясно видимую славу богов, так как закон взывает и наставляет слушателя: "Богов не злословь и начальника в народе твоём не хули". Исх., 22:28; в еврейском тексте "элохим" – богов; в русском переводе, чтоб скрыть явное указание на многобожие в Библии, заменили богов словом "судьи". Такая же замена имеется в ст. 6 гл. 21, где в еврейском тексте предписывается, как и в вавилонском кодексе, привести раба не к судьям, а к элохим, к домашнему богу. А что речь идет не об иных, как о тех, кого у нас считают богами, мы знаем из следующего места:

"Не пойдете за другими богами" и "если пойдете и будете служить другим богам". Иер., 7:6; Втор., 13:2 сл., цитаты не совсем точны. А что речь идет не о людях, а о признаваемых нами богах, не только Моисей, но и его преемник Иисус говорит народу: "Итак, бойтесь его и служите только ему и отвергните богов, которым служили отцы ваши"; (Нав., 24:14) и Павел говорит не о людях, а о бестелесных: "Хотя и есть много так называемых богов и господ много или на земле, или на небе, но у нас один бог-отец, из которого все". 1 Кор., 8:5-6; цитата не вполне точна. Вы поэтому сильно ошибаетесь, когда думаете, что бог гневается, если и другого называют богом и тот получает его имя; ведь правители не ревнуют подданных или господа – рабов за то, что они носят такие же имена; а считать бога более мелочным, чем люди, конечно, не позволительно. Итак, о том, что боги существуют и их

Античные критики христианства А. Б. Ранович filosoff.org следует почитать,- довольно.

24. О воскресении мертвых надо еще раз поговорить. Чего ради стал бы бог это делать и столь опрометчиво уничтожать преемственность сущего, посредством которой он установил сохранение видов, а не их прекращение, вопреки тому, что он изначально законоположил и спланировал? А то, то бог раз решил и соблюдал в течение такого большого времени, должно быть вечным; творец не должен его ни осудить ни уничтожить свое творение, как то, что создается человеком, как тленное, изготовленное смертным. Поэтому неразумно, если за всеобщей гибелью последует воскресение, если он воскресит того, кто умер, скажем, за три года до воскресения мертвых, и одновременно с ним - Приама и Нестора, умерших за тысячу лет до того, и других еще более древних, со времени происхождения человека. Приам, троянский царь, и престарелый Нестор - герои древнегреческого эпоса, воспетые в "Илиаде" Гомера; оба они обычно приводятся в древней литературе как пример очень старых людей. Если кто захочет принять во внимание еще одно соображение, он убедится, что учение о воскресении полно глупости: многие часто гибнут в море, и их тело становится добычей рыб; многие съедены зверями и птицами; как же возможно, чтобы тела их восстали из мертвых? Давай разберем сказанное подробнее. Скажем, кто-нибудь потерпел крушение; затем его тело съели морские рыбы, затем рыбаки выловили их, съели, были затем убиты и съедены собаками; когда собаки умерли, вороны и коршуны целиком их сожрали. Как же теперь восстановить тело потерпевшего крушение, растворившегося в таком количестве животных? Да и другие опять-таки, то уничтоженные огнем, то искрошенные червями, как могут вернуться снова к прежнему состоянию? Ты скажешь мне, что для бога это возможно;

но это неправда: бог не все может. Он никак не может сделать так, чтоб Гомер не был поэтом и чтоб Троя не была взята; когда мы складываем дважды два и получаем четыре, он не может сделать, чтобы получилось сто, даже если б он так решил. Троя - город в Малой Азии; поход греков против Трои и разрушение города - тема поэмы Гомера. Бог, даже если бы пожелал, не может стать злым и, будучи благим по природе, не мог бы согрешить. (Если бог не способен согрешить или стать дурным, то это не вследствие его слабости; те, которые имеют природную способность и склонность к чему-либо, но затем им что-то препятствует делать это, очевидно, испытывают помеху со стороны слабости своей; бог же по природе хорош, и ничто не препятствует ему быть дурным;

однако даже и при отсутствии помехи он не может стать дурным). Слова, заключенные в скобки, представляют явно неуместную здесь по контексту оговорку к положению о том, что бог не может стать злым. Хотя эта оговорка в духе Порфирия, вряд ли он поместил ее в этом месте, где она нарушает полемическую остроту и наступательный характер изложения. Надо поэтому думать, что мы здесь имеем вставку, хотя и взятую из сочинения Порфирия, но приписанную сюда в виде глоссы, то есть разъяснения данного текста. Подумай и о том, как бессмысленно было бы, если бы творец смотрел равнодушно, как небо, выше которого по красоте никто ничего вообразить не может, плавится, звезды падают, земля гибнет, и стал бы воскрешать истлевшие и сгнившие тела людей, в том числе кое-какие тела приличных людей, но и другие тела, бывшие и до смерти неприятными, безобразными, противными. А если б даже он мог легко воскресить людей с подобающей внешностью, то земля не в состоянии предоставить место для всех умерших от возникновения мира, если б они воскресли.

ГИЕРОКЛ.

В период гонения на христиан при Диоклетиане с антихристианским сочинением выступил видный чиновник, бывший в 307-308 г. префектом Египта, Гиерокл. Будучи наместником Вифинии (303 г.) и занимая должность верховного судьи, Гиерокл, по свидетельству Евсевия и Лактанция, преследовал христиан. Свое сочинение он озаглавил - в подражание, по-видимому, Цельсу - "Philaethes Logos" ("Правдолюбивое слово"), с подзаголовком "к христианам" (а не "против христиан"), подчеркивая этим свои добрые намерения. Книга Гиерокла не сохранилась. Но до нас дошло написанное Евсевием опровержение книги Гиерокла под длинным названием "Евсевия Памфила против книги Филострата об Аполлонии Тианском, вследствие предпринятого Гиероклом сопоставления его (Аполлония) с Христом".

Евсевий отзывался о книге Гиерокла пренебрежительно, отмечая, что у него

Античные критики христианства А. Б. Ранович filosoff.org
"нет ничего своего, а совершенно бесстыдно нахватанное из других сочинений: не только те же мысли, но и в тех же выражениях буквально". Он поэтому совсем почти не цитирует Гиерокла, направляя все внимание на доказательство того, что Аполлоний Тианский ни в какое сравнение с Иисусом идти не может. Со своей точки зрения Евсевий поступил правильно, так как противники христианства часто ссылались на Аполлония в своих выступлениях против христиан.

Со времени Евсевия установилось мнение, будто Филострат, написавший около 220 г. "Жизнеописание Аполлония Тианского", имел скрытое намерение противопоставить его Христу. Это мнение ни на чем не основано. У Филострата не было оснований скрывать свои намерения, и, если бы он хотел выступить против христианства, он бы сделал это открыто. Случаи совпадения некоторых сообщений Филострата о чудесах Аполлония с евангельскими мифами объясняются просто тем, что и Филострат и евангелисты черпали свои мифы из одного и того же источника - ходячих преданий о сказочных подвигах, которые приписывались десяткам и сотням действительных и мифических шарлатанов и "чудотворцев" до и после возникновения мифа о Христе. Но на основании материалов Филострата личность Аполлония обнаруживала много сходства с чертами мифического Иисуса, и это обстоятельство немало смущало церковников, в том числе и Евсевия.

Помимо Евсевия кое-какие сведения о Гиерокле сохранились у другого церковного деятеля IV в. - Лактанция в его "Institutio divina". "Так как, пишет он, - у нас не было пригодных и опытных учителей, которые могли бы убедительно и остро выступить с опровержением распространенных в обществе заблуждений, то эта самая наша слабость подстрекнула кое-кого дерзко писать против неизвестной им истины". В числе этих дерзких Лактанций называет и Гиерокла, которого он узнал в бытность свою в Вифинии. По словам Лактанция, Гиерокл "написал две книжки... в них он попытался доказать ложность священного писания на том основании, что оно целиком самому себе противоречит; некоторые главы, которые казались ему противоречивыми, он изложил настолько полно и подробно, что, по-видимому, он некогда сам придерживался этого учения... Особенно он нападал на Павла и Петра и прочих учеников, как на сеятелей лжи; он утверждает, что они были невежественны и необразованны, ибо некоторые из них добывали средства к жизни рыбачеством". Как и Евсевий, Лактанций указывает, что Гиерокл ссылался на Аполлония Тианского, который, судя по его "житию", тоже творил чудеса и проповедовал новое учение, однако просвещенные эллины его не обоготворяли. Очевидно, Гиерокл, как мы это выше показали относительно всех античных критиков христианства, не сумел критически отнестись к евангельской мифологии, и вряд ли это было у него просто полемическим приемом. Что он был верующим, об этом свидетельствует Лактанций, указывающий, что Гиерокл говорит о "высшем боге", которому он дает эпитеты "царя, величайшего, творца вселенной, источника благ, создателя и кормильца всего живого".

ПРАВДОЛЮБИВОЕ СЛОВО. PHILALETNES LOGOS. Евсевий, с. Hieroc1. II.

Они из кожи лезут вон, восхваляя своего Иисуса, как даровавшего зрение слепым и совершившего кой-какие чудеса в этом роде...

...Посмотрим, однако, насколько лучше и разумнее мы воспринимаем такого рода вещи и какое у нас мнение об одаренных людях... Эта цитата повторяется в главе 19.

...Уж не будем говорить об Аристее и Пифагоре, живших в древние времена, но во времена наших предков в царствование Нерона действовал Аполлоний Тианский, который с самого детства и когда он был в Эгах, в Киликии, жрецом человеколюбивого Асклепия совершил много чудес, из которых я большинство пропущу, упомянув о некоторых...

...Итак, зачем же я упомянул об этом? То есть о деяниях Аполлония. Чтобы можно было сопоставить наше трезвое и точное суждение по каждому пункту с тупостью христиан. Ведь мы того, кто совершил такие дела, считаем не богом, а лишь угодным богу человеком; они же из-за нескольких каких-то чудес объявляют Иисуса богом.

...И то стоит взвесить, что деяния Иисуса раструбили Петр и Павел и кое-какие другие близкие им лица - люди лживые, невежественные и шарлатаны, а деяния Аполлония - Максим из Эг, философ Дамис, живший с ним вместе, и афинянин Филострат, люди, выдающиеся по своему образованию и почитающие

Античные критики христианства А. Б. Ранович filosoff.org
истину, из любви к людям не пожелавшие скрыть деяния благородного мужа,
угодного богам.

Лактанций, Inst.div.V2

...Сам Христос, изгнанный евреями, собрал шайку из девяноста человек и занялся разбоем.

...Аполлоний совершил такие же или даже более великие дела.

...Аполлоний, когда Домициан захотел его наказать, внезапно исчез из судилища.

...Аполлоний кое у кого пользовался почитанием как бог, и в Ефесе воздвигнутая ему статуя под именем "Геракла - защитника от зол" почитается и поныне (но это - отдельные исключения; люди образованные не считают его богом).

...Я не говорю, будто Аполлония не считают богом потому, что он этого не хотел, но потому, что мы, по-видимому, умнее и из-за удивительных деяний не приписываем сразу (данному лицу) божественности, как вы, которые из-за незначительных знамений уверовали (в Иисуса) как в бога.

АНОНИМНОЕ СОЧИНЕНИЕ КОНЦА ТРЕТЬЕГО ВЕКА ПРОТИВ ХРИСТИАН.

Наряду с книгой Гиерокла Лактанций говорит о другом авторе, которого не называет по имени, изображая его лицемером, который проповедовал добродетель и бедность, рядился в плащ и носил длинные волосы, но дома у себя вел роскошную жизнь. По словам Лактанция, автор этот написал свой труд в 3 книгах из угодливости по отношению к императорам, преследовавшим христиан. Лактанций цитирует два небольших отрывка из этого сочинения, которое мы здесь проводим.

Лактанций, Inst. div.V2

Прежде всего долг философа - прийти на помощь людям в их заблуждениях и вернуть их на правильный путь, то есть к почитанию богов, воля и могущество которых правит миром; философ не может допустить, чтобы люди неопытные были обмануты какими-то шарлатанами и чтобы их простота послужила добычей и источником наживы для хитрецов. Поэтому я предпринял этот достойный философа труд, чтобы поднести невидящим светоч мудрости, чтобы они не только исцелились, усвоив почитание богов, но и, отказавшись от стойкого упрямства, избежали пыток и не захотели напрасно подвергать тело жестоким терзаниям.

...Благочестие и мудрость императоров проявились в числе прочего также в защите почитания богов; забота о людях выразилась в том, что благодаря прекращению нечестивого бабьего суеверия все люди могут отдаться законным религиозным обрядам и склонить к себе милость богов.

ЮЛИАН.

Флавий Клавдий Юлиан (331-363 гг.) - любопытная фигура на троне римских императоров. Ненависть, которую христианская церковь питала и питает к этому "отступнику", разукрасила его образ, придав ему черты антихриста, сатанинского супостата и гонителя веры христовой. Русскому читателю этот образ Юлиана был известен по роману Мережковского. Гораздо ближе к исторической действительности Юлиан Ибсена; в его трагедии "Цезарь и Галилеянин" монологи Юлиана - почти буквальные цитаты из его писаний. Но и Ибсен наделил своего героя чертами величия, вовсе ему не свойственными. Юлиан был заурядным правителем, весьма посредственным философом и писателем. В своей политике Юлиан руководился прежде всего своими религиозно-философскими взглядами, совершенно не считаясь с реальным положением вещей, не учитывая ни сил, ни возможностей своих противников. Ему самому, конечно, не понять было, что он фактически является идеологом и орудием разбитых остатков древней сенаторской знати. Как и все идеологи этих групп, Юлиан думал, что путем восстановления древней религии можно будет удержать и старые порядки. Получив в свои руки императорскую власть, Юлиан решил, что можно путем риторических циркуляров повернуть колесо истории назад, что, восстанавливая запрещенный преемником Константина культ древних богов, он тем самым восстановит былое величие Рима времен Цезаря.

Юлиан имел и личные основания для вражды против христиан, у которых он был под надзором и фактически пленником. Сыновья Константина предусмотрительно перебили своих племянников, как возможных претендентов на престол. Юлиан и брат его Галл казались констанцию пока что неопасными и избегли общей участи; но их поселили в глуши дальнего имения; после краткого пребывания в школе в Константинополе Юлиан был отправлен в Никомидию, где прожил безвыездно с 346 по 351 г. под столь строгим надзором, что лекции риторика Либания он мог читать только нелегально. В 354 г. Констанций распорядился убить Галла, и Юлиан понимал, что очередь за ним. В 355 г. Юлиан был объявлен цезарем и женился на сестре Констанция. Но это отнюдь не означало, что император примирился с его существованием. Напротив, Констанций умышленно посылал его в тяжелые походы, рассчитывая, что он оттуда не вернется. Однако вопреки ожиданию Юлиан одержал ряд побед и приобрел некоторую популярность в армии. Чтоб отвести от себя немилость подозрительного Констанция, Юлиан покривил душой и написал похвальное слово императору Констанцию и царице Евсевии. Однако в конце концов дело дошло до открытого конфликта, и только смерть Констанция в 361 г. дала конфликту естественное разрешение. Юлиан стал императором "по праву".

Получив власть, Юлиан не открыл гонений против христиан, как это делали его христианские предшественники и преемники по отношению к "язычникам". Христианская церковь была тогда уже слишком сильна. Он провозгласил свободу вероисповедания; единственный его враждебный христианам акт – запрещение христианам преподавать светские науки. Но это запрещение было изложено в весьма умеренных выражениях: "Преподаватели школьные должны превосходить других, во-первых, своим поведением, во-вторых – красноречием. Поэтому, поскольку я не могу быть лично в каждом городе, я приказываю, чтобы всякий желающий отдаться преподаванию не попадал на это дело без разбору и внезапно, но чтобы он получил одобрение властей и декрет куриалов, изданный в согласии с лучшими гражданами; этот декрет будет потом представлен на рассмотрение мне для того, чтобы (преподаватель) приступил к занятиям в городе, облеченный высшим почетным титулом на основании нашего заключения". Конечно, Юлиан имел в виду просто не утверждать учителей-христиан и откровенно мотивировал это в одном из своих циркуляров тем, что преподаватель должен быть честен, а не двуличен; и поэтому христианин не может быть допущен к преподаванию Гомера и других классиков, которых он считает сынами сатаны. Но император вместе с тем не возражает, чтобы христиане в своих церквях преподавали своим единоверцам догматы христианской веры и занимались "толкованием Матфея и Луки".

Однако такое поведение императора не умеряло гнева и ненависти к нему христианской знати, лишившейся своего значения и влияния. Христиане никак не могли удовлетвориться свободой исповедовать свою веру наряду с другими, они хотели монополии для себя при дворе, в управлении, в армии, сохранить свои привилегии, свои иммунитеты. Весьма правдоподобно поэтому предположение Либания. Что копьё, нанесшее императору смертельную рану в сражении с персами в 363 г., было пушено рукой христианина. Ведь христианская церковь всегда умела вовремя вооружить убийцу против неугодного ей противника.

Литературная деятельность Юлиана относится в основном к краткому периоду его правления (361-363 гг.) и носит на себе печать спешки. Его речь "О матери богов" написана в одну ночь, а его гимн Гелиосу – в три ночи. Работая часто в обстановке военного похода, он не мог отделать свои произведения как следует. Но, помимо того, его литературные способности были довольно ограничены; его подражание великим мастерам античности содействовало лексической чистоте его языка, но приверженность старине не придала художественности его произведениям и оригинальности его философским взглядам.

Восстановление старой религии и победа над христианством были своего рода навязчивой идеей у этого юродствующего императора. Поэтому непримиримая вражда к христианству и христианам выражается прямо или косвенно во всех почти его произведениях и письмах последнего периода. Но прямой атакой против христианского вероучения является его специальный труд в 3 книгах – "Против христиан" (*Catha christianon logoi*), написанный во время его последнего похода в Персию. Это сочинение Юлиана, как и другие антихристианские книги первых веков христианства, до нас не дошло. Не сохранились также опровержения Юлиана, написанные Феодором из Мопсуестии и Аполлинарием Лаодицейским. Только из труда Кирилла Александрийского,

Античные критики христианства А. Б. Ранович filosoff.org написанного между 429 и 444 гг., сохранились отчасти на греческом, отчасти на сирийском языке первые 10 книг, в которых содержится полемика против первой книги труда Юлиана и многочисленные цитаты (редко-пересказы), почти целиком покрывающие первую часть сочинения Юлиана. На этом основании К. И. Нейман восстановил и издал эту часть. Из остальных двух книг восстановлены лишь скудные фрагменты, по которым невозможно установить даже приблизительное содержание утраченных книг.

Юлиан в своем сочинении против христиан не был оригинален; он повторяет в общем те аргументы, которые выдвинули до него Цельс и Порфирий. Написана его книга многословно, путано, стилистически и синтаксически небрежно, хотя он в некоторых отношениях весьма щепетилен и, например, тщательно избегает зияния. Первая книга, которая только и дошла до нас, содержит критику христианского учения главным образом с точки зрения иудаизма, то есть как раз наименее интересную для нас. Юлиан обнаруживает хорошее знакомство с Ветхим и Новым заветами, необходимо, однако, отметить, что библейские цитаты у него часто приводятся лишь приблизительно сходные с существующим ныне текстом. Судя по сохранившейся части, книга Юлиана написана не по строгому плану. Отступления, повторения довольно часты; чувствуется спешка в работе.

Кроме книги против христиан мы даем еще небольшой отрывок из "Цезарей" – произведения, стоящего несколько в стороне от прочих произведений Юлиана и представляющего явное, хотя и неудачное подражание Лукиану.

ИМПЕРАТОРА ЮЛИАНА ПРОТИВ ХРИСТИАН.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Мне кажется правильным изложить перед всеми людьми те доводы, которые убедили меня, что коварное учение галилеян – вымысел людей, злостно придуманный. Не заключая в себе ничего божественного, используя склонную к вымыслам детскую, неразумную часть души, оно придало чудесным выдумкам видимость истины.

Вознамерившись дать разбор всех догматов, которым у них учат, я хочу предварительно сказать, что читатели, если они пожелают возразить мне, должны, как в суде, не выдвигать никаких посторонних вопросов и не выступать с своей стороны с обвинениями, прежде чем не оправдаются в возводимых на них обвинениях. Ибо так они сумеют лучше и вернее отстоять свое дело, если захотят вчинить иск нам, но не должны выдвигать встречных исков, защищаясь против возбуждаемых нами претензий.

Необходимо вкратце выяснить, откуда и как явилось у нас понятие о боге, затем сопоставить то, что говорят о божественном эллины и евреи, а после этого снова спросить этих "ни эллинов, ни евреев", принадлежащих к галилейскому толку, по какой причине они предпочли нашему учению свое и, кроме того, почему они и тому учению (иудаизму) не остаются верными, а отказались от него и пошли по собственному пути. Признав, что ничего хорошего и ничего серьезного нет ни у нас, эллинов, ни в воспринятом от Моисея учении евреев, они от тех и других усвоили (лишь) то, что пристало к этим народам, как какие-то керы. Керы в греческой мифологии – женские демоны, воплощение судьбы человека; керы приставлены к человеку с момента его рождения и неотступно следуют за ним до самой смерти, которую они сами и предопределяют. От евреев они усвоили нечестивость, вытекающую из легкомыслия, от нас – дурной и пустой образ жизни, вытекающий из нашей лени и вульгарности, и это им угодно было назвать высшим благочестием.

Что понятие о боге у человека не приобретено учением, а присуще ему по природе, доказывается тем, что у всех людей и в частности и в общественной жизни, у каждого человека и у каждого народа существует тяга к божественному. Все мы без всякой подготовки верим во что-то божественное, хотя не всякому легко ясно его познать, а знающему невозможно всем разъяснить... Наряду с этим общим для всех людей понятием есть еще одно: мы все как-то стихийно до такой степени привязаны к небу и к являющимся на нем богам, что, если даже кто-нибудь почитает другого бога помимо этих, он обязательно отводит ему жилище на небе; он не удаляет его с земли, но, посадив царя вселенной как бы на самое почетное место в мире, думает, что тот сверху взирает на земные дела. Надо ли в этом случае призвать в свидетели эллинов и евреев? Нет никого, кто не простирал бы руки к небу, когда молится или клянется богом либо богами; вообще, когда у человека

Античные критики христианства А. Б. Ранович filosoff.org является мысль о божественном, он устремляется к небу. И это вполне естественно. Веруя, что небесное нисколько не умаляется, не уклоняется и не подвергается ни одному из испытаний, присущих неупорядоченному (земному миру), но что движение его гармонично, порядок – стройный, что строго определен свет луны, что восход и заход солнца установлен в раз навсегда установленные сроки, – люди, естественно, подумали, что небо – бог и трон божий. В самом деле, к небу ничего не прибавляется и от него ничего не отнимается, оно не подлежит изменениям от перемены или перемещения; оно поэтому не знает ни гибели, ни рождения; будучи по природе бессмертным и нетленным, оно чисто от какого-либо пятна. Будучи, как мы видим, вечным и вечно движущимся, оно либо заключает в себе лучшую и более божественную нашу душу – так же, по-моему, как наше тело заключает в себе нашу душу – и потому носится по кругу вокруг великого творца; либо, получив движение от самого бога, оно вращается по беспредельному кругу в непрерывном и вечном движении.

Эллины выдумали насчет богов неправдоподобные, чудовищные мифы. Они говорили, что Кронос пожрал своих детей и затем изрыгнул их обратно; они рассказывают о кровосмесительных браках: Зевс сошелся с матерью и, родив от нее детей, женился на собственной дочери, вернее, даже не женился, а просто, сочетавшись с ней, передал ее другому. Далее – миф о том, как был растерзан Дионис и как затем его члены вновь были склеены. Об этом рассказывают греческие мифы. Сопоставь с этим учение иудеев о саде, который бог насадил, о сотворении Адама, а затем о создании для него жены. Бог у них говорит: "Нехорошо быть человеку одному, создадим ему помощника, соответственного ему"; а она вообще оказалась ему вовсе не помощницей, а явилась причиной, что и он, и она сама были выброшены из рая. Это, конечно, совершенно нелепо. Разве мыслимо, чтобы бог не знал, что создаваемая им помощница послужит получившему ее не во благо, а во зло? А змей на каком таком языке беседовал с Евой? Неужели на человеческом? Чем подобные вещи отличаются от выдуманных эллинами мифов? А то, что бог запретил созданным им людям познание добра и зла, разве это не верх нелепости? Ведь что может быть глупее, чем не уметь различать добро и зло? Ведь такой человек, очевидно, не будет избегать дурного и стремиться к хорошему. А главное бог запретил человеку пользоваться рассудком; ведь, что различие добра и зла – дело рассудка, ясно и дураку. Таким образом, змей скорее благодетель, чем губитель рода человеческого. Вдобавок бога надо признать завистливым; в самом деле, когда он увидел, что человек обрел рассудок, то, чтоб он не вкусил, как говорит бог, от древа жизни, он изгнал его из рая, так-таки прямо заявив: "Вот Адам стал, как один из нас, зная добро и зло; а теперь, может быть, он прострет руку и возьмет также от древа жизни и вкусит и станет жить вечно". (И выслал его господь бог из сада Эдемского.) Итак, все это, насколько я понимаю, если только оно не заключает в себе тайного смысла, полно жестокой хулы против бога. Незнание, что та, которая была создана как помощница, станет причиной падения, запрещение познать добро и зло – а ведь только к этому подобает стремиться уму человеческому – и к тому же еще ревнивая боязнь, чтобы человек, вкусив от древа жизни, не превратился в бессмертного, – в этом слишком много завистливости и ревности.

Если сравнить представления, которые все считают истинными, и те предания, которые мы имели искони от отцов, то наша мифология не знает специального творца этого мира. О богах, которые были до сотворения мира, Моисей вообще ничего не говорит, и даже о существовании ангелов он ничего не решился сказать; он во многих местах часто говорит, что они славят бога, но рождены ли они от него, не созданы ли они одним богом, а приставлены славить другого или как-нибудь иначе – ничего не указано. Он рассказывает о том, как устроены были небо и земля и все, что на земле: одни вещи, по его словам, созданы по приказанию бога, как свет и твердь; другие бог сотворил, как небо, землю, солнце, луну; третьи существовали раньше, но были скрыты, пока он их не разделил, как, насколько я помню, вода и суша. При этом Моисей ничего не решился сказать о происхождении или сотворении духа; он только говорит: "И дух божий носился над поверхностью воды"; а изначален ли он или рожден – этого он не разъясняет нисколько.

Здесь, если хотите, сопоставим с этим высказывание Платона. Посмотрим, что он говорит о творце и какие приписывает ему слова при творении мира, и, таким образом, сравним между собой космогонию Платона и Моисея. Таким образом, станет ясно, что лучше и более достоин бога – "идолопоклонник" Платон или тот, о ком в писании сказано, что "лицом к лицу господь говорил с ним". Чис., 12:8.

"Вначале сотворил бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над поверхностью бездны, и дух божий носился над поверхностью воды. И сказал бог: "Да будет свет", и стал свет. И увидел бог свет, что хорош. И отделил бог свет от тьмы. И назвал бог свет днем, а тьму назвал ночью. И был вечер, и было утро, день один. И сказал бог: "Да будет твердь посреди воды". И назвал бог твердь небом. И сказал бог: "Да соберется вода, которая под небом, в одно место, и да появится суша";

и стало так. И сказал бог: "Да произрастит земля зелень, траву и дерево плодovitoe". И сказал бог: "Да будут светила на тверди небесной, чтобы светить на землю". И поставил их бог на тверди небесной, чтобы управлять днем и ночью".

При этом Моисей не говорит, что бездна, тьма и вода созданы богом. А ведь раз он говорит о свете, что он явился по приказу бога, то следовало как-нибудь сказать и о тьме, и о бездне, и о воде. А он ничего вообще об их происхождении не говорит, хотя часто их упоминает. К тому же он не упоминает ни о происхождении, ни о сотворении ангелов, ни о том, каким образом они были обольщены, а говорит только о материальном, касающемся неба и земли; таким образом, согласно Моисею, бестелесного бог ничего не создал, а лишь упорядочил существовавшую до того материю. Ведь слова "земля же была безводна и пуста" означают не что иное, как то, что жидкое и твердое вещество у него – материя, а бога он выводит лишь как организатора ее.

А вот послушай, что говорит о мире Платон. "Действительно, все небо, или космос – назовем это и иначе, как это покажется приемлемее, существовали всегда, не имея никакого начала, или же возникли, имели некое начало? Мир имеет начало. Ибо он доступен зрению и осязанию и обладает телесностью. А все такое – нечто чувственное; чувственное же, воспринимаемое рассудком и ощущением, возникает и является смертным... Итак, по правильному рассуждению надо признать этот мир живым существом, одушевленным и разумным, которое в самом деле родилось по промыслу божьему".

Сопоставим только одну деталь: какую речь произносит бог у Моисея и какую у Платона.

"И сказал бог: "Создадим человека по образу нашему и подобию нашему; и да владычествуют они над рыбами морскими и над птицами небесными, и над скотом, и над всей землей, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле. И сотворил бог человека, по образу бога сотворил его; мужчиной и женщиной сотворил он их и сказал им:

плодитесь и размножайтесь и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над всеми животными, и над всей землей".

Послушай теперь речь, которую Платон приписывает творцу вселенной:

"Боги богов, все то, чему я творец и отец, будет неразруσιμο, такова моя воля. В сущности, все связанное разруσιμο, но то, что прекрасно, гармонично слажено и хорошо организовано, было бы грешно хотеть разрушить. Поэтому, поскольку вы созданы, вы не обладаете бессмертием и полной неразрушимостью, однако вы не погибнете и не получите смерти в удел, так как моя воля еще выше тех оков и сильнее тех свойств, которыми вы были ограничены, когда вы возникли. Теперь вникните в те указания, которые я вам даю. Есть еще три вида смертных, но не рожденных; если бы их не было, небо было бы несовершенным, ибо оно тогда не заключало бы в себе всех видов живых существ. Но, если я их создам и они получают жизнь от меня, они станут равны богам. Поэтому для того, чтобы существовало смертное и чтобы вселенная эта в действительности была всем, займитесь вы в соответствии со своей природой творением живых существ, подражая моей силе, которую я создал вас. При этом, поскольку им полагается иметь нечто от бессмертия, то божественное начало, которое руководит их желанием следовать справедливости и вам, это я посею в них, я доставлю и передам им. А все остальное вы дадите; присоединяя к бессмертному смертное, отделайте и производите живые существа, растите их, давая им пищу, и вновь восстанавливайте гибнущих".

А чтобы вы не думали, что это – фантазия, я вам разьясню это. Платон называет богами видимые солнце, луну, звезды и небо, но они – подобию

Античные критики христианства А. Б. Ранович filosoff.org невидимых. Видимое нашими глазами солнце – подобие умопостигаемого и невидимого; опять-таки являющаяся нашим глазам луна и каждое из светил подобия умопостигаемых. Вот этих-то умопостигаемых, невидимых богов, находящихся в них и с ними и рожденных самим творцом и от него происшедших, Платон знает. Правильно поэтому творец у него говорит: "боги, то есть невидимые, богов" – очевидно, видимых. Общий творец их – тот, кто устроил небо, землю, море и звезды и породил их прообразы в умопостигаемом мире. Итак, смотри, как мудро и дальнейшее рассуждение Платона. "Есть еще, говорит он, – три вида смертных" – очевидно, люди, животные и растения;

ибо для каждого из видов установлены свои законы. "Если бы, – говорит, любой из них произошел от меня, то безусловно необходимо, чтобы он был бессмертен". Ведь и для умопостигаемых богов и для видимого мира причиной их бессмертия служит то, что они рождены творцом. "Ведь то, что есть бессмертного, – говорит он, – по необходимости дано им от творца" – речь идет о разумной душе, – "остальное же, смертное, присоедините к бессмертному вы". Таким образом, ясно, что боги-творцы, восприняв творческую силу от отца своего, породили на земле то смертное, что есть в животных. В самом деле, если бы не должно было быть никакой разницы между небом и человеком и даже, клянусь Зевсом, между небом и пресмыкающимися или плавающими в море рыбами, тогда и творец должен был бы быть у них один: но раз есть большая разница между бессмертным и смертным, которая не становится ни больше, ни меньше, то причина должна быть у одного одна, у другого – другая.

Итак, поскольку Моисей, очевидно, не разобрал всего относящегося к подобающему творцу этого мира, сопоставим между собой мнение евреев и наших предков насчет наций.

Моисей говорит, что создатель мира избрал еврейский народ, заботится только о нем, только о нем думает, ему одному отдал свою заботу; об остальных же народах он и не вспоминает, как бы они ни жили и каким богам ни поклонялись; можно разве только допустить, что он позволил им пользоваться солнцем и луной. Но об этом ниже.

Пока я покажу, что и он сам (Моисей) называет его богом только Израиля и Иудеи, а евреев – избранниками, то же говорят бывшие после него пророки, и Иисус Назорей, и даже превзошедший всех когда-либо и где-либо живших шарлатанов и обманщиков Павел. Послушаем их речи и прежде всего Моисея: "и сказал фараону: Израиль первенец мой. Я сказал тебе: отпусти народ мой, чтобы он совершил мне служение. Ты же не захотел отпустить его". Исх., 4:23; цитаты из Библии всюду даны Юлианом неточно, но по смыслу верно. И несколько дальше: "и говорит ему: бог евреев явился к нам. Мы хотели бы пойти в пустыню на три дня пути, чтобы принести жертву господу богу нашему". И ниже опять в таком роде: "Господь бог евреев послал меня к тебе сказать: отпусти народ мой, чтобы он совершил мне служение в пустыне"... Исх., 5:3; 7:16. Здесь в дошедших до нас фрагментах пропуск;

отсутствует изложение высказывании пророков и Иисуса об избранности еврейского народа. А что бог с самого начала заботился только о евреях и что это был его излюбленный участок, говорят не только Моисей и Иисус, но, очевидно, и Павел. Как полипы в соответствии со скалами меняют окраску, так он в зависимости от случая меняет свое учение о боге; то он настаивает на том, что только иудеи – удел бога, то он, убеждая эллинов присоединиться к нему, говорит: "Бог есть не только бог иудеев, но и язычников; конечно, и язычников". Рим., 3:39. Уместно поэтому спросить Павла: если то был бог не только евреев, но и язычников, чего ради он послал евреям обильную пророческую благодать, и Моисея, и помазание, и пророков, и закон, и чудеса, и чудесные мифы? Ты слышишь, как они кричат: "Хлеб ангелов ел человек". Пс., 78:25. Под конец он и Иисуса к ним послал, а к нам – ни пророка, ни помазания, ни учителя, ни вестника предстоящей поэмке и нам некогда милости от него. Итак, в течение десятков тысяч или, если вам угодно, тысяч лет он не обращал внимания, что все люди, пребывая в таком невежестве, поклоняются, как вы выражаетесь, идолам, все от востока до запада и от севера до юга, за исключением небольшого племени, живущего даже еще неполных 2000 лет в уголке Палестины. Если он бог всех нас и творец всего, почему он на нас не обращал внимания? Приходится поэтому думать, что бог евреев в действительности не творец всего мира и не властвует над вселенной, но что он ограничен, как я говорил, и властью он, надо полагать, обладает ограниченной, наряду с прочими богами. И после этого мы еще будем прислушиваться к вам, что бога вселенной вы или кто-то из вашего корня вообразил себе до тонкости? Разве все это частности? "Бог ревнив!" А почему

Античные критики христианства А. Б. Ранович filosoff.org он ревнует и взыскивает с детей за грехи отцов? А теперь посмотрите опять-таки, что у нас говорят об этом? Наши говорят, что творец – общий отец и владыка всего, и прочие народы распределены им между богами народов и городов, и каждый управляет своей долей, как ему свойственно. Но в отце все совершенно и все едино, а частичные божества обладают каждый другой силой: Арес ведаёт военными делами народов, Афина – военным делом, связанным с мудростью, Гермес – делами, требующими смелости и предприимчивости, и сообразно с характером того или иного бога управляемые ими народы следуют им. И если опыт не подтверждает наших представлений, мы признаем, что наша теория – выдумка и лишена достоверности, и будем хвалить вашу. Если же, напротив, опыт от века подтверждает то, что мы говорим, а в ваших рассуждениях нигде нет ничего складного, что же вы цепляетесь за свои претензии на преимущество? Пусть мне скажут, почему кельты и германцы храбры, эллины и римляне обычно – обходительны и гуманны, будучи вместе с тем непреклонными и воинственными, египтяне – более смелый и склонный к искусствам народ, сирийцы невоинственные, изнеженные и вместе с тем умные, горячие, легкомысленные и понятливые люди. Если не видеть никакой причины такого различия между народами и утверждать, что оно скорее дело случая, то как можно в таком случае верить, что провидение управляет миром? Если же кто-нибудь считает, что здесь есть какая-то причина, то пусть, ради самого создателя, скажет и объяснит мне. Насчет законов ясно, что люди создали их в соответствии со своей природой: те, кто впитали в себя больше всего человеколюбия, создали законы общественно полезные и гуманные, а (законы) дикие и бесчеловечные – те, у кого характер упрочился противоположный. Законодатели своими правилами очень мало прибавили к естественным склонностям и обычаям. Ведь скифы не одобрили Анахарсиса, введшего вакхический культ; а среди западных народов за малыми исключениями ты не найдешь людей, склонных и способных к занятиям философией, геометрией и т. п., хотя уж столько лет как там утвердилась власть римлян; наиболее талантливые из них достигают умения владеть языком и произносить речи, но ни к каким другим наукам они не причастны. По сообщению Геродота, скифы убили своего мудреца Анахарсиса (VI в. до новой эры), который, побывав в Греции, вздумал завести среди скифов эллинские мистерии. Вот какова устойчивость естественных черт характера. Откуда же у народов различия в нравах и законах?

Моисей приводит совершенно баснословную причину различия в языках. Он говорит, что сыны человеческие, собравшись вместе, захотели построить город, а в нем большую башню; но бог сказал, что надо сойти и смешать их языки. А чтобы не подумали, что я клевету, прочтем подряд, что сказано в книгах Моисеевых: "И сказали они: ну, посмотрим себе город и башню, а вершина ее до небес; и сделаем себе памятник, чтоб нам не рассеяться по лицу всей земли. И сошел господь посмотреть город и башню, которую строили сыны человеческие. И сказал господь: вот один народ, и один язык у всех; и вот что они начали делать, и теперь не будет для них затруднения ни в чем, что они задумали бы делать. Сойдем же и смешаем там их язык так, чтобы один не понимал другого. И рассеял их господь по лицу всей земли, и они перестали строить город и башню". Так вот вы хотите, чтобы мы верили подобным вещам, а вы не верите тому, что Гомер говорит об алоадах, что они вознамерились взгромоздить три горы одну на другую, чтобы приступом небо взять. Одиссея. А я говорю, что и это столь же сказочно, как и то. Вы же, признавая первое, на каком основании, ради бога, отвергаете сказание Гомера? А уже о невежестве этих людей, я думаю, и говорить не стоит: если бы даже все люди на всей земле имели один язык и одну речь, они не сумеют построить башню, доходящую до неба, даже если бы они употребили на кирпич всю землю: ибо потребуется бесконечное число кирпичей размером во всю землю, чтобы можно было добраться до орбиты луны. Если допустить, что собрались все люди, что у них один язык, что они превратили всю землю в кирпич и в тесаные камни, то когда бы башня могла достигнуть до неба, если бы даже люди, выстроившись гуськом, вытянули ее тоньше иглы?

И вот, принимая такую явную басню за истину, приписав богу, что он испугался, как бы люди на него не покусились, и ради этого спустился и смешал их языки, вы после этого еще смеете хвалиться, что познали бога!

Возвратимся еще раз к рассказу о том, как бог смешал языки. Моисей приводит причину этого – бог испугался, чтоб люди не предприняли чего-нибудь против него, сделав небо доступным для себя, если будут говорить на одном языке и сумеют столкнуться. Но, как произошло дело, он не указывает, а лишь говорит, что бог для этого сошел на землю; очевидно, сверху, не спустившись на землю, он не мог этого сделать. А что касается различия в нравах и

Античные критики христианства А. Б. Ранович filosoff.org обычаях, то ни Моисей и никто другой этого не разъяснил. А ведь различие в национальных обычаях и законах среди людей вообще больше, чем разница в языке. Кто, например, из эллинов скажет, что можно сойтись с сестрой, дочерью или матерью? А у персов это считается дозволенным. Надо ли мне подробно перечислять всех, упоминать о любви к свободе и о непокорности германцев, о том, как смиренны и покорны сирийцы, персы, парфяне и вообще все восточные и южные народы, подчиняющиеся деспотической монархии? Но если эти более важные и ценные свойства создаются без божественного провидения, чего же мы напрасно хлопочем и поклоняемся тому, кто ни о чем не промыслит? Имеет ли право на наше уважение тот, кто не печется ни об образе жизни, ни о нравах, ни об обычаях, ни об установлении законного порядка и государственности?

Решительно нет. Вы видите, к какой нелепости приводит это рассуждение. Всем хорошим, что наблюдается у человека, руководит душа, а тело за ней следует. Поэтому, если бог пренебрег нашими душевными свойствами, да и о материальном нашем снаряжении не позаботился, не послал нам учителей и законодателей, как евреям, согласно Моисею и последующим пророкам, - то за что нам остается его благословлять?

А ведь и нам бог дал тех богов, которых вы не знаете, и добрых покровителей, не хуже того, которого чтут с древних времен у евреев, покровителя Иудей, о которой единственно ему досталось заботиться, как об этом говорит Моисей и его последователи до нашего времени. И если считать, что настоящим творцом мира является тот, кого почитают евреи, то мы еще лучше о нем разумеем, и нам он дал большие блага, чем им, - как душевные, так и внешние, - о них мы поговорим позднее, - и послал нам законодателей не худших, если не лучших, чем Моисей.

Как мы уже говорили, если различия в законах и нравах создали не национальный бог каждого народа, не ангел и демон, находящиеся под его началом, и не особое свойство душ подчиняться и покоряться лучшему, - то пусть мне укажут, кто же другой и как породил это. Для этого недостаточно ведь утверждать: "Бог сказал, и стало"; надо еще, чтобы природа творения не противоречила приказаниям бога. Поясню то, что я сказал:

бог приказал, чтобы огонь, появившись, тянулся вверх, а земля - вниз; но разве для того, чтобы это распоряжение бога исполнилось, не требуется, чтобы огонь был легок, а земля тяжела? То же самое относится и к другим явлениям... так же и относительно божественного. Причина в том, что род людской подвержен смерти и тлению; естественно поэтому, что и дела его изменчивы и могут меняться в различных направлениях. Бог же вечен, и его распоряжения тоже должны быть такими. Как таковые, они являются либо природой сущего, либо согласными с природой; ведь природа не может противиться велению бога и не может встать в противоречие с ним. Поэтому, если даже бог повелел, чтоб языки смешались и стали разнозвучными, или отдал такое же приказание насчет общественного строя народов, то он достиг исполнения этого не одним только своим велением и не этим только создал у нас разногласия. Для этого нужно было, чтоб в народах, которым предстояло быть различными, были заложены различные природные свойства. В этом можно убедиться, если посмотреть, как сильно отличаются германцы и скифы от ливийцев и эфиопов: неужели и это - результат простого повеления, и для образования того или иного цвета кожи богу не пришли на помощь климат и местные условия? Да и Моисей это знал - и скрыл; ведь он смешение языков приписывает не одному богу; он говорит, что бог сошел не один, с ним, конечно, сошел не один, а несколько; Моисей не говорит, кто они, но очевидно, что он имел в виду близких богу. В Библии бог говорит во множественном числе: "сойдем", "смешаем". Если, таким образом, для смешения языков сошел не только господь, но и его сопровождающие, то очевидно, что смешение нравов - дело не одного бога, но что, по всей вероятности, в создании этого расхождения участвовали и те, кто вместе с ним смешали языки.

Зачем я, не желая распространяться об этом, столько наговорил? Чтоб показать, что если считать надлежащим творцом вселенной того, о ком возвестил Моисей, то мы имеем о нем лучшее мнение, считая его всеобщим владыкой всего и признавая, кроме того, национальных богов, ему подчиненных, являющихся как бы заместителями царя, причем все они по-разному осуществляют свою задачу. И мы его не ставим в положение соперника поставленных им богов. А если бы даже он, выделив какого-нибудь отдельного бога, поручил ему от себя руководство вселенной, то нам все же лучше

Античные критики христианства А. Б. Ранович filosoff.org слушаться и познавать бога вселенной, даже не зная при этом того, то есть того низшего бога, которому верховный бог передоверил управление миром) кому досталось руководство самой незначительной долей.

Удивления достоин закон Моисея, его знаменитое десятизаконие: "не укради, не убий, не лжесвидетельствуй". Впрочем, выпишем все заповеди его собственными словами, как они записаны, по его словам, самим богом:

"Я - господь бог твой, который вывел тебя из Египта"; (Исх., 20:2 сл) затем вторая заповедь: "да не будет у тебя других богов кроме меня; не делай себе кумира"; к этому указывается и основание: "потому что я господь бог твой, бог-ревнитель, за вину отцов наказывающий детей до третьего поколения". "Не произноси имени господа бога твоего напрасно". "Помни день субботний". "Чти отца твоего и мать". "Не прелюбодействуй". "Не убий". "Не

укради". "Не произноси ложного свидетельства". "Не желай принадлежащего ближнему твоему".

Есть ли такой народ, который не считал бы необходимым соблюдать все эти заповеди, за исключением "не поклоняйся другим богам" и "помни день субботний"? Всюду установлены наказания за нарушение их - в одних местах более суровые, в других такие же, какие установлены Моисеем, кое-где и более мягкие.

Но заповедь "не поклоняйся другим богам" включает в себе немалую клевету на бога. "Ибо бог - ревнитель", говорит он; и в другом месте он повторяет: "бог наш - огонь поедающий". Втор., 4:24. Что же, если человек ревнив и завистлив, ты его порицаешь, а когда бог оказывается ревнивцем, ты это прославляешь? И разве похвально возводить столь явную клевету на бога? Ведь если он ревнив, то, значит, все боги пользуются почитанием и все прочие народы почитают богов вопреки его воле. Так почему же он не воспротивился, будучи столь ревнивым и не желая, чтобы почитали других богов, а только его? Что же, или он не в силах был, или он вначале не желал препятствовать культу других богов? Первое предположение - что он оказался не в силах - нечестиво;

второе же согласуется с нашим воззрением. Отбросьте поэтому этот вздор и не навлекайте на себя сами такую хулу. Ведь если он не хочет, чтобы кому-нибудь поклонялись, чего же ради вы поклоняетесь его незаконнорожденному сыну, которого тот никогда не признавал и не считал своим? Я это легко докажу; вы подкинули ему его, не зная откуда... Как видно из замечаний Кирилла Александрийского, в недостающих строках Юлиан говорил о том, что христиане заимствовали миф о сыне божьем из греческой мифологии. ...Нигде бог не проявляет себя сердитым, негодующим, гневающимся или клянущимся, он не так легко меняет свои решения... как говорит Моисей по поводу финееса. Если кто читал книгу Чисел, он знает, что я имею в виду. После того как финеес, застигнув поклонника Ваал Фегора вместе с прельстившей его женщиной, собственноручно убил их, нанеся им весьма мучительную и стыдную рану, - он говорит, что пронзил женщину через матку, (Чис., 25:5-8) - бог у него говорит: "финеес, сын Елеазара, сына Аарона, священника, отвратил ярость мою от сынов израилевых, возревновал по мне среди них, и я не истребил сынов израилевых в ревности моей". Чис" 25:11.

Что может быть ничтожнее того повода, по которому бог разгневался, согласно тому, что неверно пишет о нем автор? Что может быть бессмысленнее (этой ярости бога), если десять, или пятнадцать человек, или, скажем, сто не тысяча же в самом деле - а впрочем, положим, даже тысяча, осмелились нарушить один из установленных богом законов? Неужели нужно было, чтобы из-за одной тысячи погибли шестьсот тысяч? Согласно библейским данным, евреи насчитывали в пустыне 600 000 человек; в тексте, на который ссылается Юлиан, говорится о том, что бог хотел уничтожить всех евреев и, пока финеес утишил его ярость, он успел уничтожить 24 000. Я считаю, что гораздо лучше, чтобы вместе с тысячей хороших людей спасся и один порочный, чем чтобы с одним негодяем погибли тысячи... Здесь Юлиан, по словам Кирилла, присоединяет пространное рассуждение о том, что не следует творцу неба и земли проявлять нрав столь свирепый, что часто у него является желание уничтожить весь род Израилев. Если гнев его против одного из героев и незначительного демона оказался непереносимым для целых стран и городов, то кто мог бы устоять, если бы он разгневался на демонов, ангелов или людей? Стоит сравнить его с кротостью Ликурга, незлобивостью Солона или с милосердием и беспристрастием римлян по отношению к преступникам. Ликург

Античные критики христианства А. Б. Ранович filosoff.org легендарный законодатель древней Спарты. Солон – один из крупных политических деятелей Древней Греции, поэт и законодатель; в 594 г. до новой эры он произвел реформу афинского государственного строя. А насколько наши воззрения лучше, чем проповедуемые Моисеем, можно видеть и из следующего. Наши философы предписывают нам подражать по возможности богам, а подражание это заключается в созерцании сущего. А что этому созерцанию чужды страсти, что оно заключается в душевном покое, ясно без слов. Именно, поскольку мы пребываем в душевном покое, устремившись к созерцанию сущего, мы уподобляемся богу. А в чем состоит восхваляемое евреями подражание богу? "Финеес, – говорит он, – отвратил мою ярость от сынов израилевых, возревновав по мне среди них". Выходит, что бог перестал сердиться, когда нашел человека, разделившего с ним гнев и досаду. Подобные вещи Моисей во многих местах своего писания говорит о боге.

А что бог заботился не только об евреях, но и о всех народах и евреям не дал ничего важного, великого, а нам – гораздо лучшее и отличное, вы можете усмотреть из нижеследующего. Египтяне имеют право сказать, поскольку они могут насчитать немало имен мудрецов, что они многих получили по преемству от Гермеса, – я имею в виду того Гермеса, который в третий раз посетил Египет; халдеи и ассирийцы – от Оаннеса и Бела, и эллины – тысячи, начиная с Хирона; от последнего произошли все мистики и богословы; а евреи думают, что только их мудрецов надо прославлять... "Затем, – пишет Кирилл, он осмеивает Давида и Самсона и говорит, что они вовсе не были столь сильны в боях, что они значительно уступают в силе эллинским и египетским героям, да и размер их царства ограничивался едва пределами Иудеи". Имеется в виду так называемый Гермес Трисмегист (Трижды величайший), отождествленный с египетским богом Тотом; культ этого божества имел мистические черты; последователи герметических таинств проповедовали учение о Логосе, оказавшее влияние на христианское богословие. Оаннес, или За, – один из главных богов древневавилонской религии, владыка водной стихии. Бел, или Мардук, – первоначально божество Вавилона; впоследствии стал верховным богом, которого греки отождествляли с Зевсом. Хирон – мифическое существо, кентавр (получеловек-полулошадь); согласно греческому мифу, он был воспитателем Ахиллеса и целителем.

Разве дал он вам начало знания и философскую образованность? И в чем это выразилось? Наука о небесных явлениях получила развитие у эллинов, а первые наблюдения сделаны у варваров в Вавилоне. Геометрия достигла высокого развития, возникши из размежевания земель в Египте. Арифметика, которой положили начало финикийские купцы, стала у эллинов образцом науки. Эллины сочетали эти три дисциплины с музыкальной ритмикой, соединив астрономию с геометрией и к ним обеим приложив науку о числах и их гармонии. Таким образом, они установили законы музыкального искусства, открыв наиболее правильные или весьма близкие к ним законы гармонии, услаждающие слух.

Надо ли перечислять отдельно всех людей и все достижения? Надо ли называть таких людей, как Платон, Сократ, Аристид, Кимон, Фалес, Ликург, Агесилай, Архидам, или, лучше, ряд философов, полководцев, строителей, законодателей? Можно убедиться, что даже самые дурные и бесчестные из вождей гораздо мягче относились к обидчикам, чем Моисей к невинным. О каком мне царстве (в первую очередь) говорить? Говорить ли о Персее, или об Эаке, или о Миносе Критском, который очистил море от пиратов, изгнав и оттеснив варваров до Сирии и Сицилии, – продвинувшись по обе стороны своих границ, он овладел не только островами, но и береговыми странами. Персей, Эак, Минос и Радамантий – герои греческой мифологии. Последние три считались судьями в подземном царстве. Поделив с братом Радамантием не землю, а заботы о людях, он издал законы, которым научил его Зевс, а брату предоставил исполнять судебские обязанности... Здесь Кирилл пропустил многое, изложив это вкратце: "После этого он пускается в открытое море повествований и упоминает об эллинской истории; он говорит о Дардане, родившемся от Зевса и дочери Атланта Электры, о том, как он основал Дарданию, а после смерти стал царствовать рядом с Зевсом. Доведя до конца в своем духе пустую болтовню о Дардане, он переходит к бегству Энея, его отъезду из Трои к италийским племенам, затем он упоминает о Ромуле и Реме, о том, как был основан Рим". А когда после его основания возникли многие войны, он всюду одерживал верх, всегда побеждал; сильно благодаря этому разросшись, Рим нуждался в более прочной безопасности; тогда Зевс дал ему мудрейшего Нуму, того самого прекрасного Нуму, который проводил время в безлюдных рощах, общаясь с богом в чистых размышлениях о нем... Нума Помпилий – второй легендарный римский царь, которому предание приписывало учреждение ряда религиозных институтов по советам нимфы Эгерии, навещавшей царя в уединенной роще. Он установил

Античные критики христианства А. Б. Ранович filosoff.org большинство жреческих законов. Таким образом, Зевс дал городу эти законы, людям воздержным и вдохновенным, через Сивиллу и других предсказателей, бывших в то время, на родном языке. А упавший с неба щит и обнаруженную в холме голову – откуда, по-видимому, получило свое название местопребывание великого Зевса – эти вещи мы должны отнести к дарам первого или второго ранга? По римскому преданию, в царствование Нумы с неба упал щит, который был передан на хранение жрецам и служил святыней-защитницей (палладиумом) Рима. Другое предание рассказывает, что, копая холм Капитолий, работники нашли сохранившуюся чудесным образом голову (по-латыни *caput*), и отсюда якобы Капитолий получил свое название. И вот, жалкие вы люди, в то время как мы храним упавшее с неба оружие, которое послал нам великий Зевс или отец Арес в виде не словесного, а вещественного залога, что он постоянно будет защищать наш город, вы отказываетесь поклоняться ему и чтить его, а поклоняетесь дереву креста, делая его знамение на лбу и вырезывая его на жилищах. Арес – греческий бог войны – римский Марс. Не следует ли ненавидеть разумных среди ваших последователей и жалеть глупых за то, что они дошли до такого падения и, отвернувшись от вечных богов, обратились к еврейскому трупу? Я опускаю мистерии матери богов, и я уважаю Мариа. Марий (156–86 гг. до новой эры), римский полководец, был ревностным поклонником фригийской Великой матери Кибелы, которой Юлиан посвятил специальное хвалебное слово. См.: Плутарх. Марий, 17–18, посылаемое богами вдохновение нисходит редко, на немногих людей, не всякий человек может его получить и не во всякое время. Поэтому и у евреев (пророчество) прекратилось, и даже у египтян оно не сохранилось; по-видимому, и естественные оракулы (умолкли) под влиянием времени. Поэтому наш владыка и отец Зевс для того, чтоб мы не были вовсе лишены общения с богами, дал нам возможность наблюдения посредством священных действий, чтобы мы получали по мере надобности подобающую помощь.

Я едва не забыл величайший дар Гелиоса и Зевса; но правильно было приберечь его к концу. Этот дар не только наш; он, я думаю, общий у нас с эллинами, родственными нам. Я имею в виду, что Зевс в умопостигаемом мире породил у себя Асклепия, а на земле проявил его через животворящую силу Гелиоса. Последний, совершив свой путь с неба на землю, явился в человеческом образе в Эпидавре; оттуда, продвигаясь дальше, он простер свою благодатную десницу над всей землей; он прибыл в Пергам, в Ионию, в Тарент и, наконец, в Рим; затем ушел в Кос, оттуда в Эги; затем во все места на суше и на море. Во всех перечисленных городах находились святилища Асклепия, славившиеся чудесными исцелениями больных. Он не навещает каждого из нас в отдельности; однако он исправляет души, склонные к заблуждению, и исцеляет телесные недуги.

Какими же такими дарами своего бога могут похвастать евреи, что вы переметнулись от нас и следуете за ними? Если бы вы держались их учения, вы бы не были окончательно несчастны; вам было бы хуже, чем раньше, когда вы были с нами, но все же ваше положение было бы сносно и терпимо. Находясь под властью жестоких, суровых и в значительной мере диких и варварских законов, вместо наших мягких и человеколюбивых, вы бы в прочих отношениях были хуже, но ваш культ был бы чище и безупречнее. А теперь вы, как пьявки, отсосали оттуда испорченную кровь, а более чистую им оставили. Иисус же, прельстивший худших из вас, прославился тридцати слишком лет от роду и за всю свою жизнь не совершил ничего достопамятного, если не считать, что исцеления слепых и хромых и заклинания бесноватых в деревушках Вифсаиде и Вифании являются великими подвигами. Благочестия евреев, поскольку оно есть, вы знать не хотите; но вы подражаете их гневу и суровости, (подобно им) разрушаете храмы и жертвенники и убивали не только тех из наших, которые остаются верны религии отцов, но и принадлежащих к вашему же заблуждению еретиков, которые оплакивают труп не таким же самым образом, как вы. Впрочем, это вы уже скорее делаете по своему почину, ибо ни Иисус, ни Павел нигде такого распоряжения вам не давали по той причине, что и не надеялись, что вы когда-нибудь получите такую силу. Они были довольны, если им удавалось обмануть служанок и рабов, а через них – женщин и таких мужчин, как Корнелий и Сергей. Намек на Деяния апостолов (гл. 10, 13). Если найдется среди них хотя бы один из видных людей того времени – я имею в виду царствование Тиберия или Клавдия, – то считайте, что я обо всем налгал.

Не знаю, откуда на меня как бы вдохновение нашло, когда я выступил и сказал, что "чем вам не угодили наши боги, что вы переметнулись к иудеям?". Не потому ли, что боги Рима дали властвовать, иудеям же только на короткое время дали свободу, а всегда делали их рабами и пришельцами? Посмотри на

Античные критики христианства А. Б. Ранович filosoff.org
Авраама: разве не был он пришельцем на чужбине? Разве Яков не был рабом сначала у сирийцев, потом у филистимлян, а на старости у египтян? Не говорит ли Моисей, что выведет их из Египта, из дома рабства, простертой рукой? Поселившись в Палестине, они изменили свою участь не прочнее, чем, как говорят наблюдатели, хамелеон – цвет кожи, то покоряясь своим судьям, то пребывая в рабстве у чужеземцев. А когда они основали свое царство – не будем пока говорить, как это было; бог ведь не по своей воле дал им царскую власть, как говорит писание; они его принудили, и он их предупредил, что царская власть у них будет плохая, (1 Цар., 8:11) – единственное – что они несколько больше трехсот лет жили и трудились на своей земле. А затем они были в подчинении сначала у ассирийцев, затем у мидян, после этого у персов и, наконец, теперь у нас. И проповедуемый вами Иисус был подданным цезарей. Если не верите, я несколько позже докажу это. Впрочем, лучше сейчас сказать.

Вы говорите, что он вместе с отцом и матерью был включен в перепись Квирина. Но что хорошего дало его сородичам его рождение? Это, говорят, оттого, что они не захотели слушаться его. Как же так? Жестокосердый и жестоковыйный народ этот слушался же Моисея? А Иисус, приказывающий ветрам, шествующий по морю и изгоняющий демонов, творящий небо и землю, – в действительности этого о нем ни один из учеников не решился сказать, только один Иоанн, и то неясно и неотчетливо, но допустим, что так сказано, – не сумел ради спасения своих друзей и близких изменить их предрасположение! Об этом мы поговорим немного позднее, когда приступим к подробному разбору евангельских нелепых разъяснений и лукавства. А теперь ответьте мне на следующее: что лучше – быть постоянно свободным и целых две тысячи лет властвовать над большей частью земли и моря или быть рабом и жить по чужой указке? Не найдется такого бесстыдника, который предпочел бы второе. А на войне одержать победу хуже, чем потерпеть поражение? Нет такого глупца, который бы так думал. А если это так, то назовите мне у евреев одного такого полководца, как Александр, как Цезарь. Нет у вас такого. Собственно, клянусь богами, я понимаю, что оскорбляю этих мужей, (тем, что он их сравнивает с евреями) но упомянул о них потому, что их знают. Людей похуже их большинство не знает; но и из этих каждый в отдельности больше стоит, чем все еврейские деятели, вместе взятые.

А в отношении гражданского законодательства, характера суда, управления городами, красоты... успехов науки, развития свободных искусств разве евреи не являются жалкими варварами? Правда, злобный Евсевий утверждает, что у евреев были стихи, и тщеславится тем, что они владели логикой, название которой он знает только понаслышке от эллинов. Существовала ли у евреев медицинская школа, как у эллинов школа Гипократа и других? Евсевий. Ргаер. ев. XI, 5, 7; "и у них были стихотворные произведения, как, например, великая песнь Моисея и псалом Давида 119, написанный так называемым у греков героическим размером". Разве можно сравнить "мудрейшего" Соломона с эллинами Фокилидом, Феогнидом или Исократом? Фокилид – греческий поэт-моралист сер. VI в. до новой эры Феогнид – греческий поэт второй половины VI в. до новой эры, автор философских элегии, в которых он выступает как идеолог аристократии в ее борьбе с демосом. Если сравнить притчи Соломона с изречениями Исократа, ты убедишься, я уверен, что сын Феодора выше "мудрейшего" царя. Зато, говорят, тот был искусен в богослужении. Но что же? Разве этот Соломон не поклонялся нашим богам, введенный, как говорят, в обман женой? Какая великая добродетель! Какая глубина премудрости! Он не сумел стать выше наслаждения, и речи женщины его соблазнили. Но если женщина могла его обмануть, то не называйте его мудрым. Если же вы уверены, что он мудрый, то вы не должны думать, что он был обманут женой, но что он на основании собственного суждения и разума и в силу полученного им от бога указания стал поклоняться и другим богам. Ведь зависть и ревность не доходит даже до лучших людей, тем более они несвойственны ангелам и богам. Но вы привержены низшим силам, которые безошибочно можно назвать демонами; у них – то есть честолюбие и тщеславие, а у богов ничего подобного нет.

Зачем вы присосеживаетесь к эллинской науке, раз для вас достаточно чтения вашего писания? Ведь и от этого надо было бы скорее удерживать людей, чем от вкушения идоложертвенного мяса; ибо от последнего, как говорит Павел, вкушающий вреда не получает, но вы, мудрецы, утверждаете, что совесть того, кто видит брата своего за идоложертвенным мясом, соблазнится. Рим., 14:20; 1 Кор., 8:7 сл. Но ведь благодаря нашей науке всякий из вас, кто имеет благородные задатки, отступается от своей нечестивости;

у кого сохранилась хоть капля дарования, тот тем скорее отказывается от

Античные критики христианства А. Б. Ранович filosoff.org вашей нечестивой религии. Поэтому важнее удерживать людей от наук, чем от жертвенного мяса. Но вы и сами, как мне кажется, знаете, что разница между вашими писаниями и нашими в смысле знания не в вашу пользу, что от ваших писаний никто не может стать порядочным человеком, а от наших человек делается лучше самого себя, даже если он был во всех отношениях бездарным. А кто по природе талантлив и к тому еще получил образование у нас, тот в действительности становится для людей даром богов, человеком, разжегшим светоч знания, совершенствующим государственный строй... в качестве полководца он поражает многих врагов в героических походах на суше и на море... "После этого,- пишет Кирилл,- он осмеивает священное и боговдохновенное писание за то, что оно написано на еврейском языке".

Это можно точно доказать: соберите всех ваших детей и заставьте их изучать писание; и если, выросши и став мужчинами, они окажутся чем-нибудь более достойным, чем рабы, то скажите, что я болтун и безумец. Вы до того жалки и неразумны, что считаете божественным учение, от которого никто не становится ни умнее, ни храбрее, ни более стойким; а то, благодаря чему можно приобрести храбрость, ум и справедливость, вы отдаете сатане и поклоняющимся сатане.

Асклепий исцеляет наше тело, музы вместе с Асклепием, Аполлоном и Гермесом искусным - наши души, Арес и Энио помогают нам на войне, а всем этим руководит девственная, не имеющая матери Афина вместе с Зевсом. Арес и Энио соответствуют римским Марсу и Беллоне, Афина - Минерве. Афина называется "не имеющей матери" (*amator*), так как, согласно греческой мифологии, она родилась из головы Зевса и матери не имела. И вот посмотрите, не превосходим ли мы вас во всех отношениях - в искусствах, мудрости и разумении; идет ли речь о предметах потребления или о подражательном искусстве ради красоты - вроде скульптуры и живописи, об искусстве управления, о лечебном искусстве Асклепия, святилища которого имеются всюду на земле,- все это бог нам дает в удел навсегда. Меня самого, когда я болел, вылечил Асклепий, указав лекарство; тому свидетель Зевс. Таким образом, если мы, посвятив себя духу отступничества, находимся в лучшем положении как душевно, так и телесно и материально, зачем же вы нашу религию оставили и пристаёте к той?

Почему вы не остаётесь верны учению евреев и не соблюдаете закона, который бог им дал, а отвергнув закон отцов и отдавшись тем, кого провозвестили пророки, вы ушли от тех дальше, чем наши сторонники? В действительности, если присмотреться к вашему учению, то ваша нечестивая вера складывается из иудейской дерзости и языческого равнодушия и низости. От тех и других вы заимствовали не лучшее, а худшее и сделали обшивку из пороков.

У евреев есть точно установленные культовые обычаи, святыни и тысячи запретов, необходимые в жизни и призвании жрецов. Законодатель запретил поклоняться всем богам, а предписал служить только одному, тому, чью "часть составляет Яков, а Израиль - наследственный удел"; (Втор., 32:9) но он сказал не только это, но как будто прибавил: "Богов не злословь". Исх., 22:28; в русском переводе вместо "богов" - "судей". Но бесстыдные и дерзкие последователи его, желая уничтожить у толпы всякое благоговение, решили к заповеди "не служить" (чужим богам) присоединить (обязанность) хулить их, и только это вы оттуда извлекли: в остальном у вас с ними нет ничего общего. Таким образом, из нового учения евреев вы присвоили обычай хулить почитаемых нами богов, а из нашей религии вы, отбросив благоговение перед всяким высшим существом и преданность законам отцов, позаимствовали лишь разрешение есть все, как огородную зелень. По правде сказать, вы возгордились тем, что вы развили то, что у нас есть низкого. Это, мне кажется, вполне естественно случается со всеми народами; вы решили приспособить свою религию к образу жизни другого сорта людей - торговцев, мытарей, танцовщиков и сводников.

Что таковы не только нынешние, но и те, кто с самого начала восприняли учение от Павла, видно из того, о чем свидетельствует Павел в своих посланиях к ним. Я думаю, он не был настолько бессовестен, чтобы в письмах к ним делать им такие тяжелые упреки, не зная (что они их заслужили); если бы он даже расточал им похвалы такого масштаба, ему надо было бы покраснеть, если б они были даже заслужены, а если б они были ложны, то он навлек бы на себя обвинение в низкой лести и рабской угодливости. Но вот что Павел пишет своим слушателям о них самих: "Не обманывайтесь: ни идолопоклонники, ни блудники, ни развращенные, ни мужеложники, ни воры, ни лихоимцы, ни пьяницы, ни злоречивые, ни хищники царства божия не

Античные критики христианства А. Б. Ранович filosoff.org унаследуют. А вы знаете, братья, что и вы были такими; но омылись, но осыпались именем Иисуса

Христа". 1 Кор., 6:9 сл. Как видишь, он говорит, что и они были такими, но осыпались и омылись; очевидно, обильная вода способна омыть и очистить, проникая до самой души. Что же, крещение не смывает проказы у прокаженного, не смывает ни лишая, ни бородавок, ни подагры, ни дизентерии, ни водянки, ни паронихии, ни малого, ни большого телесного повреждения, а прелюбодеяние, грабежи и вообще все беззакония души оно уничтожает?.. Дальнейшее Кирилл излагает своими словами: "уловленных в сети веры Христовой ради познания истинного бога и служения ему он приравнивает к рабам, которые... не выдержав ига рабства, признали за благо бежать, так как если они обманутся в своей надежде, им не будет хуже, чем было".

Христиане говорят, что они отличаются от нынешних иудеев, но что именно они - истинные израильтяне, в согласии с пророками, и что они больше всех следуют Моисею и последовавшим за ним в Иудее пророкам; посмотрим же, в чем они больше всех согласны с пророками. Начать надо с Моисея, который, по их словам, предсказал будущее рождение Иисуса. Но Моисей не раз, не два, не три, а много раз предписывает почитать одного только бога, которого он и называет всюду, а другого бога - нигде. Он называет ангелов, владык и, конечно, много богов, но исключительным он считает первого и не допускает ни подобного, ни неподобного ему, как это вы придумали. Если есть у вас где-нибудь на этот счет хоть одно высказывание Моисея, вам предоставляется привести его. Что касается слов "господь бог ваш воздвигнет вам пророка из братьев ваших, как меня; слушайте его", то здесь вовсе не говорится о рожденном Марией. Юлиан здесь цитирует Деяния апостолов (гл. 3), где в свою очередь автор цитирует Второзаконие (18:18). Но если даже в угоду вам согласиться с вами, то ведь (Моисей) говорит, что тот будет подобен ему, а не богу, что то будет пророк, как он, из среды людей, а не от бога. Что касается слов "не отойдет скипетр от Иуды и наставник от бедер его", (Быт., 49:10) то здесь речь не об Иисусе, а о царстве Давида, которое на самом деле прекратилось на царе Седеки. Здесь в писании сказано как-то двусмысленно: "пока придет подобающее ему", а вы переделали в "пока придет тот, кому подобаёт". В еврейском тексте сказано: "пока придет" - "schiloh"; в переводе "70 толковников" (Septuaginta) непонятное слово "schiloh" было переведено как "подобающее ему" - "schelo". Другие переводчики пошли дальше и подделали это место так, чтобы можно было видеть здесь намек на Иисуса. Что все это не имеет отношения к Иисусу, ясно; ведь он не из племени Иуды; ведь он родился, по-вашему, не от Иосифа, а от духа святого. Но вы, составляя генеалогию Иосифа, выводите его от Иуды, да и то не сумели это придумать умело: Матфей и Лука изобличают друг друга, расходясь между собой в его генеалогии. Однако, так как это мы намерены подробно разобрать во второй книге, мы это пока обойдем. Но согласимся с вами, что он властитель из Иуды, (но тогда) он не бог и не от бога, как у вас сказано, и (не может быть, чтобы) "все через него начало быть и без него ничего не начало быть". Имеется в виду Евангелие от Иоанна (8:42): "я от бога исшел". Но, (скажете вы), сказано в книге Чисел: "Восходит звезда от Якова, и человек от Израиля"; что это относится к Давиду и его потомкам, очевидно; ведь Давид был сыном Иессея. Чис., 24:17; по-видимому, в том экземпляре, который имел Юлиан, вместо "Израиля" было написано "Иессея": этим объясняется его дальнейшая ссылка на Давида, сына Иессея. Итак, если вы стараетесь убеждать на основании этих (текстов писания), то извлеките и предъявите хотя бы одно высказывание, как я привел их много. А что (Моисей) признавал только одного бога, бога Израиля, об этом он говорит во Второзаконии: "чтобы ты знал, что господь бог твой - это есть бог, нет другого, кроме него". Втор., 4:35. И дальше еще: "И положи в сердце твоём, что господь есть бог, на небе вверху и на земле внизу, нет другого, кроме него"; (Втор. 4:39) и еще раз:

"Слушай, Израиль, господь - бог наш, господь один", (Втор. 6:4) и еще раз: "Видите, что я - я и нет бога, кроме меня". Втор. 32:39. Таким образом, Моисей утверждает, что есть только один единственный бог. Но, может быть, эти скажут: "И мы не говорим, что есть два или три". Но я покажу, что они именно это утверждают, и сошлюсь на Иоанна, который говорит: "вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог". Ин., 1:1. Ты видишь, - сказано: "было у Бога";

идет ли речь о рожденном Марией или о ком-либо другом, - я сразу отвечу и Фотину, - не составляет никакой разницы; (по этому вопросу) предоставляю вам спорить между собой. Фотин - ересиарх, отвергавший рождение Иисуса, как бога, из чрева женщины. Сохранилось письмо к нему Юлиана. Но что

Античные критики христианства А. Б. Ранович filosoff.org (евангелист) говорит "у бога" и "вначале" - это надо удостоверить. Ну, так как же оно согласуется с учением Моисея?

Но это, говорят они, согласуется с Исаией, ибо Исаия говорит: "Се дева понесет во чреве и родит сына". Ис" 7:14. Допустим, что здесь действительно говорится о боге, хотя оно отнюдь не относится к богу: так ведь она была не девой, а замужней женщиной, и, прежде чем забеременеть, она соединилась со своим мужем. В еврейском тексте сказано "almah", что означает молодую женщину, а не деву. Допустим, что она была девой; но ведь там не сказано, что от нее родится бог. А вы не перестаете называть Марию богородицей, хотя (Исаия) не говорит, что рожденный от девы будет "единородным сыном божьим", "рожденным прежде всякой твари"; может ли кто-нибудь показать в речах пророков сказанное Иоанном: "Все через него начало быть, и без него ничто не начало быть"? А то, что мы доказываем, все можете услышать от пророков подряд: "Господи боже наш, спаси нас, кроме тебя, мы никого не знаем". Ис., 26:13. У пророков царь Иезекия молится: "Господи боже Израилев, сидящий на херувимах! ты - истый бог один". Ис. 37:16. Ведь не остается никакого места для второго. Но если, по-вашему, логос - бог от бога, произошедший из естества отца, на каком же основании вы называете деву богородицей? Как она, будучи человеком, могла родить бога? К тому же вы дерзнули сказать, что она родила спасителя, тогда как бог ясно говорит: "Я есмь, и никого нет, кроме меня, спасителя". Втор., 32:39 (цитата приблизительная).

А что Моисей называл ангелов богами, можно убедиться из следующих слов: "И сыны бога, увидав дочерей человеческих, что они прекрасны, брали себе в жены, какую кто избрал", и несколько ниже: "И после того, как сыны бога стали входить к дочерям человеческим, и те стали рожать им. Это сильные, издревле славные люди". Быт., 6:2, 4. Совершенно очевидно, что речь идет об ангелах, и здесь не нужно приводить постороннее доказательство, так как это вытекает из сообщения, что от них родились не люди, а гиганты; ясно, что если бы он считал, что их отцы - люди, а не существа высшего порядка, обладающие особой силой, он бы не сказал, что они породили гигантов; по-моему, он здесь высказал мысль, что гиганты произошли от смешения смертного с бессмертными. И вот, называя многих сынов божьих, притом не людей, а ангелов, неужели он не сообщил бы людям об единородном слове божьем, или сыне божьем, или как вы его там называете, если бы он о нем знал? Что он этого не считал чем-то великим, (видно из того, что) он говорит об Израиле: "Израиль, сын мой, первенец мой"; (Исх., 4:22) но почему Моисей не сказал этого об Иисусе? Он учил о едином боге и о многих его сыновьях, между которыми были распределены народы, но первородного сына божьего, или слова божьего, или иного, ложно вами впоследствии вымышленного, он с самого начала не знал и явно о нем не учил. Вы слушались Моисея и других пророков. Но вот Моисей часто и много говорит в таком роде: "господа бога твоего бойся и ему одному служи"; (Исх., 4:22) как же евангелие передает об Иисусе, что он предписывает: "Идите научите все народы, крестя их во имя отца и сына и святого духа", (Мф., 28:19) если они хотели служить ему? И вы, мысля в согласии с этим, в то же время обожествляете наряду с отцом и сына...

Следует значительный пропуск, так как Кирилл передает текст Юлиана своими словами: "Он говорит, что христианские законы не согласны с законами Моисея, что христиане не желают жить по обычаям иудеев, хотя они восприняли обычаи эллинов. И те, и другие живут по одинаковым обычаям, за исключением, самое большее, двух или трех - того, что они не признают других богов и так называемых жертвоприношений для гадания по печени. Но что из того, раз все прочее у них общее с эллинами без изменений? У иудеев очень важно обрезание. Его совершает, говорит он, и храмовое жрецство египтян, а также халдеи и сарацины, но без заимствования (от евреев). Точно так же, говорит он, у них были в почете жертвы, как первинки, всесожжения, жертвы за грех, жертвы приношения и, по его мнению, жертвы почтительные, очистительные и освятительные. Он думает, что иерофант Моисей совершал жертвоприношения демонам нечистым и отвратительным и - что еще возмутительнее, законодатель, говорит, предоставил делать это жрецам, так что мы можем его уличить в том, что он издавал законы, противоречащие его собственной практике. Если же, как он говорит, мы видим, что он предписывает приносить установленные жертвы также опасным демонам, то каким образом он нас отвращает от зла и, скорее, сам не выводит нас прямо на эту дорогу?"

Послушай опять, что он говорит о демонах: "Пусть возьмет двух козлов в жертву за грех и одного овна во всесожжение. И принесет Аарон тельца в жертву за грех за себя и очистит себя и дом свой. И возьмет двух козлов и

Античные критики христианства А. Б. Ранович filosoff.org поставит их перед лицом господним у входа скинии свидетельства. И бросит Аарон об обоих козлах жребий: один жребий от господа, другой жребий для отпущения", с тем чтобы, говорит он, отослать его для отпущения и отправить его в пустыню. Лев., 16:5 сл.; в еврейском тексте Библии речь идет не о "козле отпущения", как в переводах, а о "козле Азаелу", то есть козле, приносимом в жертву духу пустыни богу-козлу (Азаел); редакторы еврейского текста также были шокированы таким соседством для Яхве и заменили "Азаел" менее режущим ухо, хотя и бессмысленным, "Азazel". Вот каким образом отсылают козла отпущения. А о втором козле он говорит: "и заколет козла в жертву за грех народа пред господом, и внесет кровь его за завесу, и покропит кровью основание жертвенника, и очистит святилище от нечистот сынов Израилевых и от преступлений их во всех грехах их". Лев., 16:15. Из сказанного ясно, как Моисей знал способ жертвоприношений. А что он не считал их, как вы, нечистыми, вы можете усмотреть из следующих его слов: "Если кто, имея на себе нечистоту, будет есть мясо жертвы господней, то истребится душа его из народа своего". Лев., 7:20. Вот как Моисей сам осторожен насчет вкушения жертвенного мяса. Надо напомнить и вышесказанное, по поводу чего мы все это сказали. Почему же вы, отпавши от нас, не соблюдаете и иудейского закона и не остаетесь верными предписаниям Моисея? "Но, - скажет кто-нибудь из вас, посмотрев выразительно, - ведь и евреи не приносят жертв!" Но я этого слепца разобью в пух и прах: во-первых, вы и других принятых у иудеев законоположений не соблюдаете; во-вторых, иудеи в тайниках приносят жертвы и теперь еще едят жертвенное мясо и молятся перед принесением жертвы, и отдают правую лопатку священникам вместо первинки, и, лишившись храма, или, как они обычно говорят, святыни, стремятся подносить богу первинки от жертвенных животных. А вы, придумавшие новые жертвоприношения, почему не приносите жертв? Ведь вам Иерусалима не надо? Впрочем, это я уже говорю вам лишнее, это у меня вырвалось, хотя я вначале хотел показать, что евреи согласны с язычниками за исключением того, что они верят только в одного бога. Этот пункт - их особенность, и нам он чужд; но все остальное как будто у них то же, что и у нас, - храмы, священные участки, жертвенники, очищения, разные защитительные обряды; во всем этом они от нас либо вовсе не отличаются, либо очень мало... "Мы совершаем, по его словам, ошибку по отношению к обоим верам, так как, с одной стороны, мы не допускаем многобожия, а с другой стороны, признаем не одного бога, согласно закону, а трех вместо одного" (Кирилл).

Почему вы в отношении пищи не чисты подобно иудеям, а говорите, что все можно есть, как огородные овощи: вы поверили Петру, который, говорят, сказал:

"что бог очистил, того ты не почитай нечистым". Деяния апостолов (10) рассказывают, что апостол Петр, находясь в доме кожевника и проголодавшись, "пришел в исступление" и увидел "полотно и... в нем всякие четвероногие земные звери, пресмыкающиеся и птицы небесные. И был глас к нему: "Встань, Петр, заколи и ешь". Где же доказательство того, что в древности бог считал это нечистым, а теперь он это сделал чистым? Моисей ведь указывает относительно четвероногих, что всякий скот, у которого, как он говорит, раздвоены копыта и на копытах глубокий надрез и который жует жвачку, - чист, а у кого нет этого - нечист. Итак, если свинья в видении Петра получила свойство жевать жвачку, то придется ему поверить. Воистину чудо, если после видения Петра она приобрела это свойство. Если же он солгал будто имел это видение, или, выражаясь по-вашему, "откровение" у кожевника, то как же вы в таком деле так скоро поверили? Разве Моисей заповедал вам что-то трудное, запретив есть кроме свинины также птиц и рыб, получив указание от бога, что и они, как и те являются отверженными и нечистыми? Однако зачем я так долго распространяюсь об этом, когда можно видеть (прямо), имеет ли (Моисеев закон) какую-нибудь силу (у христиан)? Они ведь говорят, что бог к прежнему закону прибавил второй; тот был написан применительно к случаю на ограниченное время, а затем появился новый, потому что тот был ограничен временем и местом Моисея. Я ясно покажу, что они говорят неправду, и приведу из книг Моисеевых не только десять, но тысячи свидетельств, где он называет закон вечным. Послушайте для начала из книги Исход: "И да будет этот день вам памятен и празднуйте его, как праздник Господу, в роды ваши; как установление вечное празднуйте его... и в первый же день уничтожьте квасное в домах ваших"... Исх., 12:14-15; дальше в тексте пропуск-по-видимому, Юлиан приводил другие цитаты из Библии в доказательство вечности закона. Я еще пропустил много такого, что своей численностью дало мне право заявить, что Моисей считал закон вечным. А вот вы покажите, где сказано нечто похожее на дерзкое заявление Павла, что "конец закона - Христос"? Рим., 10:4. Где бог возвестил евреям другой

Античные критики христианства А. Б. Ранович filosoff.org закон, помимо существующего? Нигде этого нет, и нет даже поправок к существующему закону. Послушай опять Моисея: "Не прибавляйте к тому, что я заповедаю вам, и не убавляйте от него. Соблюдайте заповеди господа бога вашего, которые я вам заповедаю сегодня", (Втор., 4:2) и, "проклят всякий, кто не будет верен всему". Имеется в виду Второзаконие (27:26). А вы не только сочли пустяком убавлять или прибавлять к написанному в законе, но признали проявлением особой смелости и величия души вовсе переступить закон, имея в виду не истину, а легкую возможность всех привлечь к себе... "Здесь он упоминает о послании святых апостолов... к новообращенным из язычников. "Угодно,- писали они,- святому духу и нам не возлагать на вас никакого бремени более, кроме сего необходимого:

воздерживаться от идоложертвенного, блуда и удавленны и крови". Он порицает это и говорит, что "не угодно было святому духу" нарушать закон Моисея. Кроме того, этот аристократ насмехается над святыми апостолами, особенно над Петром, и говорит, что он лицемер и будто Павел обличил его, что он старается жить то по обычаям эллинов, то по обычаям иудеев" (Кирилл).

Вы до того бесталанны, что даже преподанных вам апостолами правил вы не соблюдаете. При этом позднейшие переделывают их в сторону ухудшения и углубления нечестивости. Ни Павел, ни Лука, ни Матфей, ни Марк не посмели назвать Иисуса богом. Но заслуженный Иоанн, заметив, что уже множество народа во многих городах Эллады и Италии заразилось этой болезнью, а также, я думаю, прослышав, что могилы Петра и Павла начинают пользоваться почитанием, первый решился сказать (что Иисус - бог). Сказав немного об Иоанне Крестителе, он опять возвращается к возвещаемому им Логосу и говорит: "И слово стало плотью и обитало с нами"; (Ин., 1:14) но как - он постеснялся сказать. Нигде он не называет ни Иисуса, ни Христа, а пока говорит о слове, он мало-помалу, незаметно вкрадывается к нам, внушая, будто Иоанн Креститель дал такое свидетельство о Иисусе Христе, что он тот, кого следует признать богом-словом. Впрочем, что здесь Иоанн говорит об Иисусе Христе, против этого я не спорю, хотя некоторые отступники считают, что Иисус Христос и возвещаемый Иоанном Логос - разные лица. В действительности это не так. Ибо, кого он называет богом-словом, тот Иоанном Крестителем признается за Иисуса Христа. Но смотрите, как осторожно и исподволь он подводит к своей драме нечестивую концовку, он до того ловкий обманщик, что он опять увилькает и прибавляет: "Бога никогда никто не видел; едиnorodный сын, сущий в недрах отца, он явил". Ин., 1:18. Так это и есть, что ли, бог-слово, ставший плотью, этот "едиnorodный сын, сущий в недрах отца?" Если он, значит, и вы где-то видели бога, ибо он "обитал с вами" и вы видели славу его; что же ты заявляешь, что никто никогда не видел бога? Ведь вы видали если не бога-отца, то бога-слово. Если же "едиnorodный сын" - одно, а бог-слово - другое, как я слышал от некоторых ваших приверженцев, то получается, что и Иоанн не посмел (назвать Иисуса богом).

Но это зло завелось от Иоанна. А сколько вы потом еще придумали, прибавив к старому трупу свежие трупы! То есть к почитанию трупа Иисуса прибавил культ святых. Можно ли достойным образом оценить эту мерзость? Вы все заполнили могилами и гробницами, хотя у вас нигде не сказано, что надо валяться на могилах и заботиться о них. Вы в своей порочности дошли до того, что не находите нужным в этом вопросе считаться со словами хотя бы Иисуса Назорея; послушайте, что он говорит о могилах: "Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что уподобляетесь гробам повапленным; снаружи гроб кажется красивым, а внутри он полон костей мертвых и всякой нечистоты". Мф., 23:27. Итак, если Иисус говорит, что гробы полны нечистоты, как же вы на них призываете бога?... Пропуск. По словам Кирилла, Юлиан "к этому прибавляет, что, когда один из учеников сказал: "Позволь мне прежде пойти и похоронить отца моего", Иисус сказал: "Иди за мной и предоставь мертвым погребать своих мертвецов". При таком положении вещей, во имя чего вы валяетесь на могилах? Хотите знать причины? На это отвечу не я, а пророк Исаия: "На могилах и в склепах они спят ради вещей снов". Ис., 65:4. (В русском синодальном переводе: "сидят в гробах и ночует в пещерах".) Заметьте, как древне у иудеев это магическое действие - спать на могилах ради снов. Понятно, что и апостолы после смерти учителя занимались и с самого начала передали этот обычай и вам, новым уверовавшим; они искуснее, чем вы, занимались магией и всенародно показали своим преемникам фабрику этой магии и мерзости.

То, что бог с самого начала через Моисея и пророков проклял, вы исполняете,
Страница 99

Античные критики христианства А. Б. Ранович filosoff.org а приводить жертвы к алтарю и заклать их вы отказываетесь. "Теперь, - говорят они, - огонь не сходит (с неба), как при Моисее, чтобы сжечь жертвы". При Моисее это случилось всего раз, а вторично - спустя много времени при Илье фесвитяине. Что и Моисей и, до него еще, патриарх Авраам считают необходимым достать огонь извне, а вкратце докажу... "Следуют упоминания об истории с Исааком и т. п." (Кирилл). Но не только это; когда сыновья Адама принесли богу первинки, "призрел Господь, - говорит Библия, - на Авеля и на дар его, а на Каина и на дар его не призрел. Каин сильно огорчился и поник лицом своим. И сказал Господь Каину: почему ты огорчился? и почему поник ты лицом своим? Если ты принесешь доброе и неправильно выберешь, ты не согрешишь". Быт., 4:4 сл. Ст. 7 в еврейском и греческом тексте искажен и в русских изданиях переведен произвольно. Та версия, которую цитирует Юлиан, представляет собою, как видно из дальнейшего, вольный вариант, предложенный комментатором. Хотите знать, в чем заключались их дары? "И было спустя несколько дней - принес Каин от плодов земли дар Господу. И Авель принес также от первородных овец своих и от тука их". Воистину не жертву, а выбор порицал бог, когда говорил Каину: "Если принесешь доброе, но неправильно выберешь, не согрешишь ли?" Так разъяснил мне некий из весьма сведущих епископов. Но он сначала сам себя обманул, а затем и других, потому что, когда я стал спрашивать, в каком смысле выбор был достоин порицания, ему нечего было сказать и нечем было передо мной щегольнуть. Видя, что он запутался, я ему сказал: "Бог упрекнул именно в том, о чем ты говоришь. Добрая воля у обоих была одинакова, ведь оба они поняли, что надо принести жертвы Богу. Но выбор один из них сделал удачно, другой не попал в цель. Почему и как? На земле есть одушевленное и неодушевленное, причем для Бога, как живого и подателя жизни, живое ценнее, чем неживое, так как оно участвует в жизни и связано с душой. Поэтому-то Бог был доволен тем, кто принес жертву совершенную".

Ну, возвратимся снова к ним. Почему вы не совершаете обрезания? "Павел, - говорят они, - сказал, что заповедано обрезание сердца, а не плоти, и это Аврааму. Текст в этом месте, очевидно, испорчен. Только не по плоти говорил он, и надо верить тому, что он и Петр возвестили в своих праведных речах". Послушай же опять, как (писание) говорит о том, что обрезание по плоти преподано Аврааму как завет и как знак:

"Вот завет, который бог должен соблюдать между мною и вами, между потомством вашим в роды ваши; обрежьте крайнюю плоть вашу, и это будет знамением завета между мною и тобою и между мною и потомством твоим"... Быт., 17:10 сл. "К этому, - пишет Кирилл, - он прибавляет, что и сам Христос говорил, что надо исполнять закон, говоря в одном месте: "Я не пришел нарушить закон и пророков, а исполнить", и в другом месте опять: "Кто нарушит одну из заповедей сих малейших и научит так людей, тот малейшим наречется в Царстве Небесном". После того как (Христос) недвусмысленно предписал, что надо соблюдать закон, и угрожал наказанием за нарушение хотя бы одной заповеди, какое придумаете себе оправдание вы, нарушившие все заповеди, вместе взятые? Либо Иисус говорит неправду, либо вы лжете везде и во всем и ваши хранители закона. "Обрезание будет на теле вашем", - говорит (Моисей); сказав это, они говорят: "Мы обрезаны сердцем". Конечно, ведь среди вас нет ни одного злодея, ни одного негодяя: до такой степени вы "обрезаны сердцем". "Соблюдать опресноки и совершать пасху мы не можем, говорят они, - ибо ради нас однажды принесен в жертву Христос". Прекрасно. Но разве он запретил есть опресноки? Клянусь богами, я - один из тех, кто не собирается исполнять вместе с иудеями их церемонии, но я всегда почитаю бога Авраама, Исаака и Якова, которые, будучи халдеями, принадлежат к роду священников и богослужителей, научились обрезанию, когда жили среди египтян, и стали поклоняться богу, который, будучи превеликим и могучим, был благосклонен ко мне и к тем, кто чтит его, как Авраам, но на вас не взирает. Ибо вы не подражаете Аврааму, не воздвигаете богу алтарей, не строите ему жертвенников и не почитаете его священнодействиями, как тот. Авраам всегда приносил жертвы, как и мы, и часто пользовался гаданием по планетам. Это, пожалуй, тоже эллинский обычай. Он больше занимался птицегаданием. Да и в качестве управляющего домом он имел гадателя. Если же кто из вас (мне) не верит, я точно укажу, что об этом сказано у Моисея: "После этих событий было слово Господа к Аврааму в ночном видении такое: не бойся, Авраам, я твой щит; награда твоя весьма велика будет! И сказал Авраам: Владыка, что дашь Ты мне? ведь я остаюсь бездетным, и Масек, сын доморощенной, наследует мне. И вот было слово Господа к нему такое: не будет этот твоим наследником, но тот, кто произойдет от тебя, будет твоим наследником. И вывел его вон и сказал ему: посмотри на небо и сосчитай звезды, если сумеешь сосчитать их. И сказал: таково будет твое потомство. И

Античные критики христианства А. Б. Ранович filosoff.org поверил Авраам Богу, и Тот вменил ему это в праведность". Быт.. 15:1 сл. Скажите мне в данном случае, зачем предвещающий ангел или бог вывел его и показал звезды? Разве, оставаясь в доме, он не знал, какое множество видно сверкающих звезд всегда ночью? Но я думаю, он хотел показать ему блуждающие звезды, чтобы привести в качестве очевидного подтверждения сказанного властный благоприятный приговор неба. А чтоб никто не заподозрил, что это мое толкование натянуто, я удостоверяю это, процитировав следующие за этим слова; дальше написано: "И сказал ему: Я Бог, который вывел тебя из Ура халдейского, чтобы дать тебе эту землю во владение. Он сказал: Владыка Господи, почему мне узнать, что я буду владеть ею? И Он сказал ему, возьми мне трилетнюю птицу, трилетнюю козу, трилетнего барана, горлицу и молодого голубя. И взял он себе всех их и рассек их пополам и положил одну часть против другой; только птиц не рассек. И спустились хищные птицы на рассеченные части, но Авраам отгонял их". Быт., 15:7 сл. Вы видите, что предсказание ангела или бога подкрепляется птицегаданием, а не наудачу, как у вас, причем гадание совершается с жертвоприношениями. "Во всяком случае, ему самому, говорит он, голоса птиц сообщили, что он воссядет на царский трон". И (смысл того, что) говорит (писание), - что прилет птиц подтвердил обещание, - Авраам уразумел, получив подтверждение, ибо вера без истины казалась (ему) какой-то нелепостью и глупостью. А истину нельзя усмотреть на основании пустых слов, но нужно, чтобы слова сопровождалась явным знамением, которое удостоверило бы, что предсказание в будущем исполнится. У вас в этом вопросе остается еще один повод для пренебрежения (законом) то, что нельзя приносить жертвы, лишившись Иерусалима; но ведь Илья принес жертву на Кармеле, а не в святом городе...

КНИГА ВТОРАЯ Иероним, *Comm. in Matth.*, 1. I, с. III

("Яков же родил Иосифа" Мф., 1:16; ср. Лк., 3:23). В этом месте Юлиан Август упрекает нас в разногласии между евангелистами, - почему евангелист Матфей сказал, что Иосиф сын Якова, а Лука его называет сыном Илии.

Кирилл Ал., *frg.* 3

(Звезда та не принадлежала к числу этих обычных звезд и не была) "зарницей" (как ее называет Юлиан).

Феодор Мопс., *Comm. in N. T.*, ed. Fritsch, p. 18, 3

Такое часто случалось и случается, но почему это - признаки конца? Имеется в виду Мф., 24:6 сл.

Феодор Мопс., p. 14, 19

(Ты удивляешься, что, хотя в пустыне нет высокой горы, сказано, (Мф., 4:8) будто дьявол вывел его на очень высокую гору.)

Феодор Мопс., 15, 2

А как он привел Иисуса на крыло храма, когда он находился в пустыне?

Феодор Мопс., 16, 8

Но Иисус молится так, как человек слабый, который не в состоянии легко перенести несчастье, и, будучи болен, он получает подкрепление от ангела. Лк., 22:43 сл. Кто же рассказал тебе, Лука, об ангеле, если даже и был такой? Ведь и бывшие тогда при нем не могли видеть его - они спали ведь. Потому что, придя после молитвы, он застал их спящими от горя и сказал: "Что вы спите? встаньте и молитесь" и так далее затем: "Когда он еще говорил это, появилась многочисленная толпа и Иуда". Потому-то Иоанн об этом и не написал, ибо он не видел.

Кирилл, *frg.* 18

(Он пишет, что св. евангелисты противоречат друг другу; согласно Матфею, Мария Магдалина и другая Мария пришли ко гробу по прошествии субботы на рассвете первого дня недели, а согласно Марку, - после того как рассвело и взошло солнце. У Матфея они увидели ангела, у Марка - юношу. У Матфея они вышли и возвестили ученикам о воскресении Христа, а у Марка они промолчали и никому ничего не сказали. За это он порицает писания святых и говорит, что они сами себе противоречат.)

Из проповеди арх. Иоанна Солунского (ок. 680 г.) "О воскресении господя"
(Auctorium novum patrum bibliothecae I, p. 813 e)

(...И не одно, как говорят ставшие безбожниками и многобожниками тираны и отступники, (явный намек на Юлиана) было пришествие жен ко гробу, и в этом повествовании евангелисты не разошлись).

Заголовок frg. 20 Кирилла

(...книга XV против Юлиана, когда Юлиан смеется над тем, что господь наш ел и пил.)

Заголовок frg. 31 Кирилла

(Кн. XVI против Юлиана Отступника, который порицал Христа за то, что он сказал, что он пришел исполнить закон и что кто нарушит одну из малейших заповедей и научит этому людей, тот малейшим наречется. Между тем) он нарушил субботу, ибо "сын человеческий,- говорит он,- есть господин субботы" и "не то, что входит в уста, оскверняет человека", хотя закон оскверняет пищу.

Кирилл, frg. 39

(Он без оснований бранит тех, кто призывает бога ради грешников, считает, что они отступили от справедливости, и говорит, что жалеющие злодеев-злодеи.)

Фотий, Quaest. Amphil. 101. Nergent.

Послушайте, какое прекрасное и общественнополезное повеление: "Продайте имущества ваши и давайте милостыню; приготовляйте себе влагалища неветшающие". Можно ли придумать что-либо мудрее этой заповеди? Ведь если все тебя послушаются, кто будет покупателем? Можно ли хвалить такое учение? Если б оно получило силу, не осталось бы ни города, ни народа, ни единого дома; как может сохранить ценность дом или имущество, если все продано? А что, если все сразу во всем государстве начнут продавать, они не найдут покупателей,- очевидно, и я об этом умолчу.

Кирилл, с. Iul. 168 A

(Он утверждает, что Ездра прибавил кое-что по собственному разумению.)

Иероним, Comm. in Os., 1. III, с. XI

То, что написано об Израиле, евангелист Матфей перенес на Христа, (Os., 11:1: ср. Мф" 2:15) чтобы посмеяться над простотой обращенных из язычников.

Иероним, Comm. in Matth., 1. I, с. IX

(В этом месте (Мф., 9:9) Порфирий и Юлиан Август обличают либо невежество лживого рассказчика, либо глупость тех, которые сейчас же последовали за спасителем, потому что они якобы без размышлений пошли за первым попавшимся человеком, позвавшим их.)

КНИГА ТРЕТЬЯ.

Кирилл, 250 В

(Христиане ожидают воскресения мертвых во Христе. А этот враг истины в числе всего прочего сильно издевается над этим, так как якобы всемогущий бог, который сильнее смерти, не в состоянии явить то, что по своей природе подвержено закону гибели.)

Свид а, s. v. arnoia

Не предвидеть, что в делах возможно и невозможно,- признак крайнего безумия.

В 1899 г. Нейман ("Theologische Literaturzeitung") на основании публикации
Страница 102

Античные критики христианства А. Б. Ранович filosoff.org
Биде и Кюмона пришел к заключению, что в фрагменте из книги церковного писателя Х в. Арефы, писавшего опровержение Юлиана, содержится отрывок из 2-й книги труда Юлиана. Здесь Юлиан отмечает противоречие между Евангелием от Иоанна, утверждающим, что Христос явился, чтоб уничтожить грех, и синоптиками, которые предвещают, наоборот, раздоры и беспорядок как результат появления Христа.

ПИР, ИЛИ ЦЕЗАРИ. CONVIVIUM, SIVE CAESARES.

В конце декабря 361 г. император Юлиан написал сатирическое произведение "Пир, или Цезари" (Convivium, sive Caesares), в котором он пытался, подражая Лукиану и его "менипповым сатирам", дать обзор-пародию, заставив продефилировать в параде всех римских императоров от Цезаря до Константина. Юлиан в начале своего сочинения сам признает:

"Я отнюдь не способен ни вышучивать, ни пародировать, ни высмеивать". Действительно, его шутки скучны, пародии слишком серьезные, остроты слишком длинные и тупы. Нас, однако, интересуют в данном случае не художественные достоинства этой вещи, а заключенный в ней выпад против христианства и характеристика, которую он дает Константину.

Юлиан передает рассказ, слышанный им якобы от Меркурия, о пире богов по случаю сатурналий, на который были приглашены и цезари. Боги уселись на стол, а цезари входят один за другим, и божок Силен, играющий здесь роль распорядителя и шута, как у Лукиана Мом, встречает каждого входящего какой-нибудь язвительной шуткой. В связи с замечанием Силена, что все римские императоры вместе взятые не стоят одного Александра Македонского, обиженный Ромул предлагает устроить состязание. К состязанию допущены Александр, Цезарь, Август и Траян, в качестве представителя философов Марк Аврелий и, наконец, по требованию Вакха представитель бонвиванов император Константин. Последнего, впрочем, в самый зал не впускают, он остается в преддверии. Участники состязания произносят в свою защиту соответствующие речи, после которых каждому предлагают сказать, что он считал своей жизненной задачей. Когда очередь доходит до Константина, тот заявляет, что он считал наивысшим благом - "много накопить, много дарить, служить собственным наслаждениям и наслаждениям друзей". Боги никакого решения не выносят. Юпитер, пошептавшись с Сатурном, предлагает каждому присоединиться к тому или иному богу, смотря по своим наклонностям, и отдаться под его покровительство. Дальнейшее воспроизводим текстуально:

... После этого объявления Александр подбежал к Гераклу, Октавиан (император Август) - к Аполлону. Марк (Аврелий) крепко ухватился за Зевса и Кроноса (римский Сатурн). Цезаря, бегавшего долго в нерешительности, великий Арес и Афродита, сжалившись, подозвали к себе. Траян подбежал к Александру, чтобы сесть с ним. А Константин, не находя среди богов прообраз своего поведения, увидав поблизости богиню изнеженности, подбежал к ней. Та приняла его нежно, обхватила его руками, затем, одев его в пестрый пеплос и нарядив его, подвела к Роскоши; здесь он застал и сына своего, который всем возглашал: "кто развратитель, кто убийца, кто грешен и мерзок, смело сюда! Пеплос - женское платье. Я омою его этой водой, и он станет чистым, и, если он опять окажется повинным в тех же преступлениях, я вновь сделаю его чистым, если он ударит себя в грудь и поколотит по голове". Константин был очень доволен, что встретил ее, и увел с собой сыновей с собрания богов. Но его, так же как и детей, преследовали жестокие демоны нечестивости, мстя за кровь близких, пока Зевс не дал ему передышки ради Клавдия и Констанция. Как известно, Константин убил кроме своих соперников также сына своего Криспа и жену Фаусту.

Констанций - имеется в виду предок Константина - Клавдий II (268-270 гг.) и отец Констанция, к которому Зевс благоволил, как к язычникам.

ЛИБАНИЙ.

либаний (314-393 гг.) - знаменитый учитель красноречия, среди учеников которого были между прочим "отцы церкви" Иоанн Златоуст, Василий Великий, Григорий Назианзин. Сохранившаяся подробная автобиография Либания, его обширная переписка и речи, а также биография его, написанная Евнапием, современником Либания, дают достаточно материала для характеристики его личности и деятельности. Родившись в Антиохии в богатой семье, Либаний получил хорошее образование; в 336 г. он отправился в Афины, чтобы закончить свое образование, выдвинулся там, и в 25 лет он уже был назначен

Античные критики христианства А. Б. Ранович filosoff.org в коллегию, ведавшую преподаванием в Афинах. Вскоре он открыл школу в Константинополе, где усиленно конкурировал с штатными риториками. Но в 342 г. он был выслан (по не совсем ясной причине) из столицы и очутился вскоре в Никомедии, где его уроками пользовался живший там будущий император Юлиан. Так как Юлиану старались дать христианское воспитание, то, как сообщает Либаний (Or. XVIII 15, 7), Юлиан не мог слушать его лекций, а получал их через посредника. В 349 г. Либаний, получивший широкую известность за пределами своего города, был переведен в Константинополь; здесь он завел близкие связи с представителями тогдашнего литературного мира. В 354 г. он уехал в свой родной город Антиохию, где и прожил до самой смерти.

Либаний был представителем того направления в литературе и философии эллинистической эпохи, которое известно под именем второй софистики. "Крах античных мировых порядков", разложение рабовладельческой Римской империи привели к созданию реакционной романтической идеологии, которой сходящие с арены истории группы родовитой знати, хранители отживших традиций республиканского Рима, пытались скрасить постылые будни неминуемого угасания. "Потерянный рай" для них лежал позади, и потому они цеплялись за прошлое, и их идеологи пытались возродить классическую эллинскую литературу, воссоздать аттическую прозу времени Исократы, оживить философию Платона, восстановить в прежнем блеске официальный эллинский культ, вернуть на Олимп богов, вытесненных оттуда восточными богами. Понятно, литература, выросшая из этой идеологии упадка, отражавшей лишь судороги цепляющихся за свое существование гибнущих общественных групп, не имевшей крепких корней и здоровой питательной общественной среды, не могла даже в малой степени приблизиться к классическим образцам. Новые софисты старались писать "под Демосфена", "под Платона", "под Аристофана", но ничего ценного, полнокровного, оригинального дать не могли. Бессодержательный формализм основная черта второй софистики, и самые талантливые ее представители давали лишь безупречные с точки зрения языка, но ничтожные по содержанию риторические упражнения.

Либаний – типичный представитель новой софистики. Его изощренное красноречие, стяжавшее ему великую славу при жизни и считавшееся в течение многих веков образцовым, поражает своей пустотой, отсутствием каких бы то ни было широких общественных интересов, неумением не только разрешить, но и поставить какие бы то ни было общие философские, политические, экономические проблемы. О популярности Либания свидетельствует тот факт, что сохранилось до 500 рукописей его трудов, причем не только его речи и письма дошли до нас, но и 143 школьных упражнения. А между тем Либаний находился в гуще политической и умственной жизни господствующего класса и общался с наиболее выдающимися людьми своего времени. Поэтому ни речи Либания, которых дошло до нас 64, ни его обширная переписка (сохранилось 1605 его писем) не дают нам даже того исторического материала, которого можно было бы ожидать, и за исключением нескольких речей и писем произведения Либания представляют для современного историка относительно незначительный интерес.

Как и все софисты того времени, Либаний цеплялся за древнюю эллинскую религию и горячо приветствовал реформу Юлиана, восстановившего на время культ древних богов. К христианам он относился с нескрываемой ненавистью;

но и здесь сказались бессилие его школы: он не сумел дать критики христианства и ограничивался лишь выражением своего презрения к христианам, ненависти к мракобесам, разрушавшим великолепные храмы, разбивавшим драгоценные статуи и, главное, захватывавшим постепенно земельные богатства и командные посты. К тому же торжествующая христианская церковь в союзе с императорской властью столь свирепо подавляла всякую попытку сопротивления ей, что прямая, открытая критика христианского учения после Юлиана вряд ли была возможна.

Ниже мы даем отрывки из речей XVIII, XXX, XVII, LX и II. Речь XVII "Монодия о Юлиане", патетическая элегия в прозе, опубликована была лишь через 2 года после смерти Юлиана – в 365 г. Речь XVIII – "Надгробная речь Юлиану" также закончена была в 365 г., но, по-видимому, опубликована была, с некоторыми поправками, лишь в 368 или 369 г. Речь XXX – "В защиту храмов" была написана в 384 г. и представляет собою обращение к императору Феодосию с просьбой защитить оставшиеся языческие храмы от разрушения их христианами.

Речь LX – "Монодия на храм Аполлона в Дафне" написана по поводу пожара этого храма, сгоревшего 22 октября 362 г.; монодия написана вскоре после

Античные критики христианства А. Б. Ранович filosoff.org
события, так как Юлиан в письме к Либанию в марте 363 г. (ep. 27) расточает
безмерные похвалы этому произведению Либания.

Речь II - "К прозвавшим меня суровым" написана в 381 г. В ней Либаний
доказывает, что его суровость в речах отражает лишь суровость окружающей
жизни, а вовсе не суровость его характера.

Перевод сделан с последнего критического издания *Libanii opera*, rec. R.
Foerster. Leipzig. 1903-1912 гг. Для отрывков из речей XVII и XVIII мы
использовали с некоторыми поправками перевод С. Шестакова.

НАДГРОБНАЯ РЕЧЬ ЮЛИАНУ.

23 Ведь это особенно удручало его сердце, когда он видел повергнутые храмы,
прекращение обрядов, опрокинутые жертвенники, упразднение жертв, гонение на
жрецов, раздел богатства жрецов между самыми распущенными людьми; так что,
если бы кто-либо из богов обещал ему, что восстановление всего
перечисленного будет выполнено другими, он, я убежден, настойчиво уклонялся
бы от власти. Так стремился он не к господству, а к благоденствию народов.

121. Когда же тот (умерший император Констанций) был почтен подобающими
почестями, он начал с обрядов богам города, совершая возлияния на глазах
всех, радуясь тем, кто следовал его примеру, осмеивая тех, кто не следовал,
и пробуя убеждать, принуждать же не желая. А между тем страх одолевал тех,
кто были возвращены, и у них явилось опасение, что им выколют глаза, отрубят
головы, что потоки крови польются от казней, что новый владыка придумает
новые средства понуждения и малым перед ними покажутся огонь и железо,
потопление в море, зарывание живым в землю, изувечение и четвертование. Это
применялось прежними владыками, ожидали мер, гораздо более тяжких.

123. Итак, осуждая эти меры и видя, что от казней успех другой веры
увеличивается, он отказался от тех мер, которые порицал; людей, которые
могли исправиться, он вводил в познание истины, а тех, кто довольствовался
худшими убеждениями, не понуждал силой. Однако он не переставал взывать:
"Куда стремитесь вы, люди? Вам не стыдно признавать мрак более ясным, чем
свет, и не замечать, что болеете недугом нечестивых гигантов?" Миф о
гигантах, дерзнувших выступить против богов Олимпа.

178. Когда же зима сделала ночи долгими, он помимо многих других прекрасных
произведений слова, занявшись изучением тех книг, которые выставляют
человека родом из Палестины богом и сыном божьим, в пространной полемике
силой аргументации доказал, что такое почитание - смех и пустословие; он
проявил себя в этом труде мудрее тирийского старца. К этому месту в одной
из рукописей (*Vindobonensis*, XII в.) благочестивый переписчик сделал такую
приписку: "Вот как ты безумствуешь и говоришь вздор и действительно
дерзишь, ненавистный богу, достойный того, чтоб тебя осмеяли и оплевали,
ты, самый низкий и отпетый лъстец, защитник фальшивых богов и
нечестивости".

В другой рукописи (*Laurentianus*, 1392 г.) здесь имеется такая приписка: "А
ты, нечистый, за такую наглость стоишь того, чтоб молния тебя поразила и
убила". Задело, значит, за живое! Да будет милостив этот тириец и да примет
благосклонно сказанное, как бы побеждаемый сыном. Тириец имеется в виду
Порфирий, родом из Тира. В одной из рукописей (*Chisianus*, XI-XII в.) здесь
дано разъяснение, что речь идет о Порфирии, и приводятся сведения о нем из
лексикона Свида.

274. Кто же был его убийцей? - стремится услышать иной. Имени его я не
знаю, но что убил не враг, явствует из того, что ни один из врагов не
получил отличия за нанесение ему раны. Слух о том, что Юлиан был убит
кем-то из своих солдат, подтверждает историк Аммиан Марцеллин (XXV, 6, 6).
Либаний был уверен, что это - дело рук христиан, и еще в 379 г., через 16
лет после смерти Юлиана, он в специальном обращении к императору Феodosию
(ор. XXIV F) просит расследовать дело и наказать виновных (здесь он,
понятно, не рискует назвать прямо христиан). Смерть Юлиана, во всяком
случае, несомненно, была наруку христианам, создавшим даже миф о том, что
Юлиана убил по поручению христианского бога... языческий бог Меркурий!

275. ...и великая благодарность врагам, что не присвоили себе славы
подвига, которого не совершили, но предоставили нам у себя самих искать
убийцу. Те, кому жизнь его была невыгодной, - а такими были люди, живущие не

Античные критики христианства А. Б. Ранович filosoff.org по законам,- и прежде давно уже злоумышляли против него, а в ту пору, когда представилась возможность, сделали свое дело, так как их толкали к тому и прочая их неправда, коей не было дано воли в его царствование, и в особенности почитание богов, противоположное коему верование было предметом их домогательства.

286. ...что опять последовало за убийством императора? Те, которые говорят речи против богов,- в почете, а жрецы подвергаются беззаконной ответственности. За те жертвы, коими умилоствлялось божество и которые поглотил огонь, взывается плата, вернее, состоятельный человек вносил из своих средств, а бедняк умирал, заключенный в тюрьму.

287. Из храмов же одни срыты, другие стоят недостроенные на посмешище нечестивцам, философы же подвергаются истязаниям...

К ИМПЕРАТОРУ ФЕОДОСИЮ В ЗАЩИТУ ХРАМОВ Or. XXX F.

1. После того, государь, как ты прежде неоднократно признавал, что в своих советах я метко определял потребные мероприятия, и я превосходством своего мнения одерживал верх над теми, кто желал и внушал противное, я и теперь являюсь с тем же, одушевляемый тою же надеждой. Ты же послушайся моего совета, и теперь в особенности...

2. Многим, конечно, покажется, что я пускаюсь в нечто очень рискованное, намереваясь вести с тобой беседу в защиту храмов и того убеждения, что не следует их подвергать той участи, какой они теперь подвергаются;

но, мне кажется, те, кто этого боятся, жестоко ошибаются в твоём характере...

3. Итак, прошу тебя, государь, обратить на меня, держащего речь, свой взор и не оглядываться на тех, кто захотят разными средствами сбить с толку и тебя и меня...

4. Первые люди, явившиеся на землю, государь, заняв возвышенные места, укрываясь в пещерах и хижинах, тотчас усвоили себе мысль о богах и, проникшись сознанием, как много значит для людей их благоволение, воздвигли храмы - такие, понятно, какие могли воздвигать первобытные люди, и статуи...

5. Если даже ты пройдешь по всей земле, какую населяют римляне, всюду встретишь ты эти святыни, ведь даже в первом после величайшего городе останутся еще некоторые храмы, хоть и лишенные почитания; осталось их не много из очень многих, тем не менее не все по крайней мере памятники этого рода пропали. Величайшим городом Либаний называет Рим, где "языческие" храмы продолжали существовать легально; "первым после величайшего" он называет Константинополь. С помощью этих богов римляне, нападая на противников и сражаясь, побеждали, а победив, создавали для побежденных после поражения лучшие времена, чем до поражения.

8. Ты не отдавал приказа о закрытии храмов, не воспрещал доступа в них, не устранил из храмов и с жертвенников ни огня, ни ладана, ни обрядов почитания другими воскурениями. Но эти черноризники, которые прожорливее слонов и нескончаемой чередой кубков изводят тех, которые сопровождают их попойку песнями, а между тем стараются скрыть эту свою невоздержность путем искусственно наводимой бледности,- несмотря на то, что закон остается в силе, спешат к храмам, вооружившись камнями и ломом, иные за неимением орудий действуют руками и ногами...

9. Дерзают на это и в городах, но большей частью по деревням. И много есть и без того врагов в каждой, но это разбросанное население собирается, чтоб причинить неисчислимые беды, требуют друг с друга отчета в своих подвигах, и стыдом считается не причинить как можно больше насилий. И вот они проносятся по деревням, подобно бурным потокам, унося с храмами и селения...

11. Так на предмет первой важности направлены дерзкие покушения, на какие отваживаются в своей наглости против деревень эти люди, которые утверждают, что борются с храмами, а между тем война эта служит источником дохода, так как, пока одни нападают на храмы, другие похищают у бедняг их имущество - как сбережения с дохода с земли, так и насыщенный хлеб. Так, напавшие уходят

Античные критики христианства А. Б. Ранович filosoff.org с добром, награбленным у взятых ими приступом. А им этого недостаточно, но и землю они присваивают себе, заявляя, что она посвящена, и многие лишаются отцовских поместий из-за ложного наименования. Между тем на счет чужих бедствий роскошествуют те, которые как они утверждают, угождают своему богу бедностью. Если же разоренные, явившись в город к пастырю, – так они называют человека, далеко не безупречного, – станут плакаться, сообщая о насилиях, каким подверглись, пастырь этот обидчиков похваляет, а обиженных прогоняет, считая их в выигрыше уже тем, что они не пострадали еще больше.

12. Между тем и они – твои подданные, государь, и люди, настолько более полезные, чем их обидчики, насколько работающие люди полезнее тунеядцев. Первые напоминают пчел, вторые трутней. Только прослышат они, что в деревне есть, чем поживиться, тотчас она у них, оказывается, и жертвы приносит, и говорит непозволительные вещи, и нужен против них поход, и "исправители" тут как тут – это название прилагают они к своему, мягко выражаясь, грабительству. Одни, правда, пытаются скрыть свою работу и отпираются от своих дерзких поступков – если назовешь его разбойником, обидится, но другие тщеславятся и гордятся ими, рассказывают о них тем, кто не знает, и объявляют себя достойными почестей.

13. А между тем, что это иное, как не война с земледельцами в мирное время?..

15. "Мы, говорят, наказывали нарушителей закона, не дозволяющего приносить жертвы, и тех, кто их приносит". Лгут они, государь, когда так говорят...

21. Если они ссылаются мне на писания в тех книгах, которых, по их словам, они придерживаются, я противопоставлю им те действия, какие они позволяли себе легче легкого. Ведь если б это не было так, они не стали бы вести роскошной жизни. На самом деле мы знаем, как они проводят дни, как проводят ночи. Правдоподобно ли, чтобы люди, не останавливающиеся перед этим, стали бы остерегаться и тех поступков? Но столько святилищ в стольких деревнях уничтожено жертвою издевательства, наглости, корыстолюбия, нежелания совладать с собою...

22. Вот тому свидетельство: в городе Берос была медная статуя Асклепий в образе красивого сына Клиния, где искусство воспроизводило природу. Статуе бога Асклепия была придана внешность Алкивиада, сына Клиния. Алкивиад (450–402 гг. до новой эры) – афинский политический деятель, военачальник и авантюрист, отличался в юности, по свидетельству древних, редкой красотой. В ней было столько красоты, что даже те, кому представлялась возможность видеть ее ежедневно, не могли насытиться ее созерцанием. Нет столь бессовестного человека, который дерзнул бы сказать, что ей приносили жертвы. И вот такое произведение, отделанное с такой затратой труда, с такой талантливостью, разрублено в куски и пропало, и руки Фидия поделило между собой множество рук...

25. Но, как бы ни был здесь несомненен состав преступления, их делом было доказать, что эти люди заслуживают возмездия, а наложить наказание было делом суда... То есть христиане могут доносить на "язычников", но не совершать

самосуда.

26. ...Но эти господа одни творили суд над всеми теми, кого обвиняли, и, постановив приговор, сами исполняли обязанности палачей. Чего же добивались они при этом? Чтобы почитатели богов, не допускаемые к своим обрядам, склонились к их верованиям? Но это крайняя глупость. Кто не знает, что под влиянием самих притеснений, каким они подвергались, они больше, чем в прежних условиях, преклоняются пред богами?

30. Но говорят, будто польза и земле и ее обитателям от того, чтоб храмов не было...

31. Пусть скажет мне кто-нибудь из тех, кто, оставив щипцы, молоты и наковальни, захотели рассуждать о небе и небожителях: благодаря культу какого бога римляне, достигшие от малых сперва и скромных начал величайшего могущества, приобрели таковое, – бога ли этих людей или тех богов, кому воздвигнуты храмы и жертвенники и от которых через посредство предвещателей люди узнавали, что надо делать и чего не делать?..

33. А интереснее всего, что те, которые, как представляется, наиболее унизили эту область культа, против воли почтили ее. Кто же это? Те, кто не дерзнули отнять у Рима право приносить жертвы... В первое время после победы христианства репрессии против

"язычества" в Риме не проводились.

34. ...Итак, пусть всюду будут храмы, или пусть эти люди признают, что вы враждебно относитесь к Риму, предоставив ему исполнять те обряды, которые принесут ему вред.

МОНОДИЯ О ЮЛИАНЕ. 7. (Боги, которым так ревностно служил Юлиан, обрекли его на смерть). Неужели правильнее было казавшееся до тех пор смеха достойным рассуждение тех, кто, подняв против нас борьбу суровую и жестокую, потушили неугасимый огонь, прекратили радость жертвоприношений, подстрекнули осквернить и опрокинуть жертвенники, а святилища и храмы частью заперли, частью разрушили, частью, объявив нечистыми, предоставили на жительство проституткам и, прекратив всякое общение с вами, поставили на ваше место гроб какого-то трупа?

МОНОДИЯ НА ХРАМ АПОЛЛОНА В ДАФНЕ.

5. Далее, когда твои жертвенники жаждали крови, ты, Аполлон, оставался строгим стражем Дафны; даже когда тобой пренебрегали, кое-где оскорбляли и уродовали твою внешнюю красоту, ты держался. Ныне же, когда ты получаешь не только много овец и много быков, но и уста царя целуют твою ногу, когда ты увидел, кого предсказывал, и на тебя взирает возвешенный тобою, когда ты избавился от дурного соседства, от какого-то трупа, досаждавшего тебе (именно тогда), ты ушел в самой середине службы... Имеется в виду Юлиан, которому, по преданию, оракул Аполлона предвещал трон. По разъяснению Иоанна Златоуста, речь идет о мощах мученика Вавилы. В целом ряде рукописей Либания к этому месту приписано читателем следующее разъяснение: "Он говорит о св. Вавиле, который, будучи погребен в Дафне, не позволял Аполлону пророчествовать; Юлиан, став царем, распорядился выбросить оттуда святого, и он был выброшен".

К ПРОЗВАВШИМ МЕНЯ СУРОВЫМ.

29. Я бы охотно спросил - лгу ли я в своих похвалах и порицаниях; если я лгу, пусть они докажут, что прежнее положение не было лучше для государства; а если я говорю правду, чего они сердятся? Почему они называют не истину суровой, а того, кто следует ей? Ведь не моя речь создала факты, а мои речи родились из тех фактов.

30. ...Я говорил, что раньше много было жертвоприношений, были переполнены жертвующими, были пиры, флейты, песни и венки, в каждом храме была казна - общее подспорье для нуждающихся. В чем же я солгал? Разве и теперь можно видеть храмы такими? Скорее можно видеть на другой стороне такую же бедность.

31. Есть такие, которые с величайшим удовольствием почтили бы богов подношениями, но они знают, что если бы они туда понесли, то это будет присвоено другими, поскольку обширные земли каждого бога обрабатывают другие и жертвенники совсем не получают никакой доли в доходах.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Дошедшая до нас антихристианская античная литература охватывает два столетия - с 165 до 362 г. До этого периода христианское учение не привлекало внимания философов и писателей, а после Юлиана враждебные выступления против христианства уже не носят характера критики учения и его литературы, а представляют собою лишь выпады против тех или иных представителей христианской церкви или чисто богословские споры. Критика христианства возобновляется позднее, когда возникающий новый класс, буржуазия, в своей борьбе против феодализма начинает срывать с него покров святости и подвергать резкой критике католическую церковь и ее догму.

Если не считать сообщения Тацита ("Анн." XV 44), подложность которого общепризнана, мы впервые находим сдержанно-враждебную, презрительную оценку христианства в письме Плиния Младшего к Траяну (начало II в.). В настоящее время подлинность сообщения Тацита о христианах не подвергается сомнению.

Античные критики христианства А. Б. Ранович filosoff.org Представители мифологической школы считают это письмо христианской подделкой, хотя по этому вопросу единодушия среди исследователей нет. Впрочем, некоторые сомнения вызывает подлинность всех 10 книг переписки Плиния. То обстоятельство, что Тертуллиан это письмо цитирует, свидетельствует о том, что оно, во всяком случае, было уже в обращении под именем Плиния в начале III в.

Следы христианской обработки первоначального текста обнаруживаются без труда. По-видимому, ст. 9-10 представляют собою христианскую интерполяцию, имеющую целью подтвердить сказку о том, что уже в начале II в. (Плиний был наместником в Вифинии около 112 г.) христианство успело покорить весь мир. Никак нельзя согласиться с Гарнаком ("Mission und Ausbreitung" etc. II, 18), что Плиний умышленно преувеличил численность христиан. Как администратор, он был заинтересован скорее в обратном. Помимо того, ст. 9-10 не вяжутся с тоном и содержанием письма в целом. Мы знаем, что к тому времени христианская церковь только начинала складываться и не успела даже создать своей евангельской литературы. Плиний младший.

1. Я имею официальное право, господин, все, в чем у меня возникает сомнение, докладывать тебе. Ибо кто лучше тебя может руководить моей нерешительностью или наставлять меня в моем невежестве? Я никогда не участвовал в изысканиях о христианах: я поэтому не знаю, что и в какой мере подлежит наказанию или расследованию. 2. Я немало колебался, надо ли делать какие-либо возрастные различия, или даже самые молодые ни в чем не отличаются от взрослых, дается ли снисхождение покающимся, или же тому, кто когда-либо был христианином, нельзя давать спуска; наказывается ли сама принадлежность к секте ("потеп"), даже если нет налицо преступления, или же только преступления, связанные с именем (христианина). Пока что я по отношению к лицам, о которых мне доносили как о христианах, действовал следующим образом. 3. Я спрашивал их - христиане ли они? Сознавшихся я допрашивал второй и третий раз, угрожая казнью, упорствующих я приказывал вести на казнь. Ибо я не сомневался, что, каков бы ни был характер того, в чем они признавались, во всяком случае упорство и непреклонное упрямство должно быть наказано. 4. Были и другие приверженцы подобного безумия, которых я, поскольку они были римскими гражданами, отметил для отправки в город (Рим). Скоро, когда, как это обычно бывает, преступление стало по инерции разрастаться, в него впутались разные группы. 5. Мне был представлен анонимный донос, содержащий много имен. Тех из них, которые отрицали, что принадлежат или принадлежали к христианам, причем призывали при мне богов, совершили воскурение ладана и возлияние вина твоему изображению, которое я приказал для этой цели доставить вместе с изображениями богов, и, кроме того, злословили Христа, - а к этому, говорят, подлинных христиан ничем принудить нельзя, - я счел нужным отпустить. 6. Другие, указанные доносчиком, объявили себя христианами, но вскоре отреклись: они, мол, были, но перестали - некоторые три года назад, некоторые еще больше лет назад, кое-кто даже двадцать лет. Эти тоже все воздали почести твоей статуе и изображениям богов и злословили Христа. 7. А утверждали они, что сущность их вины или заблуждения состояла в том, что они имели обычай в определенный день собираться на рассвете и читать, чередуясь между собою, гимн Христу как богу и что они обязываются клятвой не для какого-либо преступления, но в том, чтобы не совершать краж, разбоя, прелюбодеяния, не обманывать доверия, не отказываться по требованию от возвращения сданного на хранение. После этого (то есть утреннего богослужения) они обычно расходились и вновь собирались для принятия пищи, однако обыкновенной и невинной, но это они якобы перестали делать после моего указа, которым я согласно твоему распоряжению запретил гетерии (товарищества, сообщества). 8. Тем более я счел необходимым допросить под пыткой двух рабынь, которые, как говорили, прислуживали (им), (чтобы узнать), что здесь истинно. Я не обнаружил ничего, кроме низкого, грубого суеверия. Поэтому я отложил расследование и прибегнул к твоему совету.

9. Дело мне показалось заслуживающим консультации главным образом ввиду численности подозреваемых:

ибо обвинение предъявляется и будет предъявляться еще многим лицам всякого возраста и сословия обоого пола.

(А зараза этого суеверия охватила не только города, но и села и поля; его можно задержать и исправить.)

10. Установлено, что почти опустевшие уже храмы вновь начали посещаться;

Античные критики христианства А. Б. Ранович filosoff.org возобновляются долго не совершавшиеся торжественные жертвоприношения, и продается фураж для жертвенных животных, на которых до сих пор очень редко можно было найти покупателя. Отсюда легко сообразить, какое множество людей может еще исправиться, если будет дана возможность раскаяться.)

Е р. 97 (ответ императора Траяна)

1. Ты действовал, мой Секунд, как должно, при разборе дел тех, о которых тебе донесли как о христианах. В самом деле, нельзя установить ничего обобщающего, что имело бы как бы определенную форму. 2. Разыскивать их не надо; если тебе донесут и они будут уличены, их следует наказывать, с тем, однако, что кто станет отрицать, что он христианин, и докажет это делом, то есть молитвой нашим богам, то, какое бы ни тяготело над ним подозрение в прошлом, он в силу раскаяния получает прощение. Доносы, поданные без подписи, не должны иметь места ни в каком уголовном деле, — это очень дурной пример и не в духе нашего века.

СИММАХ.

Плиния можно условно считать первым римлянином, выразившим, хотя и в неясной форме, отрицательное отношение к христианству. Последним защитником язычества в римской литературе выступил "последний римлянин" Квинт Аврелий Симмах (приблизительно 340–402 гг.). Симмах, родом из знатной и богатой семьи, в течение многих лет был руководителем сената, занимал высшие должности — консула (391 г.), префекта столицы, проконсула Африки; в течение своей долгой политической карьеры (первую должность получил в 365 г.) он выполнил по поручению императоров и сената ряд ответственных политических и дипломатических поручений. Его изысканное красноречие создало ему широкую известность и вне круга чиновной знати, к которой он принадлежал по рождению и по положению. Его письма и речи, написанные с восточной цветистостью, с нарочитой отрывистостью и туманностью изложения, производили большое впечатление на современников и были изданы вскоре после смерти автора. До нас дошло обширное собрание его писем и докладных записок (*relationes*) и отрывки из речей.

Симмах, как и друг его Претекстат, был пламенным защитником римской старины. Как вождь сенатской партии, он, естественно, противился растущему влиянию христианской бюрократии, насколько это было возможно при тогдашних условиях, когда все "языческое" тщательно искоренялось. Имея такого влиятельного и не стесняющегося в средствах противника, как Амвросий Медиоланский, Симмах был бессилён предпринять какие-либо шаги против христианства, но он пытался косвенно нанести удар своим христианским противникам путем восстановления древних римских культов.

После смерти Юлиана христианские императоры долгое время не предпринимали репрессий против "язычества", и древнеримская религия пользовалась покровительством закона. Но в 382 г. указом императора Грациана был прекращён отпуск средств из казны на торжественные языческие церемонии и на содержание весталок, отменены иммунитеты жрецов, завещания в пользу жрецов и весталок объявлены недействительными, наконец, из здания сената убрали жертвенник богини Победы, символ "язычества". Сенаторы усмотрели в этом последний удар по старым традициям и постановили послать делегацию к императору и просить об отмене декрета. Но римский епископ Дамасий предупредил об этом Амвросия, и тот успел добиться того, что делегация сената не удостоилась даже аудиенции. Но в 384 г., уже после смерти Грациана, дело, казалось, повернулось в пользу сенаторов. Префект претория Претекстат добился указа о том, что разграбленное имущество храмов, оказавшееся в руках частных лиц, должно быть отнято, а лица эти преданы суду как грабители. Тогда сенат решил вновь поставить вопрос об алтаре Победы.

По поручению сената Симмах летом 384 г. и выступил со своей знаменитой запиской, которую мы ниже даем в переводе. Записка произвела при дворе большое впечатление. Но и Амвросий не дремал, и выступление Симмаха успеха не имело. Интересно, что Симмах, хотя и пускает в ход старый аргумент о том, что Рим обязан своим величием покровительству отечественных богов, не пытается ни защищать римскую религию, ни критиковать христианство и его деятелей (если не считать намека в гл. 19). Он ссылается больше на формальные и юридические основания и взывает к беспристрастию императоров. Здесь политическая сторона борьбы между христианством и "язычеством" выступает совершенно наглядно. Борьба за безразличный и для Симмаха алтарь

Античные критики христианства А. Б. Ранович filosoff.org
Победа была борьбой за сохранение хотя бы видимости значения сената.

В 391 г. сенат снова возобновил свое ходатайство о восстановлении алтаря Победы; Симмах, бывший тогда консулом, выступил перед Феодосием в защиту алтаря, чем только навлек на себя гнев и немилость императора. Почвы для восстановления старых "мировых порядков" и старой религии не было.

RELATIO III SEEEK (ep. X 54)

Господину нашему Феодосию Вечному, Августу – Симмах, славнейший муж, префект города. Письмо, по свидетельству Амвросия, было адресовано, естественно, римскому императору Валентиниану II; однако в рукописях либо вовсе нет обращения, либо обращение к Феодосию или Феодосию и Аркадию.

1. Как только почтеннейший сенат, вечно вам преданный, рассмотрел вкравшиеся в законы ошибки и увидел, что благодаря благочестивым государям снова воссияла слава нашего времени, он, следуя принципу доброго (старого) времени, исторгнул (воплъ) долго подавляемого горя и вновь приказал мне стать поверенным по его жалобам. Бесчестные люди не допустили до аудиенции, божественные императоры, ибо в этом случае справедливость не могла не восторжествовать, господа наши императоры. Здесь, как и в других докладных записках, Симмах имеет в виду также августа-соправителя.

2. И вот, исполняя двойную обязанность, я в качестве вашего префекта выступаю по государственному делу, а в качестве поверенного граждан передаю их поручение. Здесь нет расхождения в намерениях, ибо люди уже перестали думать, будто они лучше выразят преданность двору, если будут спорить между собою. Для власти важнее пользоваться любовью, уважением, преданностью. Кто станет утверждать, что частные споры полезны для общего дела! Правильно сенат преследует тех, кто предпочел свое могущество славе императора. Но мы стараемся быть на страже вашего милосердия. Чему иному служит предпринимаемая нами защита установлению предков, отечественных законов и судеб, как не славе веков? А последняя возрастает тогда, когда вы понимаете, что не следует ничего предпринять против обычая предков.

3. Итак, мы просим о восстановлении того положения религии, которое долго было на пользу государству. Перечислим всех государей, принадлежавших как к той, так и к другой религии, державшихся как тех, так и других взглядов: некоторые из них, более ранние, почитали исконные обряды, более поздние, во всяком случае, их не упразднили. Если примером не может служить религиозность древних, пусть послужит им терпимость ближайших к нам. Найдется ли человек, столь близкий к варварам, чтоб не желать восстановления алтаря Победы! Мы осторожны на будущее и избегаем выставлять напоказ другие вещи, но пусть по крайней мере воздастся имени та часть, в которой отказывают самому божееству. По-латыни весьма ходкая игра слов "nomen" ("имя") и "numen" ("божеество, божественная воля"). Ваше благополучие многим обязано Победе и будет обязано еще больше. Пусть отворачиваются от нее те, кому она никакой пользы не принесла – вы не отвергнете дружественную опору, помогавшую вашим триумфам. Это – сила, которой все домогаются; никто не откажет в почитании той, которую признает желанной.

4. Если мы не правы в желании избежать этого греха, то следовало по крайней мере не трогать украшения курии. Позвольте, умоляю вас, нам, старикам, оставить потомкам то, что мы переняли в детстве. Велика любовь к привычному: недаром политика божественного Констанция оказалась непрочной. Констанций декретом 341 г. запретил жертвоприношения; декретом 1 декабря 346 г. были закрыты все храмы (Cod. Theod. XVI, 10, 1: 3;

частичные декреты Cod. Theod. XVI, 10, 4–6). Юлиан его декреты отменил. Христианские императоры, как живые, так и мертвые, продолжают титуловаться "divi" – "божественные". Вы должны избегать подражания таким действиям, которые, как вы убедились, пришлось отменить. Мы печемся о вечности вашей славы и имени, чтобы будущие поколения не нашли (в вашей политике чего-нибудь), нуждающегося в поправке.

5. Где мы будем клясться вашими законами и словами? Подразумевается "если не будет жертвенника Победы в сенате". Какой религиозный трепет устрасит лживые сердца, чтоб не лжесвидетельствовали? Конечно, бог наполняет собою все, и для предателя нет места, где он мог бы оставаться в безопасности; однако для внушения страха пред преступлением весьма важно воздействие

Античные критики христианства А. Б. Ранович filosoff.org присутствующего божества. Этот жертвенник поддерживает общее единодушие, этот жертвенник закрепляет верность каждого в отдельности, и ничто не придает такого авторитета постановлениям, как то, что сенат выносит все решения как бы под присягой.

Что же, отныне лишившееся святости место будет открыто для клятвопреступлений? И это одобряют мои славные государи, которые сами пользуются защитой всеобщей присяги?

6. Но, скажут мне, божественный Констанций поступил так же. Давайте лучше подражать другим делам этого государя; он бы ничего такого не сделал, если бы другой до него совершил такую ошибку; ибо промах предыдущего исправляет следующего и из критики предшествующего примера рождается улучшение. Естественно, что тот предшественник вашей милости не сумел в новом деле уберечься от злобы; но разве для нас может быть то же оправдание, если мы подражаем тому, что, как мы знаем, не встретило одобрения?

7. Пусть ваша вечность возьмет в пример другие деяния этого государя и более достойным образом их использует: он ничего не урвал из привилегий святых дев, замещал жреческие должности знатными лицами, не прекратил отпуска средства на римские обряды и, следуя за ликующим сенатом по улицам города, спокойно взирал на храмы, читал написанные на фронтонах имена богов, расспрашивал об истории храмов, восхищался их строителями; и, хотя он сам стал последователем другой религии, он сохранил для империи и эту.

8. Ведь у каждого свой обычай, свои обряды. Божественная мысль дала различным городам различных богов-покровителей. Народы получают каждый своего данного роком гения, как новорожденные – душу. К тому же люди присваивают себе богов из соображений полезности:

смысл всего скрыт от нас, но откуда мы правильнее всего познаем богов, как не по воспоминаниям и памятникам о счастливых событиях? И если протекшие века создали религии авторитет, то мы должны соблюсти верность стольким векам и следовать своим родителям, которые счастливо следовали своим.

9. Представим себе теперь, что здесь присутствует Рим и ведет с вами такую речь: лучшие из государей, отцы отечества, уважьте мой почтенный возраст, к которому меня привело благочестие! Дайте мне совершать обряды дедов, вы не раскаетесь! Дайте мне жить по моему обычаю, ведь я свободен! Этот культ покорило моим законам весь мир, эти жертвы отогнали Ганнибала от моих стен, сенонов – от Капитолия. Неужели же я для того сохранился, чтоб на старости терпеть поношение? Во время 2-й Пунической войны полководец карфагенян Ганнибал нанес ряд крупных поражений римской армии, но вместо того, чтобы немедленно взять Рим, ушел в Капую и дал римлянам возможность оправиться и в конце концов выиграть войну. В 390 г. галлы нанесли жестокое поражение римлянам, взяли город и осадили твердыню его – Капитолий: однако вскоре сняли осаду. Оба события римские жрецы приписали чудесному вмешательству бога.

10. Я посмотрю, каково то новое, что считают нужным установить; однако исправлять старость и поздно и обидно. Итак, мы просим мира для отечественных богов, для богов родных. То, что пользуется почитанием у всех, по справедливости должно рассматриваться как одно. Мы видим одни и те же светила, небо у нас общее, нас заключает в себе один и тот же мир; какая же разница, как кто ищет своим умом истину? Ведь до такой великой тайны нельзя добраться, идя только одним путем. Но это праздный спор;

а мы теперь пришли просить, а не спорить.

11. Какую выгоду принесло вашей священной казне лишение дев-весталок их привилегий? Весталки – девственные жрицы богини Весты – содержались на казенный счет и, как все представители жречества, были свободны от государственных повинностей. Неужели при самых щедрых императорах им будет отказано в том, что им предоставляли самые скупые? Ведь эта пенсия была только почетной, как вознаграждение за целомудрие: как повязки украшают их головы, точно так же отличием жреческого сана считается свобода от повинностей. Они просят об иммунитете как бы только по имени, потому что от потерь их гарантирует бедность. Кто у них отнимает хоть что-нибудь, тем самым только увеличивает их славу: ведь заслуга девственности, посвятившей себя благу общества, возрастает, когда она лишена награды.

Античные критики христианства А. Б. Ранович filosoff.org

12. Пусть ваша незапятнанная казна остается подальше от такого рода экономии. Пусть казна добрых государей богатеет не за счет потерь жрецов, а за счет неприятельской добычи! Неужели же эта ничтожная прибыль может утолить жадность? Да и жадность не в вашем характере. Тем более жалко, что у них отнимают старые субсидии: ведь при императорах, воздерживающихся от чужого, поскольку они преодолевают свою жадность, лишение, которое не трогает, если оно продиктовано алчностью, сводится только к обиде лишаемого.

13. Казна также конфискует земли, завещаемые умирающими девам и священнослужителям. Молю вас, жрецы справедливости, вернуть святыням вашего города право частного наследования. Пусть спокойно диктуют свои завещания и знают, что при свободных от жадности императорах все, что они напишут, будет неизбежно. Пусть это блаженство рода человеческого доставит вам радость. А ведь пример этого казуса начал тревожить умирающих. Что же, неужели римское право не простирается на римскую религию? Как назвать это лишение прав, которых не аннулировал ни один закон, ни одно судебное решение?

14. Вольноотпущенники получают имущество по завещанию; законные выгоды, получаемые по завещанию рабами, не ставятся под сомнение, и только знатные девы и служители вечной религии будут изъяты из-под защиты права наследования? Какой смысл посвятить целомудренное тело государству, подкреплять небесной защитой прочность империи, прилагать к вашим орлам дружественную помощь добродетели, принимать на себя девственные обеты за всех и при всем том не пользоваться одинаковыми правами со всеми? Орел был на знамени римских легионов. Так ли уже хороши навязываемые людям рабские обязанности? Мы оскорбляем этим государство, по отношению к которому никогда не выгодно быть неблагодарным.

15. Да не думает никто, что я защищаю только дело религии: от такого рода поступков возникли все неприятности римского народа. Старинный закон почтил дев-весталок и служителей богов умеренным пропитанием и справедливыми привилегиями; это ассигнование оставалось в силе вплоть до тех низких менял, которые обратили святое пропитание девственности на уплату жалованья презренным носильщикам. За этим поступком последовал общий голод, жалкий урожай обманул надежды всех провинций. В 383 году Италию постиг исключительный неурожай.

16. Здесь не было вины в плохом качестве земли, мы не можем винить ветры, и не мучная роса повредила посевам, не сорняки заглушили колосья: год оказался тощим из-за святотатства. Все, в чем отказывали святыне, должно было погибнуть. Конечно, если бывают такого рода бедствия, мы склонны приписывать их чередованию времен; но этот голод был вызван серьезной причиной. Поддерживают жизнь лесным кустарником, нужда снова погнала крестьянскую массу к деревьям Додоны. При святилище Зевса в Додоне находился священный дуб. Симмах хочет сказать, что крестьяне питались желудями.

17. Терпели ли провинции что-либо подобное тогда, когда служители религии получали почетное пропитание за общественный счет? Случалось ли, чтоб отряхивали дубы, чтобы выдергивали корни трав, чтобы прекратилось плодородие, взаимно покрывавшее недостающее в отдельных районах, в те времена, когда народ и святыне девы питались из общего продовольственного фонда? Прокормление предстателей способствовало урожаю с земли и было скорее целебным средством, чем даром. Или можно еще сомневаться, что раньше давалось от обилия то, что теперь оспаривается из нужды?

18. Кто-нибудь скажет, что отказано в государственных тратах на содержание чужой религии. Но пусть у добрых государей не будет такой мысли, будто то, что некогда выделялось кой-кому из общего достояния, считается собственностью казны. Ведь государство состоит из отдельных лиц, и то, что ушло из его власти, становится опять собственностью отдельных лиц. Вы управляете всем, но вы сохраняете за каждым его имущество и руководитесь больше законностью, чем произволом. Ваше мягкосердечие вам подскажет, можно ли продолжать считать общественным достоянием то, что вы передали другим. Выгоды, раз предоставленные чести города, перестают принадлежать тому, кто их дал; то, что вначале было пожертвованием, под влиянием обычая и времени становится обязательным.

19. Поэтому пустые страхи пытается внушить вам тот, кто утверждает, что

Античные критики христианства А. Б. Ранович filosoff.org если вы не подчинитесь ненависти отнимающих, то вы становитесь соучастниками дающих. Пусть таинственная помощь всех вероисповеданий содействует вашему милосердию, особенно та религия, которая некогда помогла вашим предкам. Пусть она вас защищает, а почитать ее будем мы. Мы просим оставить в силе то положение религии, которое сохранило империю божественному родителю вашей святости, (Валентиниану I (364–375 гг.), отцу Валентиниана II) которое поставило после счастливого государя его законных наследников.

29. Этот старший небожитель из своей небесной обители видит слезы жрецов и считает, что вина в нарушении обычая, который он охотно соблюдал, падает на него. Предложите также вашему божественному брату (Грациан (375–383 годы)) исправить то, что он сделал по чужому совету; загладьте его поступок, отрицательное отношение к которому сената он не знал: ведь известно, что делегация не была допущена к нему именно для того, чтоб до него не дошло мнение общества. Согласуется с традицией прошлых времен, чтобы вы не сомневались отменить то, что, как можно доказать, не исходило от государя.

Выступления Либания и Симмаха можно считать последним выражением открытой борьбы против христианства и переходом к новому типу литературы, хоть и антихристианской по тенденции, но уже не выступающей прямо против христианства.

Новые софисты и неоплатоники, отстаивая безнадежное дело, продолжали противопоставлять христианской идеологии – неоплатоновскую философию, христианскому культу – теургию и мантику, христианским деятелям прославленных героев "язычества". Но прямой критики христианства греческая литература V–VI вв. уже не дает.

Типичный представитель последнего периода софистики – Евнапий из Сард (приблизительно 345–420 гг.). Его дошедшая до нас книга "Жизнь софистов" и известные лишь в фрагментах и по отзывам Фотия (IX в.) "Исторические записки" прославляют на все лады "языческих" философов и политических деятелей и выставляют христианских императоров в их истинном свете, как кровавых деспотов. Особенно восторженные похвалы расточает Евнапий Юлиану, составляющему центральную фигуру "Исторических записок". Он приравнивает его к богам; вся предыдущая и последующая история империи для Евнапия лишь рамка, в которой сияет лицо божественного императора. Зато личность и царствование христианских императоров Константина, Феодосия и других изображены в самых мрачных тонах.

Только один раз Евнапий позволил себе прямой выпад против христианства. В 389 г. в Александрии разрушено христианами последнее убежище язычества – великолепный Серапеум, храм Сераписа. Описав разгром Серапеума, произведенный по указаниям "нечестивца" Феофила (патриарха александрийского), Евнапий продолжает: "Тогда они привели в это священное место так называемых монахов, которые имеют хотя человеческий образ, но живут, как свиньи, одобряют и сами совершают тысячи самых дурных и гнусных вещей. Они считают благочестивым делом оскорблять божественное; а в то время всякий, кто носил черное одеяние и в обществе выражал пренебрежение к своей внешности, обладал неограниченной властью. Вот до какой "добродетели" дошло человечество. И вот этих-то монахов поместили в Канопусе, тех самых, которые склоняют род человеческий, вместо культа видимых богов, к почитанию рабов, и притом дурных. Они собирают кости и черепа людей, уличенных в преступлениях и казненных по приговору суда, выдают их за богов и повергаются ниц перед ними... Они называют их мучениками, помощниками и посредниками в их молитвах богам, хотя они только негодные рабы, награжденные плетью..."

По следам Евнапия и в значительной степени на основании его материала написал свою "Историю" Зосим из Газы. Его история (в 4 книгах, сохранившихся частично) охватывает период от Августа до взятия Рима Аларихом в 410 г. Основная идея "Истории" Зосима – в том, что Древний Рим обязан своим величием покровительству богов и, по мере того как древняя религия уступала место нечестивому христианству, империя падала все ниже. И Зосим отводит душу, изображая в самом неприглядном виде христианских императоров, особенно Константина I.

С первого взгляда можно подумать, что старые традиции вновь возродил философ-идеалист, комментатор Платона Прокл Ликийский (410–485 гг.): среди его произведений значится "Восемнадцать доказательств против христиан".

Но содержание этой книги не соответствует ее названию. Книга сама не сохранилась, но из почти целиком сохранившегося опровержения, написанного Иоанном Филопоном, мы знаем 15 из его 18 аргументов; они представляют собою скорее аргументацию в богословском споре внутри христианства, чем доводы против христианства вообще. Вот для примера один из аргументов (речь идет о доказательстве вечности мира):

"Так как творец является творцом чего-то, то он может быть творцом либо на основании деятельности своей, либо на основании заложенной в нем способности творить, хотя он и не творит. Если, таким образом, творец является вечно творящим на основании своей действительной деятельности, то и творение творится вечно. Ибо если причина, говорит Аристотель, действует, то и причиняемое должно быть в такой же мере действительным – например строящее и построенное, исцеляющее и исцеленное. А Платон в "Филебе" говорит, что творящее творит нечто становящееся; но то, что не делает ничего ставшего, не может также сделать ничего становящегося. Если же сотворенное не существует в действительности, то и творящее, значит, не находится в действии; а если оно не находится в действии, то оно только в потенции является творящим, ибо оно существует еще до творения. Но все, что является чем-либо лишь на основании потенции, говорит тот же (Аристотель), становится действительным через какую-нибудь вещь, которая в действительности есть то, что она есть; теплое только в потенции становится теплым благодаря действительно теплой вещи; то же относится к холодному, белому и черному. Но возможно ли, чтоб тот, кто является творцом только в потенции, существовал раньше того, кто является творцом в действительности и превращает того, кто творец только в потенции, в действительного творца? Нет" и так далее

Совершенно очевидно, что эта сумбурная схоластика, остающаяся в пределах формальной, даже чисто словесной логики, отнюдь не задевает сути христианства и христианской церкви.

Примерно в таком же роде была и полемика другого философа и комментатора ряда Аристотелевых трудов – Симплиция (VI в.). Одиннадцатый аргумент основан просто на игре слов "kosmos" ("мир") и "kosmein" ("упорядочить"). Он страстно полемизирует с Иоанном Филопоном, написавшим опровержение "18 доказательств" Прокла. Симплиций не щадит своего противника, награждая его всевозможными бранными эпитетами. Закрытие афинской Академии указом Юстиниана в 529 г., конечно, вызвало бессильный гнев "эллинов", той небольшой группы языческих философов, которая поддерживала древние традиции. Вполне понятно поэтому раздражение Симплиция; по существу же его спор с христианами о вечности мира – спор богословский, а авторитет Аристотеля, как известно, прочно утвердился и в католическом богословии. Действительная борьба против христианского мировоззрения возобновилась позднее, не на заре феодализма, а на закате его, в трудах французских материалистов XVIII в. и их ближайших предшественников.

ИОСИФ ФЛАВИЙ.

Иосиф Флавий (ок. 37 – ок. 100 гг.) – иудейский историк. Происходил из жреческого рода. Участвовал в антиримском восстании в Иудее 68–73 гг. Сдался римлянам. Отпущенный на свободу императором Титом, принял родовое имя последнего – Флавий. Получив римское гражданство и переехав в столицу империи, написал ряд исторических сочинений. В одном из них ("Иудейские древности") содержится упоминание об Иисусе. Рассказ о нем, дошедший до нас в греческом тексте, явно носит следы христианской правки. Но в 1971 г. была опубликована рукопись средневекового христианского епископа Агапия "Всемирная история", написанная по-арабски. В ней приведен другой вариант сообщения Флавия об Иисусе. Ученые полагают, что он отражает подлинный текст Флавия, сохранившийся благодаря ранним переводам его сочинений на сирийский язык. Второе упоминание об Иисусе содержится в XX книге "Иудейских древностей" в связи с рассказом о казни его брата Иакова. Это место знал христианский писатель Ориген. Иаков – "брат Господа" – упомянут в Посланиях Павла (Гал., 1:19; 2:9), он назван среди братьев Иисуса в евангелиях от Марка (6:3) и Матфея (13:55). Церковь считает его двоюродным братом Иисуса.

Иудейские древности, XVIII, 3,3.

В это время жил Иисус, мудрый муж, если только его можно назвать человеком.

Античные критики христианства А. Б. Ранович filosoff.org
ибо он творил чудеса и учил людей, которые радостно воспринимали
возвещаемую им истину. Много иудеев и эллинов он привлек на свою сторону.
Это был Христос. Хотя Пилат по доносу знатных людей нашего народа
приговорил его к распятию на кресте, прежние его последователи не отпали от
него. Ибо на третий день он снова явился к ним живой, как об этом и о
многих других чудесных делах его предсказали богом посланные пророки. И до
нынешнего дня существует еще секта христиан, которые от него получили свое
имя.

Текст Агапия

В это время был мудрый человек по имени Иисус. Его образ жизни был
похвальным, и он славился своей добродетелью; и многие люди из числа иудеев
и других народов стали его учениками. Пилат осудил его на распятие и
смерть; однако те, которые стали его учениками, не отреклись от своего
учителя. Они рассказывали, будто он явился им на третий день после своего
распятия и был живым. В соответствии с этим он-де и был Мессия, о котором
пророки предвещали чудеса...
(Перевод С. С. Аверинцева)

Иудейские древности, XX, 9, I

... (Первосвященник Анан) собрал синедрион и представил ему Иакова, брата
Иисуса, именуемого Христом, равно как нескольких других лиц, обвинил их в
нарушении законов и приговорил к побитию камнями.

КОРНЕЛИЙ ТАЦИТ.

Корнелий Тацит (ок. 58-ок. 117 гг.) - крупнейший римский историк. В своем
труде "Анналы" он пишет о христианах в связи с грандиозным пожаром в Риме в
64 г. В народе ходили упорные слухи, что город был подожжен по приказанию
самого императора Нерона.

Анналы, XV, 44

Но ни средствами человеческими, ни щедротами принцепса, ни обращением за
содействием к божествам невозможно было пресечь бесчестящую его молву, что
пожар был устроен по его приказанию. И вот нерон, чтобы побороть слухи,
приискал виноватых и предал изощреннейшим казням тех, кто своими мерзостями
навлек на себя всеобщую ненависть и кого толпа называла христианами.
Христа, от имени которого происходит это название, казнил при Тиберии
прокуратор Понтий Пилат; подавленное на время, это зловерное суеверие
стало вновь прорываться наружу, и не только в Иудее, откуда пошла эта
пагуба, но и в Риме, куда отовсюду стекается все наиболее гнусное и
постыдное и где оно находит приверженцев. Итак, сначала были схвачены те,
кто открыто признавал себя принадлежащими к этой секте, а затем по их
указаниям и великое множество прочих, избоченных не столько в злодейском
поджоге, сколько в ненависти к роду людскому. Их умерщвление сопровождалось
издевательствами, ибо их облачали в шкуры диких зверей, дабы они были
растерзаны насмерть собаками, распинали на крестах или, обреченных на
смерть в огне, поджигали с наступлением темноты ради ночного освещения. Для
этого зрелища Нерон предоставил свои сады; тогда же он дал представление в
цирке, во время которого сидел среди толпы в одежде возничего или правил
упряжкой, участвуя в состязании колесниц. И хотя на христианах лежала вина
и они заслуживали самой суровой кары, все же эти жестокости пробуждали
сострадание к ним, ибо казалось, что их истребляют не в видах общественной
пользы, а вследствие кровожадности одного Нерона.

ГАЙ СВЕТОНИЙ ТРАНКВИЛЛ.

Гай Светоний Транквилл (ок. 70-ок. 140 гг.) - римский историк. Автор труда
"Жизнь двенадцати цезарей", в котором дает их жизнеописания (от Юлия Цезаря
до Домициана). В биографии Нерона упоминает о христианах.

Нерон, XVII

...Христиане, новый и зловерный вид религиозной секты, подверглись
преследованию казнями.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных

Античные критики христианства А. Б. Ранович filosoff.org
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!